

Annotation

Последний из псевдонимных романов. Был написан в 1956 году. В это время ей уже перевалило за шестой десяток. В дальнейшем все свое свободное от написания детективов время писательница посвящает исключительно собственной автобиографии.

Как-то в одном из своих интервью миссис Кристи сказала:

«В моих романах нет ничего аморального, кроме убийства, разумеется». Зато в романах Мэри Уэстмакотт аморального с избытком, хотя убийств нет совсем. В «Бремени любви» есть и безумная ревность, и жестокость, и жадность, и ненависть, и супружеская неверность, что в известных обстоятельствах вполне может считаться аморальным. В общем роман изобилует всяческими разрушительными пороками. В то же время его название означает вовсе не бремя вины, а бремя любви, чрезмерно опекающей любви старшей сестры к младшей, почти материнской любви Лоры к Ширли, ставшей причиной всех несчастий последней.

Как обычно в романах Уэстмакотт, характеры очень правдоподобны, в них даже можно проследить отдельные черты людей, сыгравших в жизни Кристи определенную роль, хотя не в ее правилах было помещать реальных людей в вымышленные ситуации. Так, изучив характер своего первого мужа, Арчи Кристи, писательница смогла описать мужа одной из героинь, показав, с некоторой долей иронии, его обаяние, но с отвращением – присущую ему безответственность. Любить – бремя для Генри, а быть любимой – для Лоры, старшей сестры, которая сумеет принять эту любовь, лишь пережив всю боль и все огорчения, вызванные собственным стремлением защитить младшую сестру от того, от чего невозможно защитить, – от жизни.

Большой удачей Кристи явилось создание достоверных образов детей. Лора – девочка, появившаяся буквально на первых страницах «Бремени любви» поистине находка, а сцены с ее участием просто впечатляют. Также на страницах романа устами еще одного из персонажей, некоего мистера Болдока, автор высказывает собственный взгляд на отношения родителей и детей, при этом нужно отдать ей должное, не впадая в менторский тон.

Родственные связи, будущее, природа времени – все вовлечено и вплетено в канву этого как бы непритязательного романа, в основе которого множество вопросов, основные из которых: «Что я знаю?», «На что могу уповать?», «Что мне следует делать?»

«Как мне следует жить?» – вот тема не только «Бремени любви», но и всех романов Уэстмакотт. Это интроспективное исследование жизни – такой, как ее понимает Кристи (чье мнение разделяет и множество ее читателей), еще одна часть творчества писательницы, странным и несправедливым образом оставшаяся незамеченной. В известной мере виной этому – примитивные воззрения издателей на имидж автора.

Опубликован в Англии в 1956 году.

Перевод В. Челноковой выполнен специально для настоящего издания и публикуется впервые.

- [Агата Кристи](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [Глава 1](#)

■ [Глава 2](#)

● [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
-

Агата Кристи
(под псевдонимом Мэри УЭСТМАКОТТ)
Бремя любви

"Ибо иго мое благо, и бремя мое легко".

Еванг, от Матфея, гл. II, ст.30

*Господь, ты отобрал утехи тела,
Но указал душе иную даль.
Пока душа не слишком очерствела,
Пошли мне боль, страданье и печаль!*

Р. Л. Стивенсон

Пролог

В церкви было холодно. Стоял октябрь, и топить было рано. На улице солнце еще посылало ненадежное обещание бодрости и тепла, то здесь, среди холодного серого камня, была только сырость и предчувствие зимы.

Лаура стояла между нарядной няней в хрустящих воротничках и манжетах и помощником викария мистером Хенсоном; самого викария свалила жестокая простуда. Мистер Хенсон был худой и юный, с выступающим кадыком и тонким гнусавым голосом.

Миссис Франклин, хрупкая и хорошенькая, опиралась на руку мужа. Сам он стоял важно и прямо. Рождение второй дочери не принесло ему утешения после потери Чарльза. Он хотел сына. Но из того, что сказал врач, стало ясно, что сына уже не будет.

Он перевел взгляд с Лауры на младенца, который лепетал на руках у няни. Две дочери... Конечно, Лаура – очень милая девочка, и новорожденная чудесна, как и все младенцы, но мужчине нужен сын.

Чарльз, Чарльз, золотые кудряшки, как он смеялся, запрокидывая голову... Такой красивый мальчик, такой шустрый и смысленный. Действительно необыкновенный мальчик. Если одному из его детей суждено было умереть, пусть бы уж Лаура...

Он встретился взглядом со старшей дочерью; на маленьком бледном личике глаза казались большими и трагическими, и Франклин, смутившись, покраснел: что он такое думает?! А вдруг ребенок догадается? Конечно, он всей душой любит Лауру, и все-таки, все-таки она – это не Чарльз.

Опершись о руку мужа, полузакрыв глаза, Анджела Франклин думала: «Мой мальчик, мой дорогой красивый мальчик... В голове не укладывается. Ну почему не Лаура?»

Вины за эту мысль она не испытывала. Стоя ближе к первобытным инстинктам, она честнее и безжалостнее, чем муж воспринимала как факт, что ее второй ребенок никогда не станет для нее тем, чем был первый. В сравнении с Чарльзом Лаура проигрывает по всем статьям: тихая, бесцветная. Девочка хорошо воспитана, не доставляет хлопот, но она лишена – как это называется? – индивидуальности.

Она снова подумала: «Чарльз... ничто не возместит мне потерю Чарльза».

Она почувствовала, как муж сжал ей руку: надо было участвовать в

службе. Какой же противный голос у бедняги Хенсона!

* * *

Анджела удивленно и снисходительно посмотрела на младенца на руках у няни: такие большие, торжественные слова для такой крохи.

Спящая девочка моргнула и открыла глазки. У нее поразительно синие глаза – как у Чарльза; она счастливо гулькнула.

Анджела подумала: «Улыбается, как Чарльз», – и на нее нахлынул прилив материнской любви. Это ее ребенок, ее собственный, чудный ребенок. Впервые смерть Чарльза отодвинулась в прошлое.

Анджела встретила грустный взгляд темных глаз Лауры и с мгновенным любопытством подумала: «Интересно, о чем этот ребенок думает?»

Няня тоже обратила внимание на то, как тихо и прямо стоит рядом с ней Лаура.

«Какая же она тихоня, – подумала няня. – Пожалуй, слишком уж тихая; в ее возрасте ненормально быть такой тихой и воспитанной. Ее почти не замечают. А надо бы... как же так...»

В это время преподобный Юстас Хенсон подошел к критическому моменту, который всегда заставлял его нервничать. Ему редко доводилось крестить. Был бы здесь викарий... Он одобрительно посмотрел на серьезное личико Лауры. Воспитанная девочка. Его вдруг заинтересовало: что у нее сейчас в голове?

Этого не знали ни он, ни няня, ни Артур или Анджела Франклин.

Это несправедливо...

О, это несправедливо.

Ее мама любит малышку-сестру, как любила Чарльза.

Это несправедливо...

Она ненавидит, ненавидит, ненавидит малышку!

Пусть бы она умерла!

Лаура стояла возле купели, в ушах у нее звенели торжественные слова крещения, но гораздо явственнее и реальнее была мысль, облеченная в такие слова:

Пусть бы она умерла...

Легкий толчок. Няня подала ей ребенка и прошептала:

– Возьми ее... осторожно... крепче... и передай священнику.

– Я знаю, – шепнула в ответ Лаура.

Вот малышка у нее на руках. Лаура посмотрела на нее.

Подумала: «Что, если я разожму руки, и она упадет на камень. Она умрет?»

Камни серые и твердые – но детей очень сильно укутывают, прямо кокон. Сделать? Решиться?

Она помедлила, и момент был упущен. Ребенок оказался в нервных руках преподобного Юстаса Хенсона, которому явно не хватало умения викария. Он спрашивал у Лауры имена и повторял их: Ширли, Маргарет, Эвелин... Вода стекала со лба малышки. Она не заплакала, только снова довольно гулькнула, будто ей доставили огромное удовольствие. Осторожно, внутренне съежившись, помощник викария поцеловал ребенка в лоб. Он знал, что викарий так делает. И с облегчением вернул ребенка няне.

Обряд крещения закончился.

Часть первая
Лаура – 1929

Глава 1

За внешним спокойствием девочки, стоявшей возле купели, скрывалось разрастающееся чувство негодования и обиды.

С самой смерти Чарльза она надеялась... Хотя она горевала о нем (она его обожала), надежда и страстное желание затмевали горе. Когда Чарльз был жив, такой красивый, обаятельный, веселый и беспечный, вся любовь доставалась ему. Лаура чувствовала, что это правильно, справедливо. Она всегда была тихой, вялой, как это часто бывает с нежеланными детьми, родившимися слишком скоро после первенца. Отец и мать были к ней добры, но любили они Чарльза.

Однажды она подслушала, как мать говорила госте:

– Лаура, конечно, милый ребенок, но она такая скучная.

И она честно и безнадежно признала справедливость этой оценки. Она скучная. Она маленькая, бледная, волосы у нее не выются, она никогда не скажет такого, чтобы все засмеялись, – не то что Чарльз. Да, она хорошая, послушная, никому не доставляет хлопот, но и ничего ни для кого не значит и никогда не будет значить.

Как-то она пожаловалась няне:

– Мама любит Чарльза больше, чем меня.

Няня немедленно отбила удар:

– Глупости и не правда! Мама одинаково любит обоих своих детей. По справедливости. Все мамы поровну любят своих детей.

– А кошки нет, – сказала Лаура, мысленно пересмотрев недавнее рождение котят.

– Кошки – животные, – сказала няня. – В любом случае помни, что тебя любит Бог, – добавила няня, слегка ослабив блистательную убедительность предыдущего довода.

Лаура согласилась. Бог любит ее – ему так положено.

Но даже Бог, наверное больше всех любил Чарльза. Потому что создать Чарльза, конечно гораздо приятнее, чем такую вот Лауру.

«Но я сама могу любить себя больше всех, – утешала себя Лаура. Больше, чем Чарльза, или маму, папу или еще кого-нибудь».

И Лаура стала еще более бледной, тихой и ненавязчивой, чем раньше; няня даже забеспокоилась. Она поделилась с горничной неясными страхами, что Лауру «Бог приберет» молодой.

Но умер Чарльз, а не Лаура.

– Почему ты не купишь своему ребенку собаку? – требовательно спросил мистер Болдок, старый друг Лауриного отца.

Артур Франклин слегка опешил: вопрос прозвучал в разгар жаркого спора об итогах Реформации.

– Какому ребенку?

Болдок мотнул большой головой в сторону Лауры, которая ездил на велосипеде по газону, петляя среди деревьев. Спокойное развлечение, без всякой опасности повредить себе: Лаура была осторожной девочкой.

– С какой стати? – возразил Артур Франклин. – За собаками нужен уход, они вечно прибегают с грязными лапами и рвут ковры.

– Собаки, – сказал Болдок лекторским тоном, которым хоть кого можно вывести из себя, – имеют замечательную способность поднимать в человеке дух. Для собаки хозяин – это бог, которому она не только поклоняется, но еще и любит – это в нашей-то угасающей цивилизации.

Люди сейчас охотно заводят собак. Это придает им ощущение силы и собственной значимости.

– Хм-м. И по-твоему, это правильно?

– Чаще всего нет, – ответил Болдок. – Но у меня есть застарелая слабость: я хочу видеть людей счастливыми. Я хотел бы видеть Лауру счастливой.

– Лаура совершенно счастлива, – сказал ее отец. – К тому же у нее есть котенок.

– Пф. Это не одно и то же. Подумай, и сам поймешь. Но твоя беда в том, что ты не хочешь думать. Вспомни, что ты сейчас говорил об экономических условиях времен Реформации. Ты хоть на минуту задумался, что...

И они опять с наслаждением заспорили, молоток и клещи, и Болдок высказывал самые фантастичные и провокационные мысли.

Однако в голове Артура Франклина засело неясное беспокойство, и в тот же вечер, зайдя к жене, когда та одевалась к обеду, он ни с того, ни с сего спросил:

– Слушай, с Лаурой все в порядке, да? Она здорова, счастлива и все такое?

Жена обратила на него удивленные синие глаза, чарующие васильковые глаза, такие же, как у Чарльза.

– Дорогой! Конечно! С Лаурой всегда все в порядке.

Никаких капризов, вспышек раздражения, как у других детей. Лаура совсем не доставляет мне хлопот. Она безупречна во всех отношениях. Нам просто повезло.

Застегнув на шее жемчужное ожерелье, она спросила:

– А в чем дело? Почему ты заговорил о Лауре?

Артур Франклин туманно протянул:

– Да вот Болди... Он говорит...

– О, Болди? Ну ты же его знаешь. Он вечно что-то выдумывает.

И когда через несколько дней Болдок был приглашен к ним на ленч и они выходили из столовой, Анджела Франклин специально остановила няню и спросила ясным, слегка подчеркнутым голосом:

– С мисс Лаурой ничего не случилось? Она здорова и счастлива, не так ли?

– О да, мадам. – Няня ответила уверенно и с некоторым вызовом. – Она очень хорошая девочка, не доставляет никаких хлопот. Не то что мастер Чарльз.

– Значит, Чарльз доставляет вам хлопоты? – спросил Болдок.

Няня почтительно повернулась к нему.

– Как обычный ребенок, он всегда готов шалить! Видите ли, он развивается, скоро пойдет в школу, в этом возрасте они всегда на взводе. И потом, у него плохо с желудком, он ест слишком много сладостей без моего ведома.

Она со снисходительной улыбкой покачала головой и ушла.

– Все равно она его обожает, – сказала Анджела, когда они вошли в гостиную.

– Это заметно, – сказал Болдок. И непроизвольно добавил:

– Я всегда знал, что женщины дуры.

– Няня ничуть не дура!

– А я не про нее подумал.

– Про меня? – Анджела кинула на него строгий взгляд – но не слишком строгий, потому что все-таки это Болди, веселый, эксцентричный, ему позволялась некоторая грубость – она была, можно сказать, одной из составляющих его привлекательности.

– Я подумываю написать книгу о проблемах второго ребенка, – сказал Болдок.

– Да что ты говоришь! Болди, не ратуешь ли ты за единственного ребенка в семье? Кажется, это считается нездоровым со всех точек зрения.

– Ха! В семье из десяти человек я назову множество здоровых черт. Конечно, я имею в виду законнорожденных. Работа по дому, старшие

заботятся о младших и так далее. Работают все зубчики машины домашнего очага.

Заметь, они действительно полезны, не для показухи. Но мы, как дураки, разделяем и изолируем их согласно возрастным группам! Называем это образованием! Пф! Вопреки природе!

– Эти твои теории! – снисходительно улыбнулась Анджела. – Так что насчет второго ребенка?

Болдок поучительно заговорил:

– Беда второго ребенка в том, что он обычно не вызывает прилива чувств. Первый ребенок – открытие. Это страшно, это больно, женщина уверена, что она умрет, мужчина тоже – Артур, например. А когда все закончится, у вас на руках живой комочек, орущий до посинения, и его произвели на свет двое людей, черт бы их побрал!

Натурально, они и ценят это дитя соответственно. Это ново, это наше, это замечательно! А потом, как правило слишком скоро, появляется Номер Два. Опять все то же самое, только теперь не так страшно и более утомительно.

Вот он – он ваш, но теперь уже почти ничего нового, а раз он обошелся вам не так дорого, то не такой уж он и замечательный.

Анджела пожала плечами.

– Все-то холостякам известно, – съязвила она. – То же относится к номеру Три, Четыре и остальным?

– Не совсем. Я заметил, что перед Номером Три бывает промежуток. Часто Третьего производят потому, что первые два выросли, и – «как было бы чудесно опять иметь малыша». Любопытное пристрастие; маленькие существа отвратительны, но биологически, я полагаю, это здоровый инстинкт. Так все и идет: один милый, другой гадкий, один шустрый, другой вялый, но они – пара, более или менее уживаются, но наконец приходит последыш, которому, как и первенцу, достается неумеренная доля внимания.

– И все это очень несправедливо, ты это хочешь сказать?

– Именно. Вся жизнь несправедлива.

– И как же со всем этим быть?

– Никак.

– Тогда я действительно тебя не понимаю.

– Позавчера я говорил Артуру. У меня мягкое сердце.

Я хочу видеть людей счастливыми. Люблю устраивать так, чтобы люди получали то, чего у них нет, а хочется иметь.

Чтобы немножко выровнять положение. К тому же если этого не

сделать, он помедлил, – может быть опасно.

* * *

– Сколько чепухи наговорил Болди, – задумчиво сказала Анджела после его ухода.

– Джон Болдок – один из выдающихся ученых нашей страны, – сказал Артур и подмигнул.

– О, это я знаю, – фыркнула Анджела, – Я бы сидела скромненько и восторгалась им, если бы он излагал античные законы или давал обзор елизаветинской поэзии. Но что он понимает в детях?

– Абсолютно ничего, насколько я понимаю. Кстати, позавчера он предложил, чтобы мы купили Лауре собаку.

– Собаку? У нее же есть котенок.

– Согласно Болди, это не одно и то же.

– Как странно... Помнится, он говорил, что не любит собак.

– Не сомневаюсь.

Анджела задумчиво проговорила:

– Пожалуй, надо Чарльзу завести собаку. Недавно возле церкви к нему кинулись щенки, и он так испугался.

Чтобы мальчишка боялся собак!.. А если у него будет своя, он привыкнет. Еще надо научить его ездить верхом. Хорошо бы у него был свой пони! Жалко, у нас нет загона!

– Боюсь, о пони не может быть речи, – сказал Франклин.

На кухне горничная Этель говорила кухарке:

– Вот и старый Болдок тоже заметил.

– Что заметил?

– Про мисс Лауру. Что она не жалец на этом свете.

Они Няню спрашивали. Да по ней сразу видно: никаких шалостей у нее, не то что мастер Чарльз. Помяни мое слово, не доживет она до свадьбы.

Но умер все-таки Чарльз.

Глава 2

Чарльз умер от детского паралича. Еще два мальчика в школе заразились, но выздоровели.

Для Анджелы Франклин, не отличавшейся крепким здоровьем, это был сокрушительный удар. Чарльз, обожаемый, любимый, ее красивый, веселый, жизнерадостный мальчик.

Она лежала в полутемной спальне, смотрела в потолок и не могла плакать. Муж, Лаура, прислуга – все ходили на цыпочках. Наконец врач посоветовал Артуру увезти ее за границу.

– Полностью смените обстановку и атмосферу. Ее надо расшевелить. Поезжайте туда, где хороший воздух. Горный воздух. В Швейцарию, например.

Франклины уехали, а Лаура осталась с няней, днем приходила гувернантка мисс Уикс, приветливая, но неинтересная особа.

Отсутствие родителей было Лауре приятно. Можно было считать себя хозяйкой дома! Каждое утро она «заглядывала к кухарке» и заказывала еду на день. Толстая добродушная кухарка миссис Брайтон умирала прить Лауры, и каждый раз меню оказывалось таким, как считала нужным кухарка, но Лаурино чувство собственной значимости не подрывалось. Она тем меньше скучала без родителей, что в уме фантазировала, каким будет их возвращение.

То, что Чарльз умер, – это ужасно. Понятно, что они больше всех любили Чарльза, это было справедливо, нечего и говорить, но теперь – теперь в королевство Чарльза вступает она. Теперь Лаура – их единственный ребенок, на нее они возлагают все надежды, к ней обращена вся их привязанность. Она уже представляла себе сцену их возвращения: мама раскрывает объятия...

«Лаура, моя дорогая. Ты все, что у меня есть в этом мире!»

Трогательные, чувствительные сцены, совсем не в духе Артура и Анджелы Франклин. Но в спектаклях Лауры они были щедрыми и сердечными, и мало-помалу она так во все это уверовала, будто оно уже свершилось.

Идя по аллее к деревне, она репетировала предстоящие разговоры: поднимала брови, качала головой, бормотала под нос слова и фразы.

Она была так поглощена праздником откровения чувств, что не заметила мистера Болдока, который шел ей навстречу, толкая перед собой

садовую корзину на колесиках, в которой он возил покупки.

– Привет, юная Лаура.

Лаура, грубо прерванная в середине сцены, где мать возвращается слепая, и она, Лаура, отказывается выйти замуж за виконта («Я никогда не выйду замуж. Моя мать значит все для меня»), запнулась и покраснела.

– Отца и матери все еще нет, а?

– Да, их не будет еще дней десять.

– Понял. Хочешь, приходи завтра ко мне на чай?

– Ода.

Лаура была в восторге. Мистер Болдок преподавал в Университете в четырнадцати милях отсюда, имел в деревне домик, куда приезжал на каникулы и иногда по выходным. Он уклонялся от светской жизни и оскорбил весь Белбери, постоянно и весьма грубо отклоняя любые приглашения. Единственным его другом был Артур, эта дружба выдержала многолетнее испытание. Джон Болдок не был приветливым человеком. Со своими учениками он обращался так язвительно и безжалостно, что лучшие из них стремились превзойти себя, а остальные прозябали на обочине. Он написал несколько толстых неудобоваримых книг о смутных периодах истории, и лишь очень немногие смогли понять, к чему он клонит. Издатели зывали к нему, убеждая сделать книги более удобочитаемыми, но он с суровым видом отвергал их доводы, указывая, что те, кто понимает, и есть единственные достойные его читатели! Особенно груб он бывал с женщинами, и это им так нравилось, что они приходили еще и еще. При всей своей предвзятости и высокомерии он имел неожиданно доброе сердце, которое зачастую, входило в противоречие с его же принципами.

Лаура понимала, что быть приглашенной на чай к мистеру Болдоку большая честь, и соответственно подготовилась. Она явилась умытая, причесанная, аккуратно одетая, но все же настороженная, потому что Болдок был опасным человеком.

Домохозяйка провела ее в библиотеку, где Болдок оторвался от книги и воззрился на нее.

– Привет. Ты что здесь делаешь?

– Вы пригласили меня на чай, – ответила Лаура.

Болдок глядел на нее в раздумье. Лаура ответила твердым вежливым взглядом, успешно преодолев внутреннюю неуверенность.

– Да. – Болдок потер нос. – Хм... да, пригласил. Не знаю зачем. Ну садись.

– Куда?

Вопрос был в высшей степени уместный. Библиотека была заставлена стеллажами до потолка, полки забиты книгами, а те, которые не поместились, валялись кучами на полу, на столах и стульях.

Болдок с досадой огляделся.

– Придется что-то предпринять, – недовольно сказал он.

Выбрав кресло, загруженное меньше других, он, сопя и пыхтя, сгрузил на пол две охапки пыльных книг.

– Вот. – Он отряхнул руки и чихнул.

– Разве здесь никто не вытирает пыль? – спросила Лаура, степенно усаживаясь в кресло.

– Пусть только попробуют! – сказал Болдок. – Заметь, за это приходится бороться. Женщине ничего другого не надо, дай только попрыгать с огромным желтым пылесосом да натащить кучу банок с липкой дрянью, воняющей скипидаром или еще чем похуже. Схватит книги и сложит стопками по размеру, не считаясь с тематикой. Потом включит свою вредоносную машину, пожужжит, попыхтит и наконец уходит, страшно довольная собой, а ты после этого месяц не можешь найти нужную книгу. Женщины! О чем только Господь Бог думал, создавая их! Наверно, ему показалось, что Адам слишком зазнался; как же, венец творения, давал имена животным и все такое. Бог решил, что пора дать ему пинка. Не смею сказать, что он был не прав. Но создавать женщину – это уж слишком. Посмотри, во что бедняга вляпался! Прямиком в первородный грех!^[1]

– Мне очень жаль, – сказала Лаура.

– Чего тебе жаль?

– Что вы так обижены на женщин, потому что я, по-моему, тоже женщина.

– Пока еще нет, слава Богу, – сказал Болдок. – Правда, это ненадолго. Это неизбежно, но не будем о грустном. Кстати, я вовсе не забывал, что ты придешь на чай.

Ни на минуту. Я притворялся с определенной целью.

– С какой?

– Ну... – Болдок опять потер нос. – Во-первых, я хотел посмотреть, что ты на это скажешь. – Он кивнул. – Ты прошла тест отлично. Просто очень хорошо.

Лаура уставилась на него в полном недоумении.

– Была и другая причина. Если мы с тобой собираемся дружить, а похоже, к этому идет, то ты должна принимать меня таким, каков я есть – грубый, неласковый скряга. Понятно? Никаких сладких речей. «Дорогое

дитя, как я рад тебя видеть, я так тебя ждал».

Болдок повторил последнюю фразу тонким фальцетом, с неприкрытым презрением. Вся серьезность мигом слетела с лица Лауры, она засмеялась.

– Было бы очень смешно, – сказала она.

– Еще бы.

К Лауре вернулась солидность. Она задумчиво глядела на него.

– Вы думаете, мы будем дружить?

– Дело взаимного согласия. Тебе нравится эта идея?

Лаура подумала.

– Это немного странно, – с сомнением сказала она. – Дружат обычно дети, они вместе играют.

– Не рассчитывай, что я буду играть с тобой «Каравай-каравай, кого хочешь выбирай»!

– Это для маленьких, – с упреком сказала Лаура.

– Наша дружба будет протекать, безусловно, в интеллектуальном плане.

Лаура была довольна.

– Я не совсем понимаю, что это значит, но мне нравится.

– А значит это, что мы будем встречаться и обсуждать темы, представляющие взаимный интерес.

– Какие темы?

– Ну... например, еда. Я обожаю поесть. Думаю, ты тоже. Но мне шестьдесят лет, а тебе – сколько? Десять?

Вне всякого сомнения, наши мысли на этот счет будут различными. Интересно. Будут и другие темы: краски, цветы, звери, история Англии.

– Вроде жен Генриха Восьмого?

– Именно. Произнеси имя Генрих, и девять человек из десяти вспомнят жен. Какое оскорбление для человека, прозванного Справедливейшим Принцем Христианского Мира и первостатейного государственного деятеля, – а его вспоминают только за попытки получить законного наследника мужского пола! Его мерзкие жены не имеют никакого значения для истории.

– А я думаю, что его жены очень важны.

– Ага! Уже дискуссия.

– Я бы хотела быть Джейн Сеймур.

– Почему так?

– Она умерла, – исступленно проговорила Лаура.

– Но умерла и Нан Буллен, и Катерина Говард.

– Их казнили. Только одна Джейн была за ним замужем год, родила ребенка и умерла, и все ее ужасно жалели.

– Что ж, твоя позиция понятна. Пошли в другую комнату, может, нам чаю дадут.

* * *

– Какое замечательное чаепитие! – пылко воскликнула Лаура.

Она обежала глазами булочки со смородиной, рогалики, эклеры, сэндвичи с огурцом и огромный неудобоваримый и жирный кекс с изюмом. И хихикнула:

– Вы меня ждали! Хотя, у вас каждый день так?

– Упаси Бог!

Они дружно принялись за еду. Болдок съел шесть сэндвичей с огурцом, Лаура – четыре эклера и попробовала понемножку всего остального.

– Я рад, что у тебя хороший аппетит, – сказал Болдок, когда они закончили.

– Я все время хочу есть. И меня никогда не тошнит, как Чарльза.

– Хм, Чарльз. Я думаю, ты по нему тоскуешь.

– Да, очень. Правда.

Кустистые седые брови Болдока поползли вверх.

– Ну, ну. Кто говорит, что не правда?

– Никто. А я скучаю – честное слово.

Он серьезно кивнул и стал изучать ее.

– Как это грустно – умереть так рано. – Лаура бессознательно подражала кому-то из взрослых.

– Да, очень грустно.

– Ужасно грустно для мамы и папы. Теперь я – все, что у них осталось в мире.

– Вот как?

Она смотрела отсутствующим взглядом. Она опять была в своих мечтах. «Лаура, дорогая, ты все, что у меня есть.

Мой единственный ребенок. Мое сокровище».

– Тухлятина, – сказал Болдок. Это было у него одно из проявлений беспокойства. – Тухлятина! Тухлятина! – Он с досадой потряс головой. Лаура, пошли в сад. Посмотрим на розы. Расскажи, что ты делаешь целыми днями.

- Ну, утром приходит мисс Уикс, и мы занимаемся.
- Старая кляча!
- Вам она не нравится?
- Да у нее на лбу написано: «Гэртон». Лаура, запомни, ни за что не поступай в Гэртон!
- Что такое Гэртон?
- Женский колледж в Кэмбридже. Когда я о нем думаю, у меня мурашки бегут по коже!
- Когда мне исполнится двенадцать лет, я пойду в – Вы думаете, мне там не понравится?
- Опасаюсь, что понравится! В том-то и дело, лупить других девчонок хоккейными клюшками по ногам, ходить в гости к обожаемой учительнице музыки, затем продолжать учебу в Гэртоне или в Самервилле. Ну ничего, пара лет у нас еще есть, пока не случится худшее. Возьмем от них все. А что ты будешь делать, когда вырастешь? Ты уже думала?
- Я думала, что могла бы лечить прокаженных.
- Ну, это еще ничего. Только не приводи их в дом и не подсовывай мужу в постель. Так сделала Святая Елизавета в Венгрии. Неразумное рвение. Конечно, перед Богом она святая, но жена никудышная.
- Я никогда не выйду замуж, – тоном отречения сказала Лаура – Нет? Я бы на твоём месте вышел. Старые девы хуже замужних женщин. Конечно, при этом не повезет какому-то мужчине, но подозреваю, что из тебя получится жена лучше других.
- Это было бы не правильно. Я должна буду ухаживать за мамой и папой, когда они состарятся. У них же никого нет, кроме меня.
- У них есть кухарка, горничная, садовник, большой доход и куча друзей. С ними все будет нормально. Родителям приходится расставаться с детьми, когда приходит срок. Иногда к обоюдному облегчению. – Он резко остановился возле клумбы роз. – Вот мои розы. Нравятся?
- Очень красивые, – вежливо ответила Лаура.
- Я люблю их больше, чем людей. Хотя бы за то, что они недолго живут. – Он твердой рукой взял Лауру за плечо. – До свиданья, Лаура. Тебе пора идти. Дружба не должна быть в тягость. Я был рад тебя видеть.
- До свиданья, мистер Болдок. Спасибо. Мне тоже было очень приятно.
- Вежливые формулировки легко слетали с ее губ. Она была воспитанной девочкой.
- Молодец. – Болдок похлопал ее по плечу. – Так и надо говорить. Учтивость – это пароль, который заставляет колеса крутиться. Вот

дорастешь до моих лет, тогда говори что угодно Лаура улыбнулась и вышла через железную калитку, которую он перед ней распахнул. Потом в нерешительности обернулась.

– Ну, что еще?

– Так мы правда договорились? Я имею в виду, насчет дружбы?

Болдок потер нос.

– Да, – сказал он со вздохом. – Думаю, да.

– Я надеюсь, вы не очень против, – встревожилась Лаура.

– Не очень Мне надо привыкнуть к этой идее.

– Да, конечно. Мне тоже. Но я думаю... Я думаю...

Это будет очень приятно. До свиданья.

– До свиданья.

Болдок смотрел на удаляющуюся фигурку и сердито бормотал: «Во что же ты вляпался, старый дурак!»

Он направил стопы к дому, где его поджидала экономка миссис Роуз.

– Девочка ушла?

– Да, ушла.

– О Господи, что же она так мало побыла?

– Вполне достаточно. Дети и низшие классы никогда не умеют вовремя попрощаться. Приходится делать это за них.

– Ну и ну! – Миссис Роуз возмущенно глядела на него, пока он проходил мимо нее в дом.

– До свиданья, – сказал ей Болдок. – Я иду в библиотеку и не хочу, чтобы меня снова беспокоили.

– А на ужин.

– Что хотите, – отмахнулся он. – И заберите все эти сладости. Съешьте сами или скормите кошкам.

– О, спасибо, сэра. У меня племянница...

– Хоть племяннице, хоть кошке, кому угодно.

Он вошел в библиотеку и хлопнул дверью.

– Ну и ну! – опять сказала миссис Роуз. – Сварливый старый бобыль! Но я-то его понимаю, не то, что другие.

Лаура пришла домой, исполненная чувства собственного достоинства.

Она просунула голову в окно кухни, где горничная Этель осваивала премудрости тамбурной вышивки.

– Этель, у меня есть друг, – сказала Лаура.

– Да, дорогуша, – сказала Этель и забормотала:

– Пять цепочек, два раза в следующую петлю, восемь цепочек...

– У меня есть друг, – повторно сообщила Лаура.

Этель продолжала бормотать:

– Пять двойных цепочек, потом три раза в следующую петлю – что-то получается не так... Где же я упустила?

– У меня есть друг! – прокричала Лаура, разъяренная полным отсутствием понимания.

Этель с удивлением подняла голову.

– Надо потереть, дорогуша, – потри, – расплывчато ответила она.

Лаура с отвращением отвернулась.

Глава 3

Анджела Франклин с ужасом думала о возвращении домой, но это оказалось не так страшно, как она опасалась.

Когда они подъехали к дверям, она сказала мужу:

– Вон Лаура ждет нас на ступеньках. Какая она возбужденная!

И, выскочив из машины, она пылко протянула к дочери руки.

– Лаура, дорогая! Как чудесно видеть тебя Ты очень скучала?

Лаура честно ответила:

– Не очень. Я была занята. Я сплела тебе коврик из пальмового волокна.

На Анджелу нахлынули воспоминания о Чарльзе – как он бы кинулся к ней, весь в слезах, обнимал бы ее, кричал: «Мамочка! Мамочка!»

Как это больно – вспоминать...

Она оттолкнула от себя воспоминания, улыбнулась Лауре и сказала:

– Пальмовый коврик? Как это мило, дорогая.

Артур Франклин потрепал дочь по головке.

– Ты подросла, киска.

Все вошли в дом.

Лаура сама не знала, чего ждет. Вот мама и папа, они рады ей, вертятся вокруг нее, задают вопросы. Это не с ними неладно, это с ней. Она не может... что она не может?

Все оказалось не так, как она рассчитывала. Она не заняла место Чарльза. Чего-то в ней не хватает. Но завтра все будет иначе! Если не завтра, то послезавтра или через два дня. Лаура вдруг вспомнила пленившие ее слова из старомодной детской книжки: «Душа этого дома».

Вот что она такое – душа этого дома.

Вот кем она должна быть – но ее охватило горькое предчувствие, что она так и осталась просто Лаурой, такой же, какой была всегда.

Просто Лаура...

* * *

– Болди, кажется, воспылал любовью к Лауре, – сообщила Анджела. Представляешь, когда нас не было, он приглашал ее к себе на чай.

На что Артур ответил, что интересно было бы ему знать, о чем они

разговаривали.

Помолчав, Анджела сказала:

– Я думаю, мы должны рассказать Лауре. Если этого не сделать, она услышит от слуг или кого-то еще. В конце концов, она слишком большая, чтобы верить в аиста или в капусту.

Она лежала под кедром на плетеном диванчике, повернув голову к мужу, сидевшему в шезлонге.

Печать страдания все еще лежала на ее лице. Жизнь, которую она вела, не сумела пока развеять чувство утраты.

– Это будет мальчик, – сказал Артур Франклин. – Я знаю, что это будет мальчик.

Анджела улыбнулась и покачала головой.

– Не стоит гадать, – сказала она.

– Говорю тебе, Анджела, я знаю, – он был совершенно уверен. Мальчик, похожий на Чарльза, другой Чарльз, смеющийся, синеглазый, озорной, нежный.

Анджела подумала: «Может, будет мальчик – но это будет не Чарльз».

– Но если родится девочка, мы тоже будем очень довольны, – не слишком убедительно сказал муж.

– Артур, я знаю, что ты хочешь сына.

– Да, – вздохнул он, – я бы хотел сына.

Мужчина всегда хочет сына, ему нужен сын. Дочери – это совсем другое.

Движимый неясным чувством вины, он сказал:

– Лаура – очень милая девочка.

Анджела искренне с ним согласилась.

– Я это вижу. Она хорошая, тихая, всегда готовая помочь. Мы будем скучать, когда она пойдет в школу. – Она добавила:

– Для нее тоже лучше, чтобы это была не девочка, а то Лаура может взревновать, а это совсем ни к чему.

– Конечно.

– Но дети иногда ревнуют, это естественно; вот почему я думаю, что мы обязаны сказать, подготовить ее.

И потому Анджела Франклин поговорила с дочкой.

– Лаура, хочешь маленького братика? – И запоздало добавила:

– Или сестричку?

Лаура уставилась на мать. Смысл слов не дошел до нее.

Она не понимала.

Анджела мягко сказала:

– Видишь ли, дорогая, у меня будет ребенок... В сентябре. Хорошо, правда?

Она пришла в замешательство, когда Лаура, что-то буркнув, повернулась и ушла с покрасневшимся от непонятных чувств лицом.

Анджела забеспокоилась.

– Не понимаю, – сказала она мужу. – Может, мы ошиблись? Я никогда не говорила с ней ни о чем таком.

Может, она понятия не имеет...

Артур Франклин возразил, что, поскольку рождение котят в доме явилось грандиозным событием, едва ли Лаура не знакома с этой стороной жизни.

– Да, но может, она думает, что у людей по-другому. Ее это могло шокировать.

Это и правда шокировало Лауру, однако вовсе не биологической стороной. Просто до сих пор ей не приходила в голову мысль, что мать может родить другого ребенка. Ситуация представлялась ей простой и четкой. Чарльз умер, и она у родителей единственный ребенок. Как она себе говорила, «все, что у них есть в этом мире».

И вот, вот теперь будет новый Чарльз.

В отличие от родителей, она не сомневалась, что будет мальчик.

Ее охватило жестокое чувство заброшенности.

Она долго сидела съежившись на бортике огуречного парника, борясь с отчаянием.

Потом решила. Встала и пошла по дороге, ведущей к дому мистера Болдока.

Мистер Болдок, скрежеща зубами и изрыгая злобу, писал саркастический обзор из серии «Жизнь замечательных людей» для учебного журнала.

Он повернул к двери свирепое лицо, когда миссис Роуз, постучав, вошла и доложила:

– К вам маленькая мисс Лаура.

– А, это ты. – Он еле сдержал поток ругательств.

Он был в замешательстве. Ничего себе! Эта девчонка собирается соваться к нему в любой, самый неподходящий момент. Так они не договаривались. Чертовы дети! Дай им палец – всю руку отхватят. Он не любит детей. Никогда не любил.

Он растерянно смотрел на Лауру. В ее глазах не было выражения виноватости. В них было горе, а также полная уверенность в праве находиться там, куда она пришла.

Никаких вежливых извинений.

– Я подумала, что должна прийти сообщить вам, что у меня будет маленький брат.

– Ох, – отпрянул Болдок. – Ну-у. – Он тянул время.

Бледное лицо Лауры ничего не выражало. – Ну и новость, ты не находишь? – Он помолчал. – Ты рада?

– Нет. Кажется, нет.

– Эти малыши – такая гадость, – с сочувствием согласился Болдок. – Ни зубов, ни волос, и орут до посинения. Матери, конечно, их любят, иначе эти несчастные скотины вообще бы никогда не выросли. Но когда ему будет три или четыре года, ты обнаружишь, что он не так уж плох. Как щенок или котенок.

– Чарльз умер, – сказала Лаура. – Как вы думаете, мой новый братик тоже умрет?

Он глянул на нее и твердо сказал:

– И не думай. Молния не ударяет дважды в одно место.

– Так и кухарка говорит. Это означает, что одно и то же не происходит дважды, да?

– Именно так.

– Чарльз... – начала было Лаура, но остановилась. И Болдок опять скользнул по ней быстрым взглядом.

– С чего ты взяла, что будет братик? С таким же успехом может быть сестричка.

– Маме кажется, что будет братик.

– Я бы на твоём месте не верил. Она будет не первой женщиной, которая ошиблась.

Лицо Лауры вдруг осветилось.

– Как Джосафат, – сказала она. – Самый последний котенок. А он оказался девочкой. Теперь его зовут Джозефина.

– Ну вот, – подбодрил ее Болдок. – Не люблю пари, но тут готов поспорить на деньги, что будет девочка.

– Правда? – с горячностью спросила Лаура.

Она улыбнулась такой благодарной и милой улыбкой, что Болдок был потрясен.

– Спасибо, – сказала она. – Я пойду. – Она вежливо добавила:

– Надеюсь, я не помешала вам работать?

– Все нормально. Я всегда рад тебя видеть, если по серьезному делу. Я знаю, что ты не станешь врывать ко мне ради пустяковой болтовни.

– Конечно не стану, – искренне сказала Лаура.

Она выскользнула и плотно прикрыла за собой дверь.
Беседа очень ободрила ее. Она знала, что мистер Болдок – очень умный человек.

«Скорее ошибается мама, чем он», – подумала она.
Сестричка? С этой мыслью она могла примириться.

Сестра – это всего лишь вторая Лаура, но в худшем исполнении. Лаура без зубов и без волос и совсем неразумная.

* * *

Сознание Анджелы прорывалось сквозь милосердный дурман анестезии, а васильковые глаза спрашивали то, что не решались произнести губы:

«Ну как... кто?»

Медсестра в присущей всем сестрам манере ответила бодро и оживленно:

– У вас чудная девочка, миссис Франклин.

– Девочка... девочка... – Синие глаза закрылись.

Ее охватило разочарование. Она была так уверена...

Всего лишь вторая Лаура...

Пробудилась прежняя боль утраты. Чарльз, ее красивый, смеющийся Чарльз. Ее мальчик, сыночек...

Внизу кухарка оживленно говорила:

– Ну вот, мисс Лаура, у вас появилась сестренка. Что вы на это скажете?

Лаура с достоинством отвечала:

– Я знала, что будет девочка.

Это мистер Болдок сказал.

– Что может понимать такой старый холостяк, как он?

– Он очень умный, – отвечала Лаура.

Силы у Анджелы восстанавливались очень медленно.

Артура Франклина это тревожило. Когда ребенку исполнился месяц, он нерешительно сказал жене:

– Разве это так уж важно – что девочка, а не мальчик?

– Нет, конечно нет. Не очень. Только я была так уверена.

– Но ты понимаешь, что, даже если бы это был мальчик, это не был бы Чарльз?

– Конечно, конечно.

Вошла няня с девочкой на руках.

– А вот и мы. Она стала такая хорошенькая. Пойдешь к мусечке-мамусечке, детка?

Анджела нехотя приняла ребенка и с неприязнью посмотрела няне вслед.

– Какие идиотские вещи говорят эти женщины.

Артур засмеялся.

– Лаура, подай мне ту подушку, дорогая.

Лаура принесла ей подушку и стояла, глядя, как мать поудобнее устраивает ребенка. Она была исполнена чувства собственной зрелости и важности. Ребенок – несмышленьш. Мать полагается только на нее, Лауру.

Вечер был прохладный, огонь, горящий за решеткой камина, приятно согревал. Ребенок что-то радостно лепетал и вскрикивал.

Анджела увидела его синие глаза, ротик, готовый улыбнуться, и вздрогнув, почувствовала, что глядит в глаза Чарльза. Чарльза-новорожденного. Она почти забыла, каким он был в этом возрасте.

В ней вспыхнула любовь. Ее ребенок, ее чудо – как она могла быть холодна к этому восхитительному созданию?

Она была просто слепа! Прекрасный, веселый ребенок – как Чарльз.

– Крошка моя, – проворковала она. – Мое сокровище, моя любовь.

Она склонилась над ребенком. Она забыла о Лауре, стоящей рядом. Она не заметила, как Лаура выскользнула из комнаты.

Но, повинувшись смутному беспокойству, она сказала Артуру:

– Мери Уэлс не сможет приехать на крестины. Может, пусть Лаура будет представлять крестную мать? Я думаю, ее это порадует.

Глава 4

– Понравились крестины? – спросил мистер Болдок.

– Нет, – сказала Лаура.

– В церкви, наверно, было холодно, – сказал Болдок. – Хотя купель красивая. Норманнская – черный турнейский мрамор.

Лауру эта информация не заинтересовала.

Она думала, как лучше сформулировать вопрос.

– Можно вас спросить, мистер Болдок?

– Конечно.

– Это очень плохо – молиться, чтобы кто-то умер?

Болдок глянул на нее искоса.

– С моей точки зрения, это было бы непростительным вмешательством.

– Вмешательством?

– Видишь ли, всем преданием заправляет Всевышний, так? Что же ты будешь совать пальцы в его механику? Какое твое дело?

– А по-моему. Бог не станет возражать. Если ребенок крещен и все такое, он попадет прямо в рай?

– Куда же еще, – согласился Болдок.

– А Бог обожает детей. Так в Библии сказано. Он будет рад встрече.

Болдок походил по комнате. Он был расстроен и не старался этого скрыть.

– Послушай, Лаура, – сказал он наконец. – Ты должна заниматься своим делом.

– Это как раз мое дело.

– Нет! Твое дело – только ты сама. О себе молись сколько хочешь. Проси себе голубые глаза, или бриллиантовую диадему, или чтобы ты победила на конкурсе красоты. Самое худшее, что может случиться, – это что тебе скажут «Да».

Лаура смотрела на него не понимая.

– Я тебе точно говорю, – сказал Болдок.

Лаура вежливо поблагодарила и сказала, что ей пора домой.

Когда она ушла, Болдок потер подбородок, почесал голову, подергал нос и рассеянно вставил в статью медоточивый отклик на книгу врага.

Лаура шла домой в глубокой задумчивости.

Проходя мимо маленькой католической церкви, она остановилась.

Женщина, приходившая днем помогать по кухне, была католичкой, и Лауре вспомнились беспорядочные обрывки бесед, к которым она прислушивалась, поддаваясь очарованию чего-то редкого, странного и к тому же запретного. Няня, которая исправно ходила в англиканскую церковь, имела весьма суровые взгляды на то, что она называла Вавилонской блудницей. Кто или что такое эта Блудница, Лаура не знала, кроме того, что она как-то связана с Вавилоном.

Ей на ум пришла болтовня Молли, как надо молиться об исполнении; для этого нужна свечка. Лаура еще немного поколебалась, потом глубоко вздохнула, оглянулась по сторонам и нырнула в церковь.

Там было темно и ничем не пахло, в отличие от церкви, куда Лаура ходила по воскресеньям. Никакой Вавилонской блудницы не было, но была гипсовая статуя Дамы в Голубом плаще, перед ней стоял поднос, а на нем проволочные петли, в которых горели зажженные свечи. Рядом лежали свежие свечи и стоял ящичек со щелью для денег.

Лаура замялась. Ее познания в теологии были путанны и ограничены. Она знала, что есть Бог, что он обязан ее любить, потому что он Бог. Был также Дьявол, с рогами и хвостом, специалист по искушению. Вавилонская блудница занимала, видимо, какое-то промежуточное положение.

Наиболее благожелательной выглядела Леди в Голубом плаще, кажется, с ней можно было бы поговорить об исполнении желаний.

Лаура глубоко вздохнула и пошарила в кармане, где лежал нетронутый шестипенсовик – ее недельные карманные деньги.

Она опустила монету в щель и услышала, как она звякнула. Назад дороги нет! Она взяла свечку, зажгла ее и вставила в держатель. Заговорила тихо и вежливо:

– Вот мое желание. Пожалуйста, заберите ребенка на небеса – И добавила:

– Как можно скорее, пожалуйста.

Она еще немного постояла. Свечи горели. Леди в Голубом плаще продолжала благожелательно смотреть. Лаура почувствовала какую-то пустоту в душе. Потом нахмурившись вышла из церкви и пошла домой.

На террасе стояла детская коляска. Лаура подошла и встала рядом, глядя на спящего ребенка. Курчавая головка повернулась, веки поднялись, и на Лауру посмотрели несфокусированным взглядом синие глаза.

– Ты скоро попадешь в рай, – сообщила Лаура сестричке. – В раю очень хорошо, – убедительно добавила она. – Везде золото и драгоценные камни. И арфы, – добавила она, минуту подумав. – Много ангелов с крыльями из настоящих перьев. Там гораздо лучше, чем здесь.

Она подумала еще немного.

– Ты увидишь Чарльза. Ты только подумай! Увидишь Чарльза.

Анджела Франклин вышла из комнаты.

– Привет, Лаура. Ты разговариваешь с ребенком?

Она склонилась над коляской.

– Здравствуй, моя сладкая. Проснулась?

Артур Франклин вышел на террасу вслед за женой. Он сказал:

– Почему женщины говорят детям всякую чушь? А, Лаура? Ты не думаешь, что это странно?

– Я думаю, что это не чушь, – сказала Лаура.

– Вот как? А что же это? – Он улыбался, поддразнивая.

– Я думаю, это любовь.

Он чуть вздрогнул. «Лаура, – подумал он, – странная девочка. Трудно понять, что таит этот прямой, невыразительный взгляд».

– Нужно покрывало для коляски, вязаное или из муслина, я не знаю. Накрывать на улице. Я вечно боюсь, что на нее вскочит кошка, ляжет на лицо, и крошка задохнется. Здесь вокруг полно кошек.

– Ба! – сказал муж. – Ты наслушалась бабьих сказок. Не верю, чтобы хоть когда-нибудь кошка задушила ребенка.

– О Артур, так бывает, об этом часто пишут в газетах.

– Не поручусь, что это правда.

– Все равно покрывало нужно, и еще надо сказать няне, чтобы поглядывала из окна, все ли в порядке.

О дорогой, как жаль, что нашей старой няне пришлось уехать к умирающей сестре. Эта новая – я в ней не очень уверена.

– Почему же? По-моему, милая девушка. Любит ребенка, имеет хорошие рекомендации и все такое.

– Да, конечно, с виду все в порядке. И все же – В ее рекомендациях есть пробел в полтора года.

– Она ухаживала за матерью.

– Все они так говорят! Тем более что нельзя проверить. А может, она по некоторым причинам не желает, чтобы мы знали.

– Думаешь, она попала в беду?

Анджела кинула ему предостерегающий взгляд, кивнув на Лауру.

– Осторожнее, Артур. Нет, я не это имела в виду.

– Что же, дорогая?

– Не могу сказать. Просто когда я с ней разговариваю, я чувствую, что она беспокоится, как бы мы что-то не узнали.

– Хочешь вызвать полицию?

– Артур! Очень глупая шутка.

Лаура тихо вышла. Она была понятливая девочка, она видела, что отец и мать хотели бы поговорить о новой няне, не смущаясь ее присутствием. Новая няня ее не интересовала; бледная, темноволосая девушка, с мягким выговором, она проявляла доброту к Лауре, но была ей совершенно не интересна.

Лаура думала о Леди в Голубом плаще.

* * *

– Ну давай, Джозефина, – нетерпеливо сказала Лаура.

Джозефина, бывший Джосафат, активно не сопротивлялась, но выказывала все признаки пассивного сопротивления. Лаура оторвала ее от восхитительного сна у стенки садового домика, и волоком протащила через весь огород, вокруг дома, к террасе.

– Сюда! – Лаура сбросила Джозефину на землю. В двух метрах от них на гравии стояла детская коляска.

Лаура медленно пошла по лужайке; дойдя до липы, оглянулась. Джозефина, возмущенно помахивая хвостом, принялась вылизывать живот, вытянув pistolетом длинную заднюю лапу. Закончив туалет, она зевнула и огляделась по сторонам. Потом без всякого воодушевления принялась чесать за ухом, передумала, опять зевнула и наконец встала и медленно и задумчиво пошла и завернула за угол.

Лаура догнала ее, подхватила и притащила на место.

Джозефина глянула на нее, села, подергивая хвостом. Как только Лаура отошла к дереву, Джозефина снова встала, зевнула, потянулась и ушла. Лаура опять притащила ее обратно, уговаривая:

– Джозефина, здесь солнышко, здесь хорошо!

Джозефина явно демонстрировала несогласие с этим утверждением. Она пришла в дурное настроение, прижала уши и била хвостом.

– Привет, юная Лаура.

Лаура вздрогнула и обернулась. Позади стоял Болдок.

Она не слыхала, как он подошел по мягкой траве лужайки. Оставленная без внимания, Джозефина тут же кинулась к дереву, влезла на ветку и со злобным удовлетворением посматривала на них сверху.

– В этом у кошек явное преимущество перед людьми, – сказал Болдок. Захотят удрать от людей – влезают на дерево. А у нас единственный способ это запереться в уборной.

Лаура была шокирована. «Уборная» принадлежала к разряду слов, про которые няня говорила, что они не для юных леди.

– Но приходится выходить, – продолжал Болдок, – хотя бы потому, что другим тоже надо в уборную. А твоя кошка теперь просидит на дереве два часа.

Но Джозефина продемонстрировала присущую кошкам непредсказуемость: она спрыгнула, подошла и стала с мурлыканьем тереться о брюки Болдока, как будто говорила:

«Ну наконец-то я дождалась».

– Привет, Болди. – Анджела вышла на террасу. – Пришел засвидетельствовать свое почтение новорожденной? О Боже, кошка! Лаура, дорогая, забери Джозефину. Запри ее в кухне. Я так и не купила покрывало. Артур смеется надо мной, но кошки в самом деле запрыгивают и укладываются на груди у ребенка, и он задыхается. Я не хочу, чтобы кошки завели привычку слоняться вокруг террасы.

Лаура унесла Джозефину, и Болдок проводил ее понимающим взглядом.

После обеда Артур затащил друга в кабинет.

– Тут такая статья... – начал он.

Мистер Болдок решительно и бесцеремонно, как это было в его обыкновении, прервал Артура.

– Минутку. Сначала я тебе кое-что скажу. Почему вы не отправляете ребенка в школу?

– Лауру? У нас есть такая мысль. После Рождества, я думаю. Ей будет одиннадцать лет.

– Не жди. Сделай это сейчас.

– В середине четверти? К тому же мисс Уикс очень...

Болдок не постеснялся выразить свое мнение насчет мисс Уикс.

– Лауре не нужны поучения высохшего синего чулка, даже если он набит мозгами. Ей нужно развеяться, нужна компания других девочек, другие проблемы, наконец.

Иначе может случиться трагедия.

– Трагедия? Какая еще трагедия?

– Позавчера двое милых мальчиков свою маленькую сестренку вынули из коляски и бросили в реку. Они сказали, что ребенок доставлял маме слишком много хлопот.

Они искренне верят в это.

Артур уставился на Болдока.

– Ты считаешь, тут ревность?

– Ревность.

– Дорогой мой Болди, Лаура не ревнива.

– Откуда ты знаешь? Ревность пожирает изнутри.

– В ней никогда не проявлялось ничего подобного.

Она славный, нежный ребенок, но в ней совсем нет сильных чувств, должен тебе сказать.

– Это он мне говорит! – фыркнул Болдок. – Спросил бы лучше меня; вы с Анджелой не знаете главного про своего ребенка.

Артур добродушно улыбнулся. Он привык к Болди.

– Мы будем следить за малышом, если это тебя беспокоит. Я намекну Анджеле, чтобы была поосторожнее.

Чтобы поменьше суежилась вокруг малыша и побольше уделяла внимания Лауре. Это поможет. – Он добавил с оттенком любопытства:

– Я все время удивляюсь, что ты нашел в Лауре. Она...

– В ней чувствуется редкостная, необыкновенная сила духа, – сказал Болдок. – По крайней мере, я так думаю.

– Ну... я поговорю с Анджелой... но она только посмеется.

К удивлению мужа, Анджела не засмеялась.

– В этом что-то есть. Детские психологи считают, что ревность к новому ребенку естественна и почти неизбежна.

Хотя, по правде говоря, в Лауре я ее совсем не замечаю.

Она такая безмятежная; не похоже, чтобы она была сильно привязана ко мне или вообще к чему-нибудь еще. Я постараюсь показать ей, что я на нее полагаюсь.

И когда через неделю они отправились на уик-энд к старым друзьям, Анджела сказала Лауре:

– Ты позаботишься о малышке, пока нас не будет? Как приятно чувствовать, что дома остаешься ты, что ты за всем присмотришь. Ведь у нас уже давно нет нашей няни, ты же понимаешь.

Лауре было приятно. От слов матери она почувствовала себя взрослой и значительной. Ее бледное личико зарделось.

К несчастью, весь добрый эффект почти тотчас же был разрушен подслушанной беседой между няней и Этель.

– Правда, чудный ребенок? – сказала Этель, потрепав крошку грубым пальцем. – Такой пупсик. Странно, что мисс Лаура всегда была такая смиренная. Неудивительно, что мама с папой относятся к ней не так, как к мастеру Чарльзу или к этой детке. Мисс Лаура милая девочка – больше о ней и сказать нечего.

В этот вечер Лаура опустилась на колени возле кровати и стала

молиться.

Раз Дама в Голубом плаще не откликнулась на ее пожелание, Лаура обратилась в высшую инстанцию.

– Пожалуйста, Бог, – молилась она, – пусть ребенок поскорее умрет и попадет в рай. Поскорее.

Она забралась на кровать, легла, чувствуя себя виноватой и испорченной. Она сделала то, что мистер Болдок не велел делать, а мистер Болдок умный человек. За свечку Даме в Голубом она себя не корила наверное, потому, что с самого начала не верила в успех. И в том, что принесла Джозефину на террасу, она не видела зла. Она же не сунула кошку в коляску – вот это было бы злое дело. А если бы Джозефина по собственному желанию?..

Но в эту ночь она перешла Рубикон. Бог – он всемогущ...

Некоторое время Лауру била дрожь, но потом она заснула.

Глава 5

Анджела и Артур Франклин уехали на машине.

Наверху в детской новая няня, Гвинет Джонс, укладывала ребенка спать.

Ей было тревожно, В последнее время у нее появились определенные предвестники, ощущения, и вот сегодня вечером...

– Мне это показалось, – твердила она себе. – Одно воображение, только и всего.

Ведь врач говорил, что второго припадка может никогда и не случиться!

В детстве бывало, а потом ничего не было вплоть до того ужасного дня...

Эти детские припадки тетя называла зубовными судорогами. Но врач сказал совсем другое слово, спокойно и без уверток он назвал болезнь. И решительно заявил: «Вам нельзя работать с детьми. Это небезопасно».

Но она уже заплатила за дорогостоящее обучение. У нее была профессия, она умела делать свое дело, получила диплом, ей хорошо платили, и она любила ухаживать за малышами. Прошел год – ничего плохого не случилось. Все это чепуха, решила она, врач ее просто запугивает.

И она написала в бюро – в другое бюро по найму, и вскоре получила место; ей тут нравилось, а ребенок – просто прелесть.

Она положила ребенка в кроватку и пошла ужинать.

Потом среди ночи она проснулась от беспокойства, почти в ужасе. Она подумала:

«Надо выпить горячего молока. Все пройдет».

Она зажгла спиртовку и поставила ее на стол у окна.

Второго предупреждения не было. Она свалилась, как сноп, и корчилась в судорогах на полу. Лампа упала, пламя побежало по ковру и добралось до муслиновых занавесок.

* * *

Лаура вдруг проснулась.

Ей снился сон, плохой сон, подробностей она не помнила. Кто-то за

ней гнался; но теперь она в безопасности, дома, в своей кровати.

Она нащупала лампу, включила ее и посмотрела на часы.

Двенадцать часов. Полночь.

Она сидела и почему-то не спешила выключать свет.

Что такое? Странное потрескивание... «Наверное, воры», – подумала Лаура. Как все дети, она все время ожидала воров. Она вылезла из кровати, подошла к двери, приоткрыла ее и высунула голову. Кругом было тихо и темно.

И все-таки Лаура чувствовала непонятный запах дыма.

Она прошла через площадку и открыла дверь, ведущую к прислуге. Ничего.

Пошла на другую сторону площадки и распахнула дверь, за которой был небольшой коридорчик, ведущий в детскую и детскую ванну.

Она отшатнулась в ужасе. Огромные черные клубы дыма охватили ее.

– Пожар! Горим!

Лаура с криком бросилась в крыло прислуги:

– Пожар! Горим!

Ей не очень ясно помнилось, что тогда происходило.

Этель – Этель, бегущая вниз к телефону; Кухарка – Кухарка, окутанная дымом, утешает ее: «Все будет хорошо, пожарники сейчас приедут, они вытащат их через окно, не волнуйся, моя дорогая».

Но Лаура знала, что не будет все хорошо.

Она была в отчаянии: она знала, что это Бог откликнулся на ее молитву. Бог действовал быстро и с неопишуемой жестокостью. Так Он забирал ребенка на небеса.

Кухарка подталкивала Лауру к крыльцу:

– Идите, мисс Лаура, нечего ждать, надо выбираться из дома.

Но ведь Няня и ребенок не могут выбраться из дома!

Они отрезаны там, в детской!

Кухарка тяжело спускалась по лестнице, таща за собой Лауру. Но только они вышли из дверей на газон, где уже стояла Этель, и кухарка ослабила хватку, как Лаура рванулась обратно и взбежала вверх по лестнице.

Откуда-то издали из-за дыма доносился жалобный плач.

И тут в Лауре вдруг что-то проснулось: неожиданная теплота, страстное желание спасти, это непонятное, нерасчетливое чувство, – любовь.

Рассудок действовал трезво и четко. Она откуда-то знала, что для спасения на пожаре надо обмотать рот мокрым полотенцем. Она вбежала в

свою комнату, схватила махровое полотенце и окунула его в кувшин, обмотала вокруг головы и ринулась в дым.

Коридор был уже в огне, падали куски дерева. Там, где взрослый оценил бы степень риска и шансы на успех, – Лаура бросилась очертя голову с детским мужеством неведения. Она должна вытащить ребенка, она должна его спасти. Иначе он сгорит заживо. Она споткнулась о тело лежащей без сознания Гвинет, не понимая, что это. Кашляя и задыхаясь, она пробиралась к кровати – ширма частично отгораживала ее от дыма. Лаура схватила ребенка, прижала к себе и накрыла мокрым полотенцем. Задыхаясь от дыма, она повернулась к двери.

Но идти было некуда. Дорогу назад отрезало пламя.

Лаура не потеряла разума. Есть еще дверь на чердак.

Она нащупала ее, толкнула, оказалась в пустом отсеке, откуда шаткая лестница вела на чердак. Они с Чарльзом не раз вылезали по ней на крышу. Если удастся выбраться на крышу...

Приехала пожарная машина, и к ней с криком кинулись две обезумевшие женщины в ночных рубашках:

– Ребенок! В комнате наверху ребенок и няня!

Пожарник присвистнул и закусил губу. Та часть дома была объята огнем. «Пропавшее дело, – сказал он себе. – Живыми их не вытащить!»

– Кто-нибудь еще выбрался? – спросил он.

Кухарка огляделась и закричала:

– Где мисс Лаура? Мы вышли вместе! Где она?

В это время пожарник окликнул:

– Эй, Джо, смотри, там кто-то на крыше, в том конце. Давай лестницу.

В мгновение ока они доставили и опустили на газон свою ношу – Лауру, которую трудно было узнать: черную, с обожженными руками, почти без сознания, но крепко прижимающую к себе живой комочек, который отчаянным ревом возвещал, что жив.

* * *

– Если бы не Лаура... – Анджела запнулась, сдерживая чувства. – Мы выяснили насчет бедной няни, – продолжала она. – Оказывается, у нее была эпилепсия'. Врач предупреждал, что ей больше нельзя работать няней, но она не послушалась. Предполагают, что во время припадков она столкнула спиртовку с окна. Я всегда говорила, что с ней что-то не так, что она боится, как бы мы что-то не узнали.

– Бедняга, она за это поплатилась, – сказал Франклин.

Безжалостная в своей материнской любви, Анджела отмела попытку пожалеть Гвинет Джонс.

– И если бы не Лаура, ребенок сторел бы в огне.

– Как она сейчас, здорова? – спросил Болдок.

– Да. Шок, конечно, и руки обожжены, но не сильно. Врач говорит, она полностью поправится.

– Хорошо, что так, – сказал Болдок.

Анджела возмущенно сказала:

– А вы расписывали Артуру, что Лаура так ревнует, что готова убить несчастную крошку! Вот уж действительно – холостяк!

– Ну, ну, будет. Я нечасто ошибаюсь и смею сказать, иногда неплохо и ошибиться.

– Вы только сходите посмотрите на них.

В детской малышка лежала на коврикe на полу у камина, болтая ножками и издавая непонятные звуки.

Рядом сидела Лаура. Руки у нее были забинтованы, ресницы обгорели, что придавало лицу забавное выражение. Она гремела яркой погремушкой, стараясь привлечь внимание сестренки. Повернувшись, она посмотрела на Болдока.

– Привет, юная Лаура, – сказал Болдок. – Как поживаешь? Я слышал, ты у нас героиня. Доблестная спасительница.

Лаура коротко взглянула на него и снова обратилась к погремушкам.

– Как твои руки?

– Очень болели, но их смазали какой-то мазью, и теперь лучше.

– Чудная ты, – сказал Болдок, тяжело усаживаясь в кресло. – В один день рассчитываешь, что кошка задушит сестренку, – да-да, меня не обманешь, – а на следующий день лезешь на крышу и спасаешь ребенка с риском для собственной жизни.

– И все-таки я ее спасла, – сказала Лаура. – Она ни чуточки не пострадала – Наклонившись к ребенку, она со страстью сказала:

– Я никогда не позволю, чтобы с ней что-нибудь случилось, никогда. Я буду заботиться о ней всю жизнь.

Болдок поднял брови.

– Значит, это любовь. Ты любишь ее, так ведь?

– О да! – с тем же пылом ответила она. – Я люблю ее больше всего на свете!

Болдок был поражен. Он подумал – как будто лопнул кокон. Лицо девочки словно светилось. Это чувство делало его прекрасным, вопреки

отсутствию бровей и ресниц.

– Понятно, – сказал Болдок. – Понятно... Что же мы теперь будем делать, интересно?

Лаура посмотрела на него озадаченно, даже с некоторым опасением.

– Разве это не правильно? Чтобы я ее любила?

Болдок смотрел на нее, и лицо его было задумчиво.

– Для тебя – да, юная Лаура. Для тебя правильно...

Он потер подбородок и впал в прострацию.

Будучи историком, он в основном занимался прошлым, но бывали моменты, когда его безумно раздражало то, что он не может предвидеть будущее. Сейчас был как раз такой момент.

Он смотрел на Лауру и воркующую Ширли и сердито хмурился. «Где они будут, – думал он, – через десять лет, двадцать, двадцать пять? И где буду я?»

На последний вопрос ответ нашелся сразу: «В земле.

Под дерном».

Он знал это, но верил лишь отчасти, как и все энергичные, полные радости жизни люди.

Будущее темно и загадочно! Что будет через двадцать с лишним лет? Может быть, еще одна война? (Скорее всего!) Новые болезни? Может, люди нацепят на себя металлические крылья и будут летать по улицам, как ангелы, – этакое кощунство! Полетят на Марс? Питаться будут не бифштексами с сочным зеленым горошком, а таблетками из пузырьков?

– О чем вы думаете? – спросила Лаура.

– О будущем.

– Что будет завтра?

– Гораздо дальше. Полагаю, ты умеешь читать, Лаура?

– Конечно, – , оскорбилась Лаура. – Я прочла почти Всего Доктора Дулитла, и книжки про Винни-Пуха, и...

– Объясни мне одну отвратительную деталь. Как ты читаешь книгу? Начинаешь с начала и потом подряд до конца?

– Да. А вы разве не так?

– Нет, – сказал Болдок. – Я просматриваю начало, чтобы понять, про что речь, потом смотрю в конец, чтобы узнать, к чему этот тип приходит и что пытается доказать. А потом, только потом возвращаюсь к началу и смотрю, как же он туда попадет и что его заставит на этом остановиться. Так гораздо интереснее.

Лаура заинтересовалась, но не одобрила.

– Не думаю, что автор хотел бы, чтобы его книги читали таким

образом.

– Конечно нет.

– Я думаю, надо читать так, как хотел бы автор.

– А, но ты не учитываешь интересы другой стороны, как сказали бы адвокаты. Существует также читатель, и у читателя есть свои права. Автор пишет книгу так, как пожелает. Распоряжается полностью. Расставляет запятые, издевается над здравым смыслом – все, что хочет. Но читатель читает книгу так, как хочет сам, и автор ничего не может с ним поделать.

– У вас это выглядит как сражение, – сказала Лаура.

– Я люблю сражения, – сказал Болдок. – Правда состоит в том, что всех нас обуял рабский страх перед Временем. Хронологическая последовательность не имеет значения! Если у тебя есть Вечность, ты можешь перескакивать во Времени как угодно. Но никто не считается с Вечностью.

Лаура отвлеклась. Она не считалась с Вечностью. Она считалась с Ширли.

И, наблюдая за ее преданным, любящим взглядом, Болдок снова ощутил в себе неясное тревожное предчувствие.

Часть вторая
Ширли – 1946

Глава 1

Ширли быстрым шагом шла по дорожке, держа под мышкой ракетку и туфли. Она слегка запыхалась, но губы ее чему-то улыбались.

Надо спешить, она опаздывает к ужину. Вообще-то последний сет можно было и не играть. Все равно ничего хорошего не вышло. Пэм такой чайник. Пэм и Гордон совсем не могли соперничать с Ширли и – как его?.. – Генри. Генри – а дальше как?..

Размышляя о Генри, Ширли замедлила шаги.

В ее жизни Генри был чем-то новеньким. Совсем не похож на местных молодых людей. Она мысленно их перебрала. Робин, сын викария. Милый, очень преданный, как-то старомодно, по-рыцарски. Собирается учиться дальше в Институте востоковедения и вообще несколько высококобый. Затем Питер – ужас какой молодой и неоперившийся. Ну и Эдвард Вестбери – заметно старше других, работает в банке и чересчур увлечен политикой. Все трое здешние, из Белбери. А Генри прибыл издалека, представился как чей-то племянник, и с ним пришло чувство свободы и раскованности.

Особенно нравилось Ширли последнее слово – оно означало качество, которое ее восхищало.

В Белбери раскованности нет, все тесно связаны между собой.

А еще в Белбери слишком много семейной солидарности. У всех в Белбери есть корни. Все здесь – чьи-нибудь.

Последние слова несколько смущали Ширли, но она подумала, что они хорошо выражают ее мысль.

А Генри определенно не принадлежит никому. Самое большее, чем он может быть, – это чьим-то племянником, да и то его тетка, может быть, не родная, а так, свойственница.

«Нелепо, конечно, – рассуждала Ширли. – Само собой, у Генри должны быть отец и мать, как у всех, и где-то у него есть дом». Но она решила, что родители его умерли молодыми в неизвестной части света. А может быть, его мать постоянно живет на Ривьере и сменила множество мужей.

«Забавно, – опять сказала себе Ширли. – Про Генри не знаешь самого основного. Не знаешь даже его фамилии или хотя бы кто его сегодня привел».

Но она чувствовала, что это характерно для Генри: про него ей ничего

не должно быть известно. Так он и должен был появиться – загадочный, непонятного происхождения, – а потом скрыться, и никто так никогда и не узнает, как же его фамилия или хотя бы чей он племянник. Просто красивый молодой человек с завлекательной улыбкой, который замечательно играет в теннис.

Ширли понравилась его бесцеремонность; когда Мери Крофтон задала вопрос: «Как же мы будем играть?» – Генри тут же ответил:

– Я буду играть с Ширли против вас.

Она была уверена, что Генри всегда поступает так, как хочет.

Она его спросила: «Вы к нам надолго?» – и он туманно ответил: «О, я пока не задумывался».

Он не предложил встретиться еще раз.

Ширли нахмурилась. Она бы хотела, чтобы предложил.

Она взглянула на часы и прибавила шагу. Она здорово опаздывает. Не то чтобы Лаура рассердится. Лаура никогда не сердится. Лаура – ангел...

Показался дом. Построенный в раннегеоргианском стиле, он был красивым, но казался несколько кособоким – как она понимала, по той причине, что некогда пожар уничтожил одно крыло, и его так и не восстановили.

Невольно Ширли замедлила шаги. Почему-то сегодня ей не хотелось домой. Не захотелось снова оказаться в четырех приветливых стенах, где свет вечернего солнца падает на поблекшую ситцевую обивку. Там так тихо и мирно; там будет Лаура – с приветливым лицом, с внимательным, оберегающим взглядом, и Этель, гроыхающая тарелками. Теплота, любовь, защита, дом... Это и есть самое ценное в жизни? И все это принадлежит ей, без всяких усилий или желания с ее стороны, и все это давит...

«Однако как странно я все это представила, – подумала Ширли. – Давит? – На меня? Что, Господи прости, я имела в виду?»

Но она так чувствовала. Давление – постоянное, неослабное давление. Как рюкзак, который она однажды тащила на пешей прогулке. Сначала его не замечаешь, но постепенно он дает о себе знать, прижимает, врезается в плечи, наваливается на тебя. Бремя...

– Ну о чем я только думаю! – воскликнула Ширли и побежала к раскрытым дверям дома.

В холле было полутемно. Со второго этажа Лаура крикнула в колодезь лестничной клетки своим мягким глуховатым голосом:

– Это ты, Ширли?

– Да. Боюсь, я сильно опоздала, Лаура.

– Пустяки. На ужин всего лишь макароны в сухарях, Этель держит их в духовке.

Из-за поворота лестницы вышла Лаура – хрупкое, изящное создание с почти бесцветным лицом и темно-кариими, как-то странно посаженными глазами, отчего их взгляд казался почему-то трагическим.

Она спустилась и с улыбкой посмотрела на Ширли.

– Повеселилась?

– Да.

– Хорошо играли?

– Неплохо.

– Кто-нибудь новенький на теннисе был? Или все из Белбери?

– В основном из Белбери.

Странно – когда тебя спрашивают, то не хочется отвечать! Хотя вопросы вполне безобидные. Естественно, Лауре хочется знать, как она развлекалась.

Если люди тебя любят, им всегда хочется знать...

А Генри тоже спрашивают? Она безуспешно пыталась представить себе Генри дома. Смешно, но она вообще не видит эту сцену: Генри – и вдруг дома! Хотя есть же у него где-то дом!

Смутная картина поплыла перед глазами. Генри заходит в комнату, а там его мать, платиновая блондинка, она только что вернулась с юга Франции и подкрашивает губы помадой невысказанного цвета. «Хэлло, мама, ты приехала?» «Да. В теннис играл?» – «Да». Ни интереса, ни любопытства.

Лаура с любопытством спросила:

– Ты о чем-то говоришь сама с собой, Ширли? У тебя шевелятся губы и поднимаются брови.

Ширли засмеялась:

– О, воображаю один разговор.

Лаура вскинула тонкие брови.

– Похоже, приятный?

– О, очень забавный.

Верная Этель высунула голову из столовой:

– Ужин подан.

Ширли воскликнула:

– Мне надо ополоснуться, – и взбежала по лестнице.

После ужина они сидели в гостиной, и Лаура сказала:

– Я сегодня получила проспекты Секретарского Колледжа Святой Катерины. Я слышала, что он лучший в своем роде. Что ты об этом

думаешь, Ширли?

Ширли скорчила гримасу.

– Учиться печатать, стенографировать, а потом идти работать?

– Почему бы нет?

Ширли вздохнула, потом засмеялась.

– Потому что я страшно ленива. Лучше я останусь дома и ничего не буду делать. Лаура дорогая, я столько лет училась в школе! Имею я право на передышку?

– Я хочу, чтобы ты сама захотела чему-нибудь научиться или хоть чем-то заинтересовалась. – На миг лоб Лауры прорезали морщины.

– Ну, а я – пережиток прошлого. Я хочу сидеть дома и мечтать, чтобы у меня был красивый высокий муж и куча возможностей обеспечить растущую семью.

Лаура не реагировала.

– Если ты будешь учиться в Святой Катерине, надо подумать, где ты будешь в Лондоне жить. Как ты отнесешься к тому, чтобы жить у родственников – у кузины Анджелы, например?

– Только не Анджела! Имей сердце, Лаура.

– Пусть не Анджела, но в какой-нибудь семье. Я думаю, есть еще пансионаты. А позже ты сможешь снимать квартиру вместе с какой-нибудь девушкой.

– Почему я не могу снимать квартиру вместе с тобой? – возмутилась Ширли.

Лаура покачала головой.

– Я останусь здесь.

– Как? Ты не поедешь со мной в Лондон? – недоверчиво спросила Ширли.

Лаура просто ответила:

– Я не желаю тебе зла, дорогая.

– Но как ты можешь причинить мне зло?

– Ну... я ведь собственница!

– Как матери, пожирающие своих детенышей? Лаура, никакая ты не собственница!

– Надеюсь, но никогда не знаешь, – с сомнением произнесла Лаура и, нахмурившись, добавила:

– Сам себя-то толком не знаешь...

– Лаура, тебе не за что терзаться угрызениями совести, ты никогда меня не подавляла. Ты не командовала, не третировала меня, не пыталась за меня построить мою жизнь.

– Но именно это я сейчас и делаю – устраиваю тебя на курсы секретарш, когда ты этого совсем не хочешь!
Сестры засмеялись.

* * *

Лаура выпрямилась и потянулась.
– Четыре дюжины, – сказала она.
Она подвязывала стебли гороха.
– Мы получим за него хорошую цену у Трендлов.
Длинные стебли, по четыре завязи на каждой веточке. Горошек в этом году хорошо уродился, Хордер.
Неуклюжий, грязный, мрачный старик кивнул.
– Неплохо в этом году, – нехотя прохрипел он.
Хордер был уверен в своем положении. Он был садовником на пенсии, знал свое ремесло, и после пяти лет войны^[2] ему цены не было. Все стремились его заполучить.

Лаура захватила его силой своей натуры, хотя миссис Киндел предлагала гораздо больше денег, ее муж, по слухам, разбогател на военных поставках.

Но Хордер предпочел работать у мисс Франклин. Он знал ее мать и отца; приличные люди, благородные. Он помнил мисс Лауру совсем малюткой. Но на службу его вдохновляли не только сантименты – ему нравилось работать у мисс Лауры. У нее не побалуешь; и когда ее нет дома, она знает, сколько ты должен успеть. Но за все, что сделаешь, она умеет быть благодарной. Она щедра на похвалы и восхищение. Ну и, конечно, в одиннадцать часов всегда подает чай – горячий, крепкий, с сахаром. Никто из тех, кто сам пьет чай с сахаром сколько хочет, не скажет, что она скупится. И к тому же она сама ловко работает, мисс Лаура подвязывает быстрее, чем он, а это кое о чем говорит. И всегда она смотрит вперед, планирует то да се, у нее идеи, и она вникает во всякие новшества.

Например, эти колпачки. Хордер был о них невысокого мнения. Лаура допускала, что, возможно, она не права...

Польщенный Хордер снизошел до того, чтобы испытать новинку, и томаты получились такими, что он сам удивился.

– Пять часов, – сказала Лаура, посмотрев на часы. – Мы хорошо потрудились.

Она огляделась: металлические вазы и бидоны были заполнены

утренней порцией цветов для отправки в Милчестер – она снабжала торговца цветами и зеленью.

– За овощи дают знатную цену, – сказал Хордер. – Никогда бы не поверил.

– Все равно мы были правы, перейдя на цветы. За время войны люди истосковались по ним, а овощи выращивают все.

– А, все пошло не так, как раньше. Во времена вашего папеньки с маменькой никто бы и не подумал выращивать что-то на продажу. Уж какое это было место – просто картинка! Тут работал мистер Вебстер, он пришел перед самым пожаром. Ну и пожар был! Хорошо еще, весь дом не сгорел.

Лаура кивнула и сняла резиновый фартук. Слова Хордера отбросили ее на много лет назад. «Перед самым пожаром...»

Пожар стал поворотным моментом в ее жизни. До этого она смутно помнила себя: несчастная ревнивая девочка, жаждущая любви и внимания.

Но в ночь пожара появилась новая Лаура – Лаура, жизнь которой внезапно оказалась полной и насыщенной. С того момента, как она с Ширли на руках пробивалась сквозь огонь и дым, жизнь ее обрела смысл и цель: забота о Ширли.

Она спасла Ширли от смерти. Ширли принадлежит ей.

Мгновенно (так ей теперь казалось) две важнейшие фигуры, отец и мать, отошли на задний план. Ослабело и угасло ее отчаянное желание, чтобы они ее замечали и нуждались в ней. Видимо, она не столько любила их, как хотела, чтобы любили ее. Любовь – это то, что она вдруг почувствовала к этому маленькому комочку плоти по имени Ширли. Удовлетворение всех неистовых желаний, осуществление неосознанной потребности. Теперь не она, Лаура, имеет значение, а Ширли...

Она будет заботиться о Ширли, смотреть, чтобы ей ничто не угрожало, никакие хищные кошки, она будет просыпаться по ночам, чтобы убедиться, нет ли снова пожара; она будет носить Ширли на руках, давать ей игрушки, играть с ней во всякие игры – когда та подрастет, ухаживать за ней – когда заболит...

Одиннадцатилетняя девочка не могла, конечно, предвидеть, что Франклины полетят на самолете в Ле Туке на краткий отдых, и на обратном пути их самолет разобьется...

Тогда Лауре было четырнадцать лет, Ширли – три года. Близких родственников у них не было, ближайшей была кузина Анджела. Лаура сама все спланировала, тщательно обдумала каждую деталь, взвесила и представила на рассмотрение со всей силой неукротимого упрямства.

Пожилой нотариус и мистер Болдок были соответственно

исполнителем и опекуном. Лаура предложила следующее: она должна бросить школу и жить дома, у Ширли останется ее превосходная няня, мисс Уикс бросит свой коттедж и переселится в дом, будет обучать Лауру и работать по найму в качестве экономки. Предложение было замечательное, практичное и легко выполнимое, только мистер Болдок слабо возразил, что он не любит гэртонских выпускниц и что мисс Уикс с ее идеями превратит Лауру в синий чулок.

Но у Лауры не было сомнений насчет мисс Уикс – ведь не она будет всем заправлять. Мисс Уикс – интеллектуалка, весь ее энтузиазм направлен на математику, а домашние дела ее не увлекут.

План сработал отлично. Лаура получила прекрасное образование, мисс Уикс – привольное житье, о котором прежде и не мечтала, и между ней и Болдоком никаких трений не возникало. Когда надо было принять решение о новой служанке или куда отдать Ширли – в какой детский сад, потом школу в ближайшем городе, – все решала Лаура, а не мисс Уикс. В доме царила полная гармония. Позже Ширли отослали в известную школу-интернат. Лауре тогда было двадцать два года.

Через год разразилась война, и образ жизни переменился. Школу Ширли перевели в новое помещение. Мисс Уикс уехала в Лондон и стала работать в министерстве.

Военное министерство реквизировало их дом под жилье для офицеров. Лаура перебралась в коттедж садовника, работала на соседней ферме и одновременно ухитрялась выращивать собственные овощи в своем большом, огороженном стеной саду.

А год назад война с Германией закончилась. Дом ей вернули мгновенно и неожиданно. Лаура постаралась насколько возможно снова превратить его в дом. Ширли возвратилась, закончив школу, решительно отказалась продолжать учебу в университете.

Она сказала, что недостаточно умна для этого! Классная дама в письме к Лауре выразила это другими словами:

«Я не думаю, что Ширли из тех, кому полезна учеба в университете. Она милая девочка, очень интеллигентная, но отнюдь не научного склада».

Так Ширли вернулась домой, и их опора – Этель, работавшая на заводе, который теперь перестал быть военным, бросила работу и появилась у них, но уже не как горничная, а как мастерица на все руки и старый друг. Лаура вынашивала планы по выращиванию овощей и цветов. Если они с Ширли собираются сохранить дом, нужно, чтобы сад окупал себя, есть надежда, что он будет даже давать прибыль.

Такая картина прошлого пронеслась перед Лаурой, когда она, сняв

фартук, пошла в дом умыться. Все эти годы центральной фигурой ее жизни была Ширли.

Малютка Ширли, стоя на шатких ножках, запинаясь рассказывает Лауре, чем заняты ее куклы. Ширли постарше приходит из детского сада и выливает на нее поток путаных описаний мисс Дакворт, и Томми, и Мери, и что натворил этот гадкий Робин, и что нарисовал в альбоме Питер, и что по этому поводу сказала мисс Дак.

Ширли еще старше возвращается из интерната, переполненная информацией: каких девочек она любит, каких ненавидит, у мисс Джефри, учительницы английского, ангельский характер, математичка, презренная мисс Эндрюс, делает подлости, а учительницу французского никто не уважает. Ширли болтала с Лаурой легко, не задумываясь. Они были между собой в довольно занятных отношениях: и не то чтобы сестры – слишком велик разрыв в годах, и не то чтобы разные поколения – как дети и родители. Лауре никогда не приходилось спрашивать, Ширли всегда первая выпалит: «О Лаура, что я тебе расскажу!» и Лаура будет слушать, смеяться, комментировать, соглашаться, спорить.

Сейчас Ширли приехала домой насовсем, и поначалу Лауре казалось, что все идет, как всегда. Каждый день они обменивались впечатлениями. Ширли беззаботно рассказывала о Робине Гранте, об Эдварде Вестбери; для нее искренней, увлекающейся натуры, – было естественным, – или так казалось со стороны – делиться всем, что с ней произошло.

Но вчера, вернувшись с тенниса, она односложно отвечала на вопросы Лауры. Интересно почему. Ширли, конечно, взрослеет. У нее появляется своя жизнь, свои мысли. Так и должно быть. Что сейчас от Лауры требуется, так это понять, как правильно себя с ней вести. Лаура, вздохнув, посмотрела на часы и решила сходить к мистеру Болдоку.

Глава 2

Болдок возился в саду, когда пришла Лаура. Хрюкнув, он тут же спросил:

– Как тебе нравятся мои бегонии? Хороши?

Мистер Болдок был неважным садовником, но необычайно гордился, когда у него что-то получалось, и полностью игнорировал неудачи. Друзья тоже не должны были их замечать. Лаура послушно оглядела чахлые бегонии и сказала, что они очень милые.

– Милые? Да они великолепны! – Болдок, который уже совсем состарился и стал гораздо толще, чем восемнадцать лет назад, со стоном нагнулся и выдернул несколько сорняков.

– Все из-за сырого лета, – прокряхтел он. – Только прополешь грядку опять вылезает. Сказать не решаюсь, что я думаю о вьюнках! Говорите что хотите, но я считаю, что их создал сам дьявол! – Он отдышался и пыхтя спросил:

– Ну, юная Лаура, что тебя привело? Какая беда? Рассказывай.

– Когда я встревожена, я всегда прихожу к вам. С шести лет.

– Ты была странным ребенком. Худенькое личико и огромные глаза.

– Я хотела бы знать, правильно ли я поступаю.

– Я бы на твоём месте не беспокоился. Каррррр! Вылезай, презренное чудовище! (Это относилось к вьюнку.) Нет, не беспокоился бы. Некоторые всегда знают, что хорошо, а что плохо, а другие понятия не имеют. Это как слух в музыке.

– Я имею в виду не в моральном плане – хорошо или плохо, а насколько это умно.

– Ну, тогда другое дело. В целом человек делает больше глупых вещей, чем умных. В чем проблема?

– Это насчет Ширли.

– Естественно. Ни о чем другом ты и не думаешь.

– Я хочу, чтобы она поехала в Лондон учиться, на секретаря.

– Мне это кажется выдающейся глупостью, – сказал Болдок. – Ширли милое дитя, но из нее ни за что не получится компетентная секретарша.

– Должна же она что-то делать.

– Да, теперь так говорят.

– И я хочу, чтобы она общалась с людьми.

– Проклятье, дьявол и все напасти на эту крапиву. – Болдок потряс

обожженной рукой. – С людьми? С какими это людьми? С толпами? С работодателями? С другими девицами? С молодыми людьми?

– Я как раз имею в виду – с молодыми людьми.

Болдок хохотнул.

– Она и здесь неплохо устроилась. Этот маменькин сынок Робин смотрит на нее как овечка, молодой Питер из-за этого ужасно переживает, и даже Эдвард Вестбери начал мазать бриллиантином то, что у него осталось от волос. Я унюхал его в церкви прошлым воскресеньем. Думаю – для кого это он? А как вышли из церкви, смотрю – он возле нее крутится, как застенчивая дворняжка.

– По-моему, никто из них ей не нравится.

– С чего бы? Лаура, дай ей время, она еще молода.

Послушай, ты действительно хочешь отослать ее в Лондон или поедешь с ней?

– Не поеду, в этом весь смысл.

Болдок выпрямился.

– Значит, в этом весь смысл? – Он смотрел с любопытством. – Что у тебя на уме, Лаура?

Лаура разглядывала землю под ногами.

– Как вы только что сказали, Ширли – единственное, что имеет для меня значение. Я так люблю ее, что боюсь ей навредить. Или привязать к себе слишком тесно.

Голос у Болдока был необычно нежным, когда он заговорил:

– Она на десять лет младше тебя, и ты для нее скорее мать, чем сестра.

– Да, я так себя и чувствую.

– И будучи умной девушкой, сознаешь, что материнская любовь собственническая?

– Да, и я этого не хочу. Я хочу, чтобы Ширли была свободна и... ну, свободна.

– И на основании этого выталкиваешь ее из гнезда;?

Посылаешь в мир, чтобы она смогла стоять на собственных ногах?

– Да. Только я не уверена, разумно ли я поступаю.

Болдок взволнованно потер нос.

– Уж эти женщины! – воскликнул он. – Беда с вами, вы столько хлопчете! Кто может знать, что разумно, а что нет? Если юная Ширли отправится в Лондон, подцепит египетского студента и принесет в Белбери шоколадного ребенка, ты скажешь, что это твоя вина, хотя вина полностью Ширли и отчасти – египетского студента. А если она выучится, поступит на работу и выйдет замуж за своего босса, ты скажешь, что ты была права. И

то и другое – чушь! Ты не можешь устроить жизнь за другого. Есть у Ширли разум или нет – покажет время. Если ты считаешь, что затея с Лондоном хороша действуй, но не относись к ней слишком серьезно. В этом твоя беда, Лаура: ты слишком всерьез воспринимаешь жизнь. Это беда всех женщин.

– А вы – не всерьез?

– Я всерьез отношусь к вьюнку. – Болдок свирепо уставился на кучку сорняка на дорожке. – Серьезное дело – тля. И мой желудок, потому что иначе он задаст мне жару.

Но у меня никогда и в мыслях не было серьезно относиться к жизни других людей. Для этого я их слишком уважаю.

– Вы не понимаете. Мне нестерпима мысль, что Ширли запутается в жизни и будет несчастна.

– Чепуха, – взорвался Болдок. – Что из того, что Ширли будет несчастна? Такова участь большинства людей. Тебе дано быть несчастным в этом мире, как дано все остальное. Имей мужество пройти эту жизнь мужество и веселое сердце.

Он бросил на нее острый взгляд.

– А как насчет тебя, Лаура?

– Меня? – удивилась она.

– Да. Положим, ты – несчастна. Ты собираешься это терпеть?

Лаура улыбнулась.

– Я об этом не думала.

– Почему? Подумай о себе. Отсутствие эгоизма в женщине может быть столь же губительно, как тяжелая рука для кондитера. Чего ты хочешь от жизни? Тебе двадцать восемь лет, самое время выходить замуж. Почему ты ни капельки не охотишься на мужчин?

– Что за ерунда, Болди?

– Чертополох и бузина! – взревел Болдок. – Ты ведь женщина! Симпатичная, абсолютно нормальная женщина. Или ненормальная? Как ты реагируешь, когда мужчина пытается тебя поцеловать?

– Они не часто пытаются, – сказала Лаура.

– А почему, черт возьми? Потому что ты для этого ничего не делаешь. Он погрозил ей пальцем. – Ты все время думаешь не о том. Вот ты стоишь – в аккуратном жакетике с юбкой, такая милая и скромная, что тебя похвалила бы моя мама! Почему ты не красишь губы под цвет почтового ящика, не покрываешь лаком ногти им под цвет?

Лаура вытаращила глаза.

– Вы же говорили, что терпеть не можете красные ногти и помаду!

– Конечно, я их терпеть не могу. Но мне семьдесят девять. Для меня они – символ, знак, что ты вышла на ярмарку жизни и готова играть в игры Природы. Вроде призыва к самцу – вот что это такое. Послушай, Лаура, ты не предмет всеобщего желания, ты не размахиваешь знаменем собственной женственности с таким видом, будто это у тебя само получается, как делают некоторые женщины. Если ты ничего этого не делаешь, то может клонуть на тебя только такой мужчина, у которого хватит ума понять, что ты – его женщина. Но это само собой не случится. Тебе придется пошевелиться. Придется вспомнить, что ты женщина, сыграть роль женщины и поискать своего мужчину.

– Дорогой мой Болди, я обожаю ваши лекции, но я всегда была безнадежно заурядной.

– Значит, ты хочешь остаться старой девой?

Лаура слегка покраснела.

– Нет, конечно, просто я думаю, что вряд ли выйду замуж.

– Пораженчество! – взревел Болдок.

– Нет, что вы. Просто мне кажется невероятным, чтобы кто-то мог в меня влюбиться.

– Мужчины могут влюбиться во что попало, – невежливо сказал Болдок. В женщину с заячьей губой, с прыщами, выступающей челюстью, тупой башкой и просто в кретинку! Половина твоих знакомых замужних дам таковы!

Нет, юная Лаура, ты не хочешь утруждать себя! Ты хочешь любить – а не быть любимой, – и не скажу чтобы ты в этом не преуспела. Быть любимой – это тяжелая ноша!

– Вы думаете, я слишком люблю Ширли? Что у меня чувство собственности на нее?

– Нет, – медленно сказал Болдок. – В этом я тебя оправдываю. Ты не собственница.

– Но тогда – разве можно любить слишком сильно?

– Да! – рыкнул он. – В любом деле бывает свое слишком. Слишком много есть, слишком много пить, слишком много любить...

Он процитировал:

– Есть тысяча обличий у любви,

И все они несут любимым горе.

Набей этим трубку и кури, юная Лаура.

Лаура вернулась домой, улыбаясь про себя. Как только она вошла, из задней комнаты показалась Этель и заговорщическим шепотом произнесла:

– Тут вас ждет джентльмен – мистер Глин-Эдвардс, совсем юный джентльмен. Я провела его в гостиную. Велела подождать. Он ничего – я хочу сказать, не бродячий торговец и не попрошайка.

Лаура слегка улыбнулась; но суждению Этель она доверяла.

Глин-Эдвардс? Она такого не помнила. Наверное, кто-то из летчиков, которые здесь жили во время войны.

Она прошла в гостиную.

Ей навстречу стремительно поднялся совершенно незнакомый молодой человек.

С годами это впечатление от Генри не изменилось. Для нее он всегда был незнакомцем. Всегда оставался незнакомцем.

Открытая, обворожительная улыбка на лице молодого человека вдруг стала неуверенной. Казалось, он был огорошен.

– Вы мисс Франклин? – сказал он. – Но вы не... – Улыбка опять стала широкой. – Я полагаю, вы ее сестра.

– Вы говорите о Ширли?

– Да, – с видимым облегчением сказал Генри. – Мы с ней познакомились вчера на теннисе. Меня зовут Генри Глин-Эдвардс.

– Присаживайтесь. Ширли скоро придет, она пошла на чай в викариат. Хотите хереса? Или лучше джин?

Генри сказал, что предпочитает херес.

Они сидели и разговаривали. У Генри были хорошие манеры, в нем была обезоруживающая скромность. Обаяние его манер могло бы даже вызвать раздражение. Он говорил легко и весело, без запинок, но был безукоризненно вежлив.

Лаура спросила:

– Вы сейчас живете в Белбери?

– О нет. Я живу у моей тети в Эндсмуре.

Эндсмур находился отсюда в шестидесяти милях, по другую сторону от Милчестера. Лаура удивилась. Генри понял, что от него требуется какое-то объяснение.

– Я вчера уехал с чужой ракеткой. Ужасно глупо. Так что сегодня решил вернуть ее и найти свою. Мне удалось раздобыть бензин.

Во взгляде его была мягкая ирония.

– Нашли свою ракетку?

– О да. Удачно, правда? Я вообще ужасно небрежен с вещами. Во Франции все время терял сумку.

Он обезоруживающе хлопал ресницами.

– А раз уж я здесь, я решил заглянуть к Ширли.

Уж не мелькнуло ли в его лице смущение? Если так, то это неплохо. Лучше, чем бескрайняя самоуверенность.

Молодой человек был привлекателен. Очень привлекателен. Лаура отчетливо ощущала исходящее от него обаяние. Чего она не могла объяснить себе, так это нарастающего чувства враждебности к нему.

Опять чувство собственности? Если Ширли познакомилась с ним вчера, то странно, что она об этом даже не упомянула.

Они продолжали разговаривать. Шел восьмой час. Генри явно не ограничивает свой визит общепринятыми временными рамками. Он будет сидеть, пока не дождетя Ширли. Интересно, куда подевалась Ширли, обычно к этому времени она уже бывала дома.

Невнятно пробормотав извинения, Лаура вышла в кабинет, где стоял телефон. Она позвонила в викариат.

Ответила жена викария.

– Ширли? Да, Лаура-, она у нас. Играет в гольф с Робинем. Я позову ее.

Пауза, затем веселый, оживленный голос Ширли:

– Лаура?

Лаура сухо сказала:

– К тебе пришел поклонник.

– Поклонник? Кто?

– Его зовут Глин-Эдвардс. Он вломился к нам полтора часа назад и все еще здесь. Мне кажется, он не уйдет, пока тебя не увидит. Наша с ним беседа уже дышит на ладан.

– Глин-Эдвардс? Никогда не слыхала. О Господи, придется прийти домой и разобраться. Жалко. Я почти побила рекорд Робина.

– Насколько я понимаю, он вчера был на теннисе.

– Неужели Генри? – задохнувшись, и чуть недоверчиво спросила Ширли, и Лаура удивилась.

– Может быть, и Генри. Он живет у тетки в...

Ширли пылко оборвала ее:

– Это Генри. Сейчас же иду.

Лаура положила трубку, несколько шокированная. Не спеша войдя в гостиную, она сказала:

– Ширли сейчас придет. – И добавила, надеется, что Генри останется на ужин.

Сидя во главе стола, Лаура откинулась в кресле и смотрела на эту парочку. Окна еще не были зашторены, и вечерние сумерки благоприятствовали молодым, которые непринужденно наклонились друг к другу.

Бесстрастно наблюдая, Лаура пыталась разобраться, почему ей так неуютно. Может, из-за неприязни к Генри?

Нет, вряд ли. Она признавала за Генри обаяние, привлекательность и хорошие манеры. Она ничего о нем не знала и не могла сформулировать обоснованного суждения. Пожалуй, он слишком случайный, неуловимый, отстраненный. Да, именно так – отстраненный.

Разумеется, все ее переживания связаны с Ширли. Она испытала потрясение, что возникает, когда человек, о котором, кажется, знаешь все, поворачивается незнакомой гранью. Ни Лауре, ни Ширли не было свойственно чрезмерное проявление эмоций, но, оглядываясь на прошедшие годы, можно было сказать, что Ширли изливала Лауре все свои чувства: ненависть, любовь, желанья, разочарования.

И вот вчера на вопрос Лауры: «Был ли кто-нибудь новенький? Или все из Белбери?» – Ширли небрежно ответила: «О, в основном из Белбери».

Лаура задумалась, почему Ширли не сказала про Генри. Она вспомнила, как Ширли выдохнула по телефону:

«Генри?»

Она прислушалась к их беседе. Генри заканчивал фразу:

– ..если хочешь. Я подвезу тебя в Карсвел.

– О, с восторгом. Я никогда не была на скачках...

– Марлдон – оловянный горшок, но у меня есть приятель, чья лошадь участвует в скачках, и мы могли бы...

Спокойно и бесстрастно Лаура отметила про себя, что это ухаживание. Необъяснимый приезд Генри, раздобывание бензина, неубедительные извинения он просто влюбился в Ширли. Лаура не стала уговаривать себя, что это ни к чему не приведет. Наоборот, перед ней развернулась картина будущих событий.

Генри и Ширли поженятся. Она это знает, она уверена. А Генри чужак... Она никогда не сможет узнать о нем больше, чем знает сейчас.

Сможет ли Ширли?

Глава 3

– Не знаю, стоит ли тебе ехать знакомиться с моей теткой. – Генри с сомнением посмотрел на Ширли. – Боюсь, тебе будет ужасно скучно.

Опершись о железную ограду загона, они невидящими глазами следили за единственной лошадей, Номером 19, которую монотонно водили по кругу.

Ширли в третий раз приезжала на скачки вместе с Генри. Другие молодые люди увлекались кино, но Генри сосредоточился на спорте. В этом также состояло волнующее отличие Генри от остальных.

– Я уверена, что мне не будет скучно, – вежливо возразила Ширли.

– Ты просто не сможешь не заскучать. Она составляет гороскопы и увлекается пирамидами.

– А ты знаешь. Генри, что ты мне не сказал даже, как зовут твою тетю?

– В самом деле? – удивился Генри.

– Она Глин-Эдвардс?

– Нет. Фейрборо. Леди Мюриэл Фейрборо. Вообще-то она ничего. Никогда не спрашивает, куда ты пошел. И всегда выручает в критических ситуациях.

– Эта лошадь такая унылая, – сказала Ширли, глядя на Номер девятнадцать, – ей хватило духу перевести разговор на лошадей.

– Скверное животное, – согласился Генри. – Худшая из того, что есть у Томми Твисдона. Думаю, она сойдет с дистанции на первом же барьере.

На круг вывели еще двух лошадей, и к перилам приникло больше народу.

– Что там? Третий заезд? – Генри сверился с картой. – Номера увеличиваются? Бежит Номер восемнадцать?

Ширли посмотрела на табло.

– Да.

– Мы могли бы на нем немного выиграть, если цена будет нормальной.

– Генри, ты так много знаешь о лошадях. Ты... когда ты рос, у тебя были лошади?

– Мой опыт ограничивается общением с букмекерами.

Ширли собралась с духом и спросила то, что хотела:

– Как странно, что я о тебе почти ничего не знаю, ты не находишь? Есть ли у тебя отец с матерью, или ты сирота, как я?

– О! Мои отец с матерью погибли во время бомбежки. Они сидели в

Кафе-де-Пари.

– О Генри, как это ужасно!

– Да, не правда ли? – согласился Генри, не проявляя, однако, чрезмерных эмоций. Почувствовав это, добавил:

– Это было более четырех лет назад. Я их очень любил и все такое, но нельзя же все время жить воспоминаниями, не так ли?

– Нельзя, – неуверенно согласилась Ширли.

– С чего вдруг такая жажда информации? – осведомился Генри.

– Ну, всегда хочется узнать о людях побольше. – Ширли почти извинялась.

– Неужели? – Генри искренне удивился. – Тогда тебе лучше пойти и познакомиться с моей тетей. Обговори это с Лаурой как положено.

– С Лаурой?

– Ведь для Лауры важны условности, не так ли? Передай ей мои уверения в полном почтении.

Вскоре после этого леди Мюриэл прислала записку с приглашением Ширли на ленч и сообщением, что Генри заедет за ней на машине.

* * *

Тетка Генри напоминала Белую Королеву. Ее костюм представлял собой смесь разных ярких шерстяных вещей, она усердно работала спицами, а на голове у нее высился пучок волос, тронутых сединой, из которого во все стороны торчали непослушные пряди.

Она умудрялась сочетать в себе живость и рассеянность.

– Как мило, что вы заехали, дорогая, – тепло сказала она, пожимая Ширли руку и роняя моток ниток. – Генри, будь умницей, подними. Расскажите, когда вы родились?

Ширли сказала, что родилась восемнадцатого сентября тысяча девятьсот двадцать восьмого года.

– Понятно. Дева. А в котором часу?

– Не знаю.

– Какая досада! Вы должны это выяснить и сообщить мне. Это очень важно. Где спицы восьмой номер? Я вяжу для флота – пуловер с высоким воротом.

Она развернула вязанье.

– На очень крупного моряка, – сказал Генри.

– Я думаю, во флоте все крупные, – добродушно согласилась леди

Мюриэл. – В армии тоже. Помню, майору Тагу Мюррею – девяносто килограммов подыскивали специально для поло пони под его вес, и ничего не могли поделывать, когда он, бывало, заездит их всех. Так он и сломал себе шею в Пайтчли,^[3] жизнерадостно закончила она.

Вошел старый, трясущийся дворецкий и объявил, что кушать подано.

Они прошли в столовую. Еда была неважная, столовое серебро – тусклое.

– Бедный старый Мелшем, – сказала леди Мюриэл, когда дворецкий вышел, – он не может уследить за всем. И руки у него так дрожат, что я не уверена, сумеет ли он обнести поднос вокруг стола. Я сто раз твержу ему, чтобы ставил его на боковой столик, а он не хочет. И не позволяет заменить серебро, не видит, что его надо почистить.

И все время ругается с сомнительными служанками, каких только и можно найти сегодня, говорит, не привык к таким. Ну и как быть? Это все из-за войны.

Они вернулись в гостиную, и леди Мюриэл оживленно болтала о библейских пророчествах, об измерении пирамид, и как дорого стоят незаконные талоны^[4] на одежду, и как трудно сделать цветочный бордюр.

После чего неожиданно смотала свои клубки и заявила, что прогуляется с Ширли по саду, а Генри отослала с поручением к шоферу.

– Генри – милый мальчик, – сказала она Ширли, когда они остались одни. – Конечно, очень эгоистичный и до ужаса экстравагантный, но чего от него ждать после такого воспитания?

– А что, он похож на мать? – осторожно прощупала Ширли.

– О Господи, нет, конечно. Бедная Милдред была жутко экономна. У нее это была страсть. Я вообще не могу понять, зачем мой брат на ней женился, она даже хорошенькой не была, и ужасно скучная. Думаю, счастливее всего она была на ферме в Кении в солидной фермерской среде. Позже, правда, они стали жить повеселее, но это ее не устраивало.

– А отец Генри... – Ширли замолчала.

– Бедняга Нед, он трижды был под судом о банкротстве. Но такой компанейский. Временами Генри мне его напоминает. Особого рода астральная зависимость; правда, она не всегда действует. Я в этом разбираюсь.

Она оборвала увядший цветок и искоса посмотрела на Ширли.

– Вы такая хорошенькая – уж извините, голубушка!

И очень молодая.

– Мне почти девятнадцать.

– Да... понимаю... Вы чем-нибудь занимаетесь, как все теперешние умные девушки?

– Я не умная девушка, – сказала Ширли. – Сестра хочет, чтобы я выучилась на секретаршу.

– Я уверена, что это очень хорошо. Особенно если стать секретарем члена парламента. Говорят, это ужасно интересно. Правда, я никогда не понимала почему. Но не думаю, что вам придется долго заниматься хоть чем-нибудь – вы выйдете замуж.

Она вздохнула.

– Мир так переменялся. Я получила письмо от старой подруги, ее дочь вышла замуж за дантиста. За дантиста! В наше время девушки не выходили замуж за дантистов. За врачей – да, но не за дантистов.

Она обернулась.

– А, вот и Генри. Ты, кажется, собираешься увезти от меня мисс... мисс...

– Франклин.

– Увезти мисс Франклин.

– Я думаю прокатиться до Бьюри Хит.

– Ты взял бензин у Хармана?

– Только два галлона, тетя Мюриэл.

– Я этого не потерплю, слышишь? Обходись собственным бензином. Мне самой он с трудом достается.

– Дорогая, но ты ведь на самом деле не возражаешь.

Мы поедem.

– Ну, так и быть на этот раз. До свиданья, дорогая.

Не забудьте сообщить мне о часе вашего рождения, тогда я смогу правильно составить ваш гороскоп. Вам надо носить зеленое, дорогая, – все Девы должны одеваться в зеленое.

– А я Водолей, – сказал Генри. – Двадцатое января.

– Непостоянство, – выпалила тетка, – запомните это, дорогая. Все Водолеи ненадежны.

– Надеюсь, ты не очень скучала, – сказал Генри, когда они уехали.

– Ничуть. По-моему, твоя тетя очень милая.

– Ну, так далеко я бы не стал заходить, но она неплохая старушка.

– Она тебя очень любит.

– Не совсем так. Она не возражает против моего присутствия.

Он добавил:

– Мой отпуск почти закончен. Скоро мне предстоит демобилизация.

– И что ты будешь тогда делать?

- Не знаю. Я подумывал об адвокатуре.
- Да?
- Но это слишком хлопотно. Я думаю, может, попробовать заняться бизнесом.
- Каким?
- Ну, это зависит от того, где найдется приятель, который дал бы старт. У меня есть кое-какие связи в банках. И есть два промышленника, которые любезно позволят начать с самого дна. Понимаешь, денег-то у меня немного. Если быть точным, триста фунтов в год. Это моих.
- Родственники у меня чертовски прижимистые, их не тронь.
- Добрая старушка Мюриэл то и дело выручает, но в последнее время она и сама в стесненных обстоятельствах. Есть еще крестная, если к ней правильно подойти, она раскошелится. Я понимаю, все это звучит неприятно...
- Тогда зачем же ты мне все это рассказываешь? – сказала Ширли, ошеломленная нежданным потоком информации.
- Генри вспыхнул. Машина заюлила, как у пьяного. Он неразборчиво промямлил:
- Я думал, ты знаешь... Дорогая, ты так красива... Я хочу на тебе жениться.. Мы должны пожениться, должны...

* * *

- Лаура смотрела на Генри с какой-то безнадежностью.
- Будто взбираешься по крутой обледенелой горке, думала она, чуть поднимешься, и тут же скользишь вниз.
- Ширли еще молода, – сказала она. – Слишком молода.
- Да что вы, Лаура, ей девятнадцать лет. Моя бабка вышла замуж в шестнадцать, и к восемнадцати у нее уже была двойня.
- Это было давным-давно.
- Во время войны множество людей женились молодыми.
- И сейчас об этом жалеют.
- Почему вы так мрачно смотрите на вещи? Мы с Ширли не пожалеем.
- Вы этого не знаете.
- Я-то знаю! – ухмыльнулся он. – Я уверен. Я безумно люблю Ширли и сделаю все, чтобы она была счастлива.
- Он с надеждой посмотрел на нее и повторил:
- Я действительно ее люблю.

Как и раньше, его надежный прием – искренность – обезоружила Лауру. Да, он любит Ширли...

– Конечно, я понимаю, что я не слишком обеспеченный человек...

Опять обезоруживающий ход. Потому что Лауру тревожили не финансовые проблемы. Она не претендовала на то, чтобы Ширли сделала, что называется, «хорошую партию». У Генри и Ширли для начала будет немного, но достаточно, если быть бережливыми. Перспективы у Генри не хуже, чем у сотен других молодых людей. Он здоров, умен, имеет обаятельные манеры. Да, в этом, пожалуй, и все дело. Лаура не доверяет ему из-за его обаяния. Человек не имеет права быть таким обаятельным.

Она заговорила властным тоном:

– Нет, Генри. О женитьбе пока не может быть речи.

В крайнем случае – помолвка на год. Это даст вам обоим время разобраться в себе.

– Честное слово, Лаура, вы говорите так, будто вам пятьдесят лет. И вы не сестра, а отец с суровыми викторианскими взглядами.

– Я вынуждена заменять Ширли отца. У вас будет время найти работу и утвердиться.

– Звучит очень уныло. – Он все еще обворожительно улыбался. – Я думаю, вы вообще не хотите, чтобы Ширли выходила замуж.

– Чушь! – Лаура вспыхнула.

Генри был доволен успехом своего злобного выпада.

Он пошел искать Ширли.

– Лаура – зануда, – сказал он. – Ну почему мы не можем пожениться? Я не хочу ждать. Терпеть не могу ждать.

А ты? Если чего-то ждешь слишком долго, то теряешь интерес. Мы, конечно, можем поехать и зарегистрироваться так просто, без венчания. Что ты об этом думаешь? Это избавит от лишней суеты.

– О нет. Генри, так делать нельзя.

– Не понимаю почему. Как я сказал, это избавит от лишней суеты.

– Я еще не достигла нужного возраста. Мы же должны иметь разрешение Лауры на брак?

– Пожалуй да. Она твой опекун? Или тот старикан, как бишь его?

– Я точно не знаю. Болди – попечитель моего имущества.

– Беда в том, что Лауре я не нравлюсь, – сказал Генри.

– О, я уверена, что нравишься.

– Нет, не нравлюсь. Она ревнует.

Ширли встревожилась.

– Ты так думаешь?

– Она меня сразу невлюбила. А я изо всех сил старался. – В голосе Генри прозвучала обида.

– Да, ты был очень мил. Но вообще-то мы обрушили это на нее очень внезапно, Генри. Мы знакомы всего – сколько? – три недели. Я думаю, нет ничего страшного в том, чтобы год подождать.

– Дорогая, я не хочу ждать год. Я хочу жениться на тебе сейчас – на той неделе, завтра. Ты хочешь за меня замуж?

– О Генри, хочу... хочу.

* * *

Мистер Болдок был приглашен отобедать с Генри. После этого Лаура с замиранием сердца потребовала у него отчета.

– Ну что вы о нем думаете?

– Ну-ну, потише. Как можно судить через стол? Хорошие манеры, не считает меня отсталым стариком, слушает почтительно.

– И это все, что вы можете сказать? Он подходит Ширли?

– Дорогая, в твоих глазах никто и никогда не будет достоин Ширли.

– Может быть, вы и правы... Но вам он понравился?

– Да, понравился. Я бы сказал, он приятный парень.

– Думаете, он будет ей хорошим мужем?

– О, так далеко я бы не пошел. Сильно подозреваю, что как муж он окажется неудовлетворительным в некоторых отношениях.

– Тогда мы не можем позволить Ширли выходить за него.

– Если она захочет выйти за него, мы не сможем ее остановить. И должен сказать, неудовлетворительным он станет не более, чем любой другой муж, какого бы она ни выбрала. Я не думаю, что он будет ее бить, или подсыплет яду в кофе, или станет публично оскорблять. Можно многое сказать в пользу мужа, если он приятный парень и имеет хорошие манеры.

– Знаете что я о нем думаю? Что он эгоист и безжалостный тип.

Болдок поднял брови.

– Не удивлюсь, если ты окажешься права.

– Тогда, значит?..

– Да, но ей нравится этот парень, Лаура. Очень нравится. До безумия. Молодой Генри, может, и не в твоём вкусе, честно говоря, и не в моём, но он – во вкусе Ширли. Вне всякого сомнения.

– Если бы она могла понять, что он такое! – воскликнула Лаура.

– Она это выяснит, – предсказал Болдок.

– Да, но будет поздно! Я хочу, чтобы она сейчас увидела, каков он!

– Осмелюсь доложить, ей это будет безразлично. Она намерена заполучить его.

– Вот бы ей куда-нибудь уехать... В Швейцарию, например. Но после войны все так трудно.

– Если спросишь меня, – сказал Болдок, – то никогда ничего хорошего не выходит из попытки помешать людям жениться. Заметь, я не беру в расчет серьезные причины; скажем, у него жена и пятеро детей, или припадки эпилепсии, или он разыскивается за растрату. Но сказать тебе, что произойдет, если ты отправишь ее в круиз, или в Швейцарию, или на остров в Тихом океане?

– Да?

Болдок оставил в нее указательный палец.

– Она вернется в компанию молодого человека того же склада. Люди знают, чего хотят. Ширли хочет Генри, а раз Генри ей недоступен, она будет смотреть по сторонам, пока не найдет такого, кто похож на Генри. Я то и дело встречал подобное. Мой лучший друг женился на женщине, которая превратила его жизнь в ад на земле. Она придиралась к нему, третировала, командовала, не давала ни минуты покоя, все только удивлялись, как он не зарубит ее топором. Но вдруг ему повезло! Она подхватила пневмонию и умерла! Через шесть месяцев он стал другим человеком. Несколько приятных женщин проявляли к нему интерес. Полтора года прошло, и что же он делает? Женится на еще большей ведьме, чем прежняя. Человеческая душа – потемки.

Он глубоко вздохнул.

– Так что, Лаура, перестань расхаживать с видом трагической королевы. Я уже как-то говорил тебе, что ты слишком всерьез воспринимаешь жизнь. Ты не можешь управлять жизнью людей за них. Юная Ширли сама будет копать свои грядки. И если ты меня спросишь – она может позаботиться о себе гораздо лучше чем ты о себе. Кто меня беспокоит, так это ты, Лаура. Как всегда...

Глава 4

Генри подчинился с таким же очарованием, с каким он делал все на свете.

– Ладно, Лаура. Пусть будет годовая помолвка. Мы в твоих руках. Полагаю, тебе очень трудно будет расставаться с Ширли, не имея времени привыкнуть к этой мысли.

– Это не...

– Нет? – Он поднял брови, и улыбка его стала слегка ироничной. – Для тебя Ширли – единственное сокровище, верно?

Его слова оставили у Лауры тягостное ощущение.

Генри уехал, и потянулись нелегкие дни.

Ширли не ожесточилась, а отдалилась. Она была угрюмой, беспокойной, и, хотя, открыто не проявляла возмущения, от нее исходил упрек. Она жила ожиданием почты, но почта не приносила успокоения.

Генри был не мастер писать письма – какие-то обрывки, каракули.

«Дорогая, как дела? Я очень скучаю по тебе. Вчера участвовал в скачках на дистанцию. Ничего путного не вышло.

Как там дракониха? Вечно твой. Генри».

Иногда писем не было целую неделю. Однажды Ширли съездила в Лондон, у них была короткая встреча, оставившая чувство неудовлетворенности. Он отказался от приглашения Лауры, переданное Ширли.

– Я не желаю приезжать на выходные и прогуливаться с тобой под неусыпным оком Лауры. Не забывай, что Лаура всячески старается настроить тебя против меня.

– О Генри, да ничего подобного! Она о тебе вообще не упоминает.

– Видно, надеется, что ты сама забудешь.

– Это невозможно!

– Ревнивая старая кошка.

– О Генри, Лаура такая милая.

– Только не для меня.

Ширли вернулась домой несчастная и безутешная.

Вопреки себе Лаура начала терзаться.

– Почему бы тебе не пригласить Генри на уик-энд?

Ширли мрачно ответила:

– Он не хочет.

– Не хочет приезжать? Как странно.

– Ничего странного. Он знает, что ты его не любишь.

– Я люблю его. – Лаура старалась говорить убедительно.

– О Лаура, не сочиняй!

– Я считаю, что Генри очень привлекательный человек.

– Но не даешь нам пожениться.

– Ширли... это не правда, я только хочу, чтобы ты полностью была уверена.

– Я уверена.

– Все потому, что я тебя очень люблю! Я не хочу, чтобы ты совершила ошибку! – в отчаянии воскликнула Лаура.

– Что ж, тогда не люби меня. Я не хочу такой беспредельной любви. А правда в том, что ты ревнуешь.

– Я? Ревную?

– Ревнуешь к Генри. Ты не хочешь, чтобы меня любил кто-нибудь кроме тебя.

– Ширли!

Лаура побледнела и отвернулась.

– Ты хочешь, чтобы я вообще не выходила замуж.

Лаура пошла прочь, напряженно выпрямившись, Ширли догнала ее и стала горячо извиняться.

– Дорогая, я не хотела этого сказать, я чудовище. Но ты так всегда настроена против Генри...

– Потому что я чувствую, что он эгоист. – Лаура повторила то, что говорила Болдоку. – Он недобрый. Я же чувствую, что он может быть безжалостным.

– Безжалостным, – задумчиво повторила Ширли, ничуть не удрученная. Да, Лаура, тут ты права. Генри может быть безжалостным.

Она добавила:

– Это меня в нем тоже привлекает.

– Но подумай, если ты заболеешь, если попадешь в беду, будет ли он о тебе заботиться?

– Не так уж я хочу, чтобы обо мне заботились. Я сама в состоянии о себе позаботиться. А за Генри не беспокойся. Он меня любит.

«Любит? – подумала Лаура – А что такое любовь? Бездумная жадная страсть мужчины? И у Генри тоже? Или я и вправду ревную?»

Она осторожно высвободилась из цепких объятий Ширли и ушла, глубоко потрясенная.

«Может быть, я и правда не хочу, чтобы она выходила замуж? Не за

Генри, а вообще? Сейчас я так не думаю, но потому, что нет никого другого, за кого бы она стремилась замуж. Если бы такой человек появился, чувствовала бы я так же, как сейчас: „Только не он, только не он!“? Правда ли, что я слишком сильно люблю ее? Болди меня предупреждал... Я слишком люблю ее и потому не хочу, чтобы она выходила замуж, уезжала, удерживаю ее при себе, не хочу отпустить... Что я, в сущности, имею против Генри?

Ничего. Я его не знаю, никогда не знала. Он остался тем же, чем был вначале, – незнакомцем. Все, что я знаю, – это что он не любит меня. И он, возможно, прав».

На следующий день Лаура встретила Робина Гранта, выходящего из викариата. Он вынул изо рта трубку, поздоровался и зашагал с ней рядом. Сообщив, что вчера был в Лондоне, он небрежно обронил:

– Видел Генри. Он ужинал с роскошной блондинкой.

Очень красивой. Не говори Ширли.

Он хохотнул.

Хотя Лаура понимала, что Робин выдал ей эту информацию со зла, поскольку и сам был сильно неравнодушен к Ширли, ее охватил приступ сомнения.

Генри – ненадежный человек. Кажется, при последней встрече они с Ширли чуть ли не поссорились. А что, если Генри заинтересуется другой девушкой? Что, если он разорвет помолвку?..

«Ты этого хотела, не правда ли? – язвительно сказал внутренний голос. – Ты не хотела, чтобы они поженились.

Только потому и настаивала на такой долгой помолвке.

Теперь радуйся!»

Но ее совсем не обрадует, если Генри разорвет помолвку. Ширли его любит. Она будет страдать. Если бы только убедиться, что Ширли будет с ним хорошо...

Язвительный голос продолжал: «Ты хочешь сказать, будет ли тебе хорошо? Ты стремишься удержать Ширли...»

Но она не хочет удерживать Ширли такой ценой – у Ширли разбито сердце, Ширли несчастна, жаждет своего возлюбленного. Кто она такая, чтобы решать, что для Ширли хорошо, а что плохо?

Придя домой, Лаура села и написала Генри письмо:

«Дорогой Генри, я все обдумала. Если вы с Ширли хотите пожениться, я не должна стоять у вас на пути...»

Месяц спустя Ширли, в белом атласе и кружевах, обвенчалась с Генри в Белберии, в церковь ее сопровождал мистер Болдок в тесноватом

смокинге. Невеста сияя обняла на прощанье Лауру, а Лаура неистово проговорила:

– Генри, будь к ней добр. Будешь?

Генри, легкомысленный, как всегда, ответил:

– Дорогая Лаура, а как ты думаешь?

Глава 5

– Тебе действительно нравится, Лаура?

Ширли, жена с трехмесячным стажем, нетерпеливо спрашивала Лауру. Закончив экскурсию по квартире, Лаура высказала одобрение.

– Я думаю, ты все сделала чудесно.

– Когда мы въехали, тут было просто ужасно. Такая грязь! Мы все сделали сами – кроме потолков, разумеется. Было так забавно. Тебе нравится красная ванная? Нам сказали, что дают горячую воду, но она бывает редко, и Генри решил, что из-за красного цвета вода здесь будет казаться теплее как в аду!

Лаура засмеялась.

– Кажется, ты с большим удовольствием этим занималась.

– Нам вообще повезло, что мы получили эту квартиру. Она принадлежит знакомым Генри, и они передали ее нам. Ужасно только то, что они пока здесь жили, не платили по счетам. Нас донимает раздраженный молочник и свирепый зеленщик, но мы, разумеется, тут ни при чем. Нехорошо уклоняться от уплаты торговцам, особенно мелким торговцам. А Генри считает, что это не важно.

– Это создает вам трудности с кредитом, – предупредила Лаура.

– Я каждую неделю оплачиваю счета, – с достоинством ответила Ширли.

– Дорогая, как у вас вообще с деньгами? Нормально?

В последнее время сад приносит доход. Если хочешь лишнюю сотню...

– Лаура, какая ты душечка! Нет, у нас все в порядке.

Копи деньги на всякий случай – вдруг я тяжело заболею.

– Глядя на тебя, такого не подумаешь.

Ширли весело засмеялась.

– Лаура, я ужасно счастлива.

– Храни тебя Бог!

– Привет, Генри.

Генри открыл дверь своим ключом, вошел и приветствовал Лауру с обычной легкостью.

– Привет, Лаура.

– Привет, Генри. По-моему, квартира чудесная. Ну как новая работа, Генри?

– Новая работа? – удивилась Лаура.
– Да. Ту он бросил, она была ужасно нудная. Только наклеивать марки и ходить на почту.
– Я готов начать с нуля, – сказал Генри, – но не с отрицательной величины.
– Ну, и какая же она? – нетерпеливо повторила Ширли.
– Думаю, многообещающая. Пока рано судить.
Генри обворожительно улыбнулся Лауре и сказал, как они рады ее видеть.
Визит прошел очень хорошо, и она возвращалась в Белбери, чувствуя, что все страхи и колебания были напрасны.

* * *

– Но, Генри, как же можно так много занимать?
В тоне Ширли слышалось страдание. Они были женаты больше года.
– Ты права, – согласился Генри, – я всегда чувствовал, что занимать нехорошо. К сожалению, все так делают.
– Но как мы будем отдавать?
– Ну, всегда можно оттянуть, – неопределенно сказал Генри.
– Хорошо еще, что я нашла работу в цветочной лавке.
– Да, это упрощает дело. Только я не хочу, чтобы ты считала, что должна работать. Только если тебе это нравится.
– Что ж, мне нравится. Я смертельно скучала целыми днями без дела. Единственное занятие – выйти и что-нибудь купить.
– Должен сказать, – Генри взял толстую пачку счетов, – это очень угнетает. Еле-еле переживешь Рождество, а тут снова налоги и всякое такое, – Он просмотрел верхний счет. – Человек, который строил книжный шкаф, очень грубо требует свои деньги. Его отправим в корзину для бумаг.
– Так он и сделал. – «Дорогой сэр, с почтением обращаем ваше внимание...» Вот как пишут вежливые люди.
– Значит, им ты заплатишь?
– Не то чтобы заплачу, но подколю их к тем, кому пора заплатить.
Ширли засмеялась.
– Генри, я тебя обожаю. Но как же нам быть?
– Не стоит волноваться сегодня вечером. Давай сходим пообедать в шикарное место.
Ширли состроила ему рожицу.

- И это поможет?
- В финансовом отношении – нет, – сказал Генри. – Наоборот! Но это поднимет дух.

«Дорогая Лаура!

Не могла бы ты, если возможно, одолжить нам сто фунтов? Мы несколько увязли. Я два месяца был без работы, как ты, наверное, знаешь (Лаура не знала), но скоро я получу что-то действительно стоящее. Услуги так подорожали, что нас ободрали, как липку. Ужасно неприятно попрошайничать, но я подумал, что лучше самому проделать ту грязную работу, от которой отказалась бы Ширли.

Всегда твой, Генри».

- Я не знала, что ты брал деньги у Лауры.
- Разве я не говорил тебе? – Генри, беспечно повернулся к ней.
- Нет, – хмуро сказала Ширли.
- Брось, дорогая, не откусывай мне голову. Тебе Лаура рассказала?
- Нет, я увидела в банковской книжке.
- Добрая старушка Лаура, она отвалила без всякого шума.
- Генри, зачем ты взял у нее? Лучше бы ты этого не делал. По крайней мере, ты должен был бы сначала сказать мне.

Генри ухмыльнулся.

– Ты бы мне не разрешила.

– Совершенно верно.

– По правде говоря, Ширли, положение было довольно отчаянное. Я взял пятьдесят у старушки Мюриэл. И рассчитывал получить не меньше сотни от Большой Берты, это моя крестная. Увы, она указала мне на дверь.

Считает, что я для нее – добавочный налог. Лекцию прочитала. Я попробовал еще в двух местах – безуспешно.

Так докатился до Лауры.

Ширли в раздумье глядела на него.

«Мы женаты два года, – думала она. – Теперь я знаю Генри. Он никогда не задержится ни на какой работе, и деньги у него утекают между пальцев...»

Она все еще была в восторге от своего мужа, но пришлось признать, что у него есть недостатки. Генри сменил уже четыре места работы. Найти работу для него не составляло труда, он имел много богатых друзей, но он

не мог нигде удержаться. Либо ему надоедало и он бросал работу, либо его увольняли. К тому же он много тратил и легко получал кредит. Для него устраивать свои дела значило занимать. Генри был не прочь занимать. Ширли была против.

Она вздохнула.

– Генри, удастся ли мне когда-нибудь тебя изменить?

– Изменить меня? – удивился Генри. – Зачем?

* * *

– Привет, Болди.

– А, юная Ширли. – Мистер Болдок моргал, глядя на нее из глубины огромного уютного кресла. – Я не спал, – агрессивно добавил он.

– Нет, конечно, – тактично согласилась Ширли.

– Давненько мы тебя здесь не видели, – сказал Болдок. – Думали, ты про нас забыла.

– Я никогда вас не забывала!

– Мужа привезла с собой?

– На этот раз нет.

– Понятно. – Он изучил ее. – Выглядишь худой и бледной.

– Я на диете.

– Ох уж эти женщины! – Он фыркнул. – Случилась какая-то беда?

– Конечно нет!

– Ну, ну. Я просто спросил. Никто мне ничего не рассказывает. А я глохну. Слышу не так, как раньше. От этого жизнь становится скучной.

– Бедненький Болди.

– И врач сказал, что мне нельзя работать в саду, наклоняться к грядкам – кровь приливает к голове или что-то в этом роде. Дурак несчастный – кар, кар, кар! Вот и все, на что способны эти доктора.

– Мне так жаль, Болди.

– Учти, – печально сказал Болдок, – если ты хочешь мне что-то рассказать... ну... дальше это не пойдет. Нет нужды передавать Лауре.

Наступила пауза.

– Вообще-то я пришла вам кое-что рассказать.

– Так и думал.

– Я думала, что вы могли бы мне что-нибудь посоветовать.

– Не буду. Опасное занятие.

Ширли не обратила на это внимания.

– Я не хочу говорить Лауре, она не любит Генри. Но вам Генри нравится, правда?

– Вполне, – сказал Болдок. – Он самый занимательный собеседник и очень симпатичный слушатель для старика, выпавшего из колеи. Еще мне в нем нравится то, что он никогда ни о чем не беспокоится.

Ширли улыбнулась.

– Он действительно не беспокоится.

– Редкое качество в наши дни. Все, кого я знаю, заработали диспепсию от беспокойства. Да, Генри приятный малый. Меня не заботят его моральные качества, как Лауру.

Он мягко спросил;

– Что он натворил?

– Болди, как вы думаете, я дура, что трачу свой капитал?

– А ты это делаешь?

– Да.

– Что ж, когда ты вышла замуж, контроль над ним перешел к тебе, ты можешь с ним делать что хочешь.

– Я знаю.

– Это Генри предложил?

– Нет... Честно, нет. Это полностью моя идея. Не хочу, чтобы Генри стал банкротом. Сам-то Генри ничего не имеет против банкротства. Я против. Считаете, что я дура?

Болдок подумал.

– С одной стороны, да, с другой стороны, нет.

– Нельзя ли пояснее?

– Значит, так. Денег у тебя немного. В будущем они могут очень понадобиться. Если ты думаешь, что сможешь положиться на своего красивого муженька, что он тебя обеспечит, – ты дура.

– А с другой стороны?

– Глядя на это с другой стороны – ты заплатила за свой покой. Может быть, это мудро. – Он стрельнул в нее взглядом – Все еще обожаешь своего мужа?

– Да.

– Он хороший муж?

Ширли медленно прошла по комнате. Она бездумно проводила рукой то по столу, то по спинке стула и рассматривала пыль на кончиках пальцев. Болдок наблюдал.

– Не слишком.

– В чем дело?

Ширли сказала бесцветным голосом:

– У него интрижка с другой женщиной.

– Насколько серьезно?

– Не знаю.

– И ты ушла?

– Да.

– Злишься?

– В бешенстве.

– Вернешься?

Ширли запнулась на мгновение и сказала:

– Да.

– Что ж, это твоя жизнь, – сказал Болдок.

Ширли подошла к нему сзади и поцеловала в макушку.

Болдок хрюкнул.

– Спасибо, Болди, – сказала она.

– Не за что. Я ничего не сделал.

– Вот именно, – сказала Ширли. – И это в вас самое замечательное!

Глава 6

Ширли подумала: беда в том, что я устаю.

Она откинулась на спинку сиденья в метро.

Три года назад она не знала, что такое усталость. Причина отчасти в том, что она живет в Лондоне. Сначала она работала на полставки, но теперь – полный рабочий день, в цветочном магазине в Вест-Энде. После работы надо что-то купить, потом ехать домой в час пик, потом готовить еду.

Правда, Генри хвалит ее стряпню!

Она закрыла глаза. Ей наступили на ногу. Ширли поморщилась. Боже, как я устала...

Мысли стремительно перенеслись на три с половиной года назад, к началу семейной жизни.

Вначале – блаженство... Счета... Еще счета... Соня Клегорн... Поражение Сони Клегорн; Генри кается, обворожительный и нежный... Опять денежные затруднения... Судебный пристав... Мюриэл спасает... Дорогой, ненужный, но великолепный отпуск в Каннах... Благородная миссис Эмлин Блейк... Освобождение Генри из сетей миссис Эмлин Блейк... Генри кается, он признателен, очарователен... Новый финансовый кризис... Большая Берта спасает... Девушка Лонсдейл... Финансовые трудности... Все еще девушка Лонсдейл... Лаура... Он увильивает от возврата долга Лауре... Увильнуть не удалось... Ссора с Лаурой... Аппендицит, операция, выздоровление...

Возвращение домой... Заключительная фаза с девушкой Лонсдейл...

Воспоминания Ширли задержались на этом последнем событии.

Она отдыхала дома. Это была уже третья квартира, в которой они жили, и она была набита мебелью, купленной в пожарном порядке – после инцидента с судебным приставом.

Зазвонил звонок, но ей было лень вставать и открывать дверь. Кто бы там ни был, он уйдет. Но кто бы там ни был не уходил, он звонил и звонил.

Ширли сердито поднялась на ноги. Она подошла к двери, распахнула ее и оказалась лицом к лицу со Сьюзен Лонсдейл.

– А, это ты, Сью.

– Я. Можно войти?

– Вообще-то я устала. Я только что из больницы.

– Я знаю. Генри говорил. Ах ты бедняжка. Я принесла тебе цветы.

Ширли взяла протянутый букет нарциссов без изъятий благодарности.

– Заходи.

Она снова легла с ногами на диван. Сьюзен Лонсдейл села в кресло.

– Я не хотела тревожить тебя, пока ты была в больнице, но знаешь ли, нам пора разобраться.

– С чем?

– Ну... с Генри.

– А что такое с Генри?

– Дорогая, ты не собираешься, как страус, прятать голову в песок?

– Не собираюсь.

– Ты ведь знаешь, что между мной и Генри что-то есть?

– Я не слепая и не глухая. Знаю, – холодно сказала Ширли.

– Да... да, конечно. И к тому же Генри очень нежно к тебе относится.

Он не хотел бы тебя огорчать. Но такие вот дела.

– Какие дела?

– Я говорю насчет развода.

– Ты имеешь в виду, что Генри хочет развода?

– Да.

– Почему же он мне об этом не говорит?

– О, Ширли дорогая, ты же знаешь, что такое Генри. Он терпеть не может определенности. И не хочет тебя огорчать.

– Но вы собираетесь пожениться?

– Да. Я так рада, что ты нас понимаешь.

– Кажется, понимаю очень хорошо, – процедила Ширли.

– И ты скажешь ему, что все в порядке?

– Я с ним поговорю, да.

– Это ужасно мило с твоей стороны. Я чувствую, что под конец...

– Уходи, – сказала Ширли. – Я только что из больницы, и я устала.

Уходи сейчас же, слышишь?

– Ну, знаешь... – Сьюзен с обидой поднялась. – Можно было хотя бы вести себя цивилизованно.

Она вышла из комнаты, хлопнула входная дверь.

Ширли лежала неподвижно. По щеке скатилась одинокая слеза. Она ее сердито отерла.

«Три с половиной года... И вот к чему я пришла». – И вдруг она расхохоталась. Последняя фраза была похожа на реплику из плохой пьесы.

Она не знала, пять минут прошло или два часа, когда услышала, как повернулся ключ в замке. Генри вошел веселый и легкомысленный, как

всегда. В руке у него был огромный букет желтых роз.

– Тебе, дорогая. Нравится?

– Чудесно. У меня уже есть нарциссы. Дешевые и не первой свежести.

– О! Кто же их прислал?

– Их не прислали, их принесли. Сьюзен Лонсдейл принесла.

– Что за наглость! – возмутился Генри.

Ширли посмотрела на него с легким удивлением.

– Зачем она приходила? – спросил Генри.

– А ты не знаешь?

– Могу догадаться. Эта девица становится назойливой.

– Она приходила сказать, что ты хочешь развода.

– Я?! Развода с тобой?

– Ты. А разве нет?

– Конечно нет, – снова возмутился Генри.

– Ты не хочешь жениться на Сьюзен?

– Мне об этом и думать противно.

– А она хочет тебя женить на себе.

– Боюсь, что так, – подавленно сказал Генри, – Она все время звонит, пишет письма. Не знаю, что с ней делать.

– Ты говорил ей, что хочешь на ней жениться?

– Ну, бывает, что-то скажешь, – туманно начал Генри. – Вернее, тебе скажут, а ты соглашаешься... Приходится соглашаться, более или менее. – Он нерешительно улыбнулся. – Ширли, но ведь ты бы не стала со мной разводиться?

– Могла бы.

– Дорогая...

– Знаешь, Генри, я устала.

– Я скотина. Я затащил тебя в тухлое дело. – Он встал перед ней на колени. На губах его заиграла прежняя обольстительная улыбка. – Но я люблю тебя, Ширли. Все эти дурацкие шашни не в счет. Они ничего не значат. Я никогда не хотел никого, кроме тебя. Ты можешь простить меня?

– Что ты на самом деле чувствуешь к Сьюзен?

– Может, забудем о Сьюзен? Она такая надоеда.

– Я хочу знать.

– Ну... – Генри подумал. – Недели две я был без ума от нее. Не спал ночами. Думал, какая она замечательная.

Потом решил, что она, пожалуй, может надоесть. А потом она в самом деле надоела. А в последнее время стала назойливой.

– Бедная Сьюзен.

– О ней не беспокойся. У нее нет совести, она просто шлюха.

– Генри, временами я думаю, что ты бессердечный.

– Я не бессердечный, – обиделся Генри. – Просто я не знаю, зачем люди так цепляются. Если не принимать вещи всерьез, жить гораздо веселее.

– Эгоист!

– Я эгоист? Возможно. Но ты-то ничего не имеешь против?

– Я не брошу тебя. Но все равно я сыта по горло.

Тебе нельзя доверять с деньгами, и ты собираешься продолжать свои любовные интрижки.

– О нет, не буду. Клянусь.

– О Генри, будь же честен.

– Ладно – я постараюсь, а ты, Ширли, постарайся понять, что все эти связи ничего не значат. Есть только ты.

– Я думаю, мне пора самой завести интрижку! – сказала Ширли.

Генри сказал, что он не имеет права ее осуждать, и предложил пойти куда-нибудь развлечься и поужинать.

В этот вечер он был восхитительным компаньоном.

Глава 7

Мона Адамс созвала гостей на коктейль. Мона Адамс любила все коктейль-приемы, а свои особенно. Она охрипла, стараясь перекричать гостей. Коктейль-прием удался на славу.

На этот раз она кричала, приветствуя опоздавшего:

– Ричард! Замечательно! Откуда на сей раз – из Сахары или из Гоби?

– Ни то и ни се. Из Феззана.

– Не слыхала такого. С кем ты хочешь поговорить?

Пэм, Пэм, позволь представить тебе сэра Ричарда Уайлдинга. Он путешественник; знаешь – верблюды, риск, пустыни – как в самых захватывающих книгах. Он только что из – откуда-то из Тибета.

Она отвернулась и уже кричала кому-то следующему:

– Лидия! Я и не знала, что ты вернулась из Парижа!

Замечательно!

Ричард Уайлдинг слушал Пэм, которая с жаром говорила:

– Я только вчера видела вас по телевизору! Какое волнующее знакомство! Расскажите...

Но у Ричарда Уайлдинга не было времени на рассказы.

На него обрушился еще один знакомый.

Наконец, сидя на диване с четвертым бокалом в руке, он заметил самую очаровательную девушку, какую ему доводилось видеть.

Кто-то сказал:

– Ширли, ты должна познакомиться с Ричардом Уайлдингом.

Ричард тут же подсел к ней.

– Как изматывают такие вечеринки! Я уж и забыл.

Может, улизнем вместе куда-нибудь в тихое местечко, где можно выпить?

– С удовольствием, – сказала Ширли. – Здесь с каждой минутой все больше становится похоже на зверинец.

Довольные, что сбежали, они вышли на улицу. Вечерело, было прохладно, Уайлдинг остановил такси.

– Поздновато для выпивки, – сказал он, взглянув на часы, – к тому же мы и так выпили немало. По-моему, уместнее поужинать.

Он дал адрес маленького, но дорогого ресторана на Джермин-стрит.

Сделав заказ, он через стол улыбнулся своей гостье.

– Наконец-то со мной случилось нечто приятное после возвращения из

диких мест. Я и забыл, как безобразны эти лондонские коктейль-приемы. Зачем люди на них ходят? Зачем я пошел? Зачем вы?

– Наверное, стадный инстинкт, – легко отозвалась Ширли.

От ощущения приключения у нее разгорелись глаза. Она смотрела на красивого загорелого мужчину напротив. Ей было приятно, что она увела с приема светского льва.

– А я все про вас знаю, – сказала она. – И я читала ваши книги!

– Я не знаю о вас ничего, только имя – Ширли. А дальше как?

– Глин-Эдвард с.

– И вы замужем. – Он остановил взгляд на кольце.

– Да. И живу в Лондоне, и работаю в цветочном магазине.

– Нравится ли вам жить в Лондоне, работать в цветочном магазине и ходить на коктейль-приемы?

– Не очень.

– А что бы вы хотели делать, или кем быть?

– Дайте подумать. – Ширли полуприкрыла глаза. – Я хотела бы жить на острове, далеко ото всех. Я жила бы в белом доме с зелеными ставнями и целыми днями абсолютно ничего не делала. На острове было бы полно фруктов, и громадные гирлянды, сплетенные из разных цветов, все чудно пахнут, и каждую ночь луна, а море по вечерам темно-красное...

Она вздохнула и открыла глаза.

– Почему все мечтают об островах? Я думаю, настоящий остров не будет таким красивым.

Ричард Уайлдинг мягко проговорил:

– Как странно, что вы так сказали.

– Почему?

– Я мог бы вам предложить такой остров.

– Вы хотите сказать, ваш собственный остров?

– Большая его часть моя. Он очень похож на тот, что вы описали. По вечерам море там винно-красное, а моя вилла белая с зелеными ставнями, цветы растут так, как вы описывали, в дикой путанице оттенков и запахов, и никто там никуда не спешит.

– Чудесно! Остров мечты.

– Но он реальный.

– Как же вы можете оттуда уезжать?

– Я неугомонный. Но когда-нибудь я туда вернусь и больше не уеду.

Пришел официант, принес первое блюдо и разрушил очарование. Они заговорили о повседневных вещах.

Под конец Уайлдинг подвез ее домой. Ширли не пригласила его зайти.

Он сказал:

– Я надеюсь, мы еще встретимся?

Пожимая ей руку, он задержал ее дольше необходимого. Она вспыхнула и отняла ее.

Этой ночью ей снился остров.

* * *

– Ширли?

– Да?

– Ты ведь знаешь, что я тебя люблю?

Она кивнула.

Она не смогла бы описать последние три недели. Они были пронзительно нереальны. Она прошла сквозь них в состоянии некой прострации. Она понимала, что должна бы устать, – она и устала, но кроме усталости на нее снизошло изысканное, дурманящее ощущение нереальности происходящего.

И в этом дурмане сместились и изменились ценности бытия.

Генри и все с ним связанное отступили и растворились в тумане. На передний план дерзко выступила романтическая фигура Ричарда Уайлдинга – и заслонила собою все.

Она посмотрела на него серьезно и задумчиво.

– Ширли, разве ты меня несколько не любишь?

– Не знаю.

Что же она чувствует? С каждым днем этот мужчина все больше и больше занимает ее думы. Его близость возбуждает. Она понимает, что это опасно, что она в любой момент может поддаться порыву страсти. Но она точно знает, что не хочет отказываться от встреч с ним.

Ричард сказал:

– Ширли, ты очень тактична. Ты никогда не говоришь о своем муже.

– А зачем?

– Но я многое слышал.

– Люди любят болтать.

– Он относится к тебе несправедливо и, кажется, не по-доброму.

– Да, Генри недобрый человек.

– Он не дает тебе того, что должен давать, – любовь, заботу, нежность.

– Генри меня любит – по-своему.

– Возможно. Но ты хочешь большего.

- Я привыкла.
- Но теперь ты хочешь. Хочешь свой остров, Ширли.
- О, остров! Это мечты.
- Мечта может стать реальностью.
- Не думаю.
- Она может стать реальностью.

На террасу, где они сидели, с реки набежал легкий ветерок. Ширли встала и запахнула на себе пальто.

– Не надо больше так говорить, – сказала она. – Это глупо и опасно, Ричард.

- Может быть. Но ты не любишь мужа, Ширли, ты любишь меня.
- Я жена Генри.
- Ты любишь меня.

Ширли снова сказала:

- Я жена Генри.

Она повторила это, как заклинание.

* * *

Когда она пришла домой. Генри лежал растянувшись на диване. На нем был белый фланелевый костюм.

- Кажется, я растянул мышцу. – Он сморщился от боли.
- Что ты делал?
- Играл в теннис в Роухэмптоне.
- Со Стивеном? Я считала, что ты поехал играть в гольф.
- Мы передумали. Стивен взял Мери, а четвертой была Джессика.
- Джессика – это та чернявая девица, с которой мы познакомились

позавчера?

- Э-э... да.
- Она твоя нынешняя?
- Ширли! Я же тебе говорил, я обещал...
- Что значат обещания! Она – нынешняя, я вижу по глазам.

Генри хмуро сказал:

- Если ты хочешь выдумывать...
- Если я захочу выдумывать, – пробормотала Ширли, – я выдумую

остров.

- Почему остров?

Генри сел и сказал:

– У меня ноет все тело.

– Ты завтра лучше отдохни. Для разнообразия устрой спокойное воскресенье.

– Да, это будет неплохо.

Но наутро Генри объявил, что у него все прошло.

– Вообще-то мы договорились сегодня продолжить.

– Ты, Стивен, Мери и Джессика?

– Да.

– Или только ты и Джессика?

– Нет, мы все, – с легкостью ответил он.

– Какой же ты врун, Генри.

Но она сказала это беззлобно, даже с улыбкой. Она вспомнила молодого человека, которого встретила четыре года назад на партии в теннис. Как привлекательна была тогда эта его отстраненность – сейчас он был таким же отстраненным.

Смущенный юноша, который пришел на следующий день и изворачивался, разговаривая с Лаурой до прихода Ширли, – это тот же самый молодой человек, который теперь охотится за Джессикой.

«Генри не меняется, – подумала она. – Он не хочет меня ранить, но такой уж он человек. Всегда делает то, что хочет».

Заметив, что Генри прихрамывает, она решительно сказала:

– Я думаю, тебе нельзя сегодня играть в теннис, у тебя растяжение. Может, отложишь до следующей недели?

Но Генри хотел пойти, и пошел.

Вернулся он в шесть часов и упал на кровать. Вид у него был такой скверный, что Ширли встревожилась.

Несмотря на протесты Генри, она позвонила и вызвала врача.

Глава 8

На следующий день, едва Лаура пообедала, как зазвонил телефон.

– Лаура? Это я, Ширли.

– Ширли, что случилось? У тебя такой странный голос.

– Я насчет Генри. Он в больнице. У него полиомиелит.

«Как у Чарльза, подумала Лаура, и ее мысли ринулись к событиям многолетней давности. Как у Чарльза».

Трагедия, которую в то время она не могла осознать по малости лет, вдруг обрела новое значение.

Мука, прозвучавшая в голосе Ширли, напомнила ей ее муки матери.

Чарльз умер. Умрет ли Генри?

Да, умрет ли Генри?

* * *

– Детский паралич – то же, что полиомиелит? – спросила она Болдока.

– Просто другое название. А в чем дело?

– У Генри полиомиелит.

– Бедняга. И ты хочешь знать, выживет ли он?

– Ну... да.

– И надеешься, что нет?

– Болдок, вы делаете из меня какое-то чудовище!

– Сознайся, юная Лаура, такая мысль у тебя мелькнула.

– У любого может промелькнуть ужасная мысль. Но я никому не желаю смерти, правда, не желаю.

Болдок задумчиво сказал:

– Да. Не думаю, что ты желаешь – теперь.

– Что значит теперь? А, вы имеете в виду старую историю про Вавилонскую блудницу? – Она не смогла сдержать улыбку от воспоминания детства. – Я пришла затем, чтобы сказать: теперь я не смогу каждый день вас навещать. После обеда я уезжаю в Лондон – чтобы побыть с Ширли.

– А она этого хочет?

– Конечно! – возмутилась Лаура. – Генри в больнице, она одна, ей нужен кто-то рядом.

– Возможно... Что ж, возможно. Правильно. Так и надо. Обо мне нечего беспокоиться.

Мистер Болдок, ныне полуинвалид, получал огромное удовольствие от преувеличенной жалости к себе.

– Дорогой мой, мне ужасно жаль, но...

– Но Ширли прежде всего! Ладно, ладно... кто я такой? Надоедливый старикан восьмидесяти лет, глухой, полуслепой...

– Болди...

Болдок вдруг усмехнулся и закрыл один глаз.

– Лаура, как же легко ты поддаешься на басни неудачников. Тот, кто жалеет сам себя, не нуждается еще и в твоей жалости. Жалость к себе занимает все свободное время.

* * *

– Как удачно, что я не продала дом! – сказала Лаура Болдоку.

Это было три месяца спустя. Генри не умер, но побывал на краю смерти.

– Если бы после первых симптомов он не пошел играть в теннис, дело не обернулось бы так серьезно.

– Плохо, да?

– Он останется инвалидом на всю жизнь, это определено.

– Бедняга.

– Ему, конечно, не сказали. И я надеюсь, что есть шанс... но, возможно они просто хотели подбодрить Ширли. Все-таки удача, что я не продала дом. Странно, у меня было чувство, что я не должна его продавать. Я повторяла себе, что это смешно, что дом слишком велик для меня, что пока у Ширли нет детей, они не захотят жить за городом. Я изо всех сил старалась повернуть дело с детским домом из Милчестера, но сделка не состоялась, и теперь я могу отозвать бумаги, и Ширли сможет привезти сюда Генри после больницы. Правда, это будет через несколько месяцев.

– Ширли одобряет твой план?

Лаура нахмурилась.

– Нет, по каким-то причинам она не хочет. Я догадываюсь почему, – она быстро взглянула на Болдока. – Вы, наверное, знаете: Ширли могла рассказать вам то, чего не хотела говорить мне. У нее практически не осталось своих денег, да?

– Она не говорила мне, но я думаю, что это так, – сказал Болдок.

Думаю, Генри растратил и все свои деньги тоже.

– Мне многое рассказывали, – сказала Лаура. – Их друзья и другие люди. Это ужасно несчастливый брак. Он растратил ее деньги, он ею пренебрегал, изменял с другими женщинами. Даже сейчас, когда он так болен, я не могу его простить. Как можно было так обращаться с Ширли? Если кто и заслуживает счастья, так это Ширли. Она полна жизни, энергии – и веры. – Лаура встала и заходила по комнате. Она постаралась сдержать дрожь в голосе. – Почему я позволила им пожениться? Я же могла предотвратить или хотя бы задержать свадьбу, чтобы сестра успела разобраться, что он собой представляет. Но она так мучилась, так рвалась к нему. Я не могла не дать ей то, чего она хочет.

– Ну, ну, Лаура.

– Хуже того. Я хотела доказать, что у меня нет собственнических чувств, и я выпустила Ширли в жизнь, полную несчастий.

– Лаура, я тебе уже говорил, ты слишком много придаешь значения счастью и несчастью.

– Мне непереносимо видеть, как Ширли страдает! А вас, я вижу, это не волнует.

– Ширли, Ширли! Меня волнуешь ты, Лаура, – как всегда. С тех пор, как ты ездила на велосипеде по саду, важная, как судья. У тебя талант страдать, и ты не стараешься его уменьшить, как другие, бальзамом жалости к себе. Ты совсем о себе не думаешь.

– При чем тут я? Не мой муж лежит с острым полиомиелитом!

– А такое впечатление, что твой! Знаешь, чего я хочу для тебя, Лаура? Хорошего, обыденного счастья. Мужа, озорных шумливых детей. Ты всю жизнь была малышка трагического склада, а тебе нужно другое. Не клади на свои плечи страдания всего мира – наш Господь Иисус Христос уже сделал это за тебя. Ты не можешь прожить жизнь за другого, даже если это Ширли. Помогать – да. Но не решать за других.

Побледнев, Лаура сказала:

– Вы не понимаете.

– Ты, как все женщины, носишься со всякой ерундой.

Лаура секунду смотрела на него, потом повернулась на каблуках и вышла из комнаты.

– Я паршивый старый дурак, вот кто я такой, – вслух сказал Болдок. Каким был, таким и остался.

Дверь отворилась, и Лаура проскользнула к его креслу.

– Так и есть, старый чертушка, – сказала она и поцеловала его.

Она ушла, и Болдок лежал с закрытыми глазами в некотором

смущении. В последнее время у него вошло в привычку разговаривать с самим собой, и сейчас он вознес свои молитвы в потолок.

– Последи за ней. Господи, – сказал он. – Я не могу. Думаю, с моей стороны было самонадеянностью и пытаться.

* * *

Услышав о болезни Генри, Ричард Уайлдинг написал Ширли письмо с обычными выражениями сочувствия.

Месяц спустя он написал снова – с просьбой увидеться.

Она в ответ написала:

«Думаю, нам лучше не встречаться. Теперь Генри – единственная реальность в моей жизни. Думаю, ты поймешь.

Прощай».

На это он ответил:

«Ты сказала то, что я и ожидал услышать. Благослови тебя Бог, моя дорогая, отныне и навсегда».

«Вот оно и закончилось», – подумала Ширли...

Генри будет жить, но перед ней встала проблема практических трудностей: у них с Генри почти нет денег. Когда он, калека, выйдет из больницы, в первую очередь им нужен дом.

Очевидным ответом было – Лаура.

Великодушная, любящая, Лаура будет только рада, если Ширли с Генри приедут в Белбери. Но по понятным причинам Ширли этого очень не хотелось.

В характере Генри не осталось и следа былой легкости, он стал непослушным и привередливым инвалидом, и он сказал ей, что она сошла с ума.

– Не понимаю, почему ты против. Это же самая естественная вещь. Слава Богу, Лаура так и не продала дом. Там полно комнат. Хватит и нам, и чертовой няньке или санитару, если потребуется. Не понимаю, чего ты суетишься.

– А мы не могли бы жить у Мюриэл?

– Ты же знаешь, у нее был инсульт. Скоро может быть второй. У нее сиделка, она совсем ни бэ ни мэ, и половину дохода съедают налоги. Что плохого в том, чтобы поехать к Лауре? Она же нас приглашает?

– Конечно. Снова и снова.

– Вот и все. Почему ты не хочешь? Лаура тебя обожает.

– Она любит меня, но...

– А... Лаура обожает тебя и терпеть не может меня!
Тем лучше для нее. Она станет злорадствовать, глядя на калеку, и наслаждаться.

– Перестань, Генри, ты же знаешь, что Лаура не такая.

– Какое мне дело, какая Лаура? Какое мне дело до других? Ты понимаешь мое положение? Понимаешь, что такое быть беспомощным, неподвижным, неспособным даже повернуться в кровати? Разве можно такого любить?

– Я люблю.

– Быть привязанной к инвалиду! Очень весело!

– Меня устраивает.

– Ты как все женщины, вы обожаете обращаться с мужчиной, как с ребенком. Я завишу от тебя, и ты этим наслаждаешься.

– Говори про меня что хочешь, я знаю, как это ужасно для тебя.

– Ничего ты не знаешь! Не можешь знать. Как бы я хотел умереть! Почему эти проклятые врачи не могут прикончить человека? Это единственно правильный выход.

Давай утешай, говори сладкие вещи.

– Ладно, – сказала Ширли. – Я согласна. А то ты сойдешь с ума, и это будет для меня гораздо хуже.

Генри внимательно посмотрел на нее и невольно засмеялся.

– Берешь меня на пушку, – сказал он.

* * *

Месяц спустя Ширли написала Лауре.

«Дорогая Лаура, очень хорошо, что ты согласна принять нас. Не обращай внимания на то, что говорит Генри. Он всегда не выносил того, что ему не нравится, и сейчас в ярости. Для Генри то, что случилось, особенно ужасно».

На что последовал ответ Лауры, незамедлительный и нежный.

Две недели спустя Ширли с мужем-инвалидом приехали домой.

Любящие руки Лауры обняли Ширли, и та подумала – неужели ей когда-то так не хотелось приезжать домой?

Это ее дом. Она опять под защитой любви Лауры. Она опять чувствует себя ребенком.

– Дорогая Лаура, я так рада вернуться... Я так устала, так смертельно

устала...

Лаура была потрясена видом сестры.

– Ширли, дорогая, тебе пришлось столько пережить... но теперь тебе больше нечего беспокоиться.

Ширли с тревогой сказала:

– Только не обращай внимания на то, что говорит Генри.

– Конечно, не буду. Это ужасно, особенно для такого мужчины, как Генри, – оказаться совершенно беспомощным. Пусть выпускает пары сколько хочет.

– О Лаура, я вижу, ты понимаешь...

– Я понимаю.

Ширли с облегчением вздохнула. Только в это утро она поняла, в каком же напряжении она жила все последнее время.

Глава 9

Перед тем как уехать за границу, сэр Ричард Уайлдинг заехал в Белбери.

Ширли прочитала его письмо за завтраком и передала Лауре.

– Ричард Уайлдинг. Это тот путешественник?

– Да.

– Я не знала, что он твой друг.

– Тебе он понравится.

– Пусть он придет к ленчу. Ты хорошо его знаешь?

– Какое-то время я даже была влюблена в него.

– О! – Лаура уставилась на сестру. Она призадумалась...

Ричард приехал несколько раньше, чем его ждали.

Ширли была у Генри, и его встретила Лаура. Она повела его в сад.

Про себя она подумала: «Вот человек, за которого Ширли должна была бы выйти замуж».

Ей понравилось его спокойствие, теплота, приветливость, и даже его властность. Если бы Ширли никогда не встречала Генри! Генри с его обаянием, ненадежностью и скрытой за всем этим безжалостностью!

Ричард вежливо спросил про больного. После обычного обмена любезностями Ричард Уайлдинг сказал:

– Я встречался с ним пару раз. Мне он не понравился. – И быстро спросил:

– Почему вы не удержали ее от этого брака?

– Как бы я смогла?

– Можно было что-то придумать.

– Можно ли? Не знаю.

Никому из них не показалось это мгновенное сближение странным. Он серьезно сказал:

– Могу сказать вам, если вы еще не догадались, что я глубоко люблю Ширли.

– Я так и подумала.

– Только что в этом толку. Теперь она не оставит больного.

Лаура сухо сказала:

– А вы ожидали чего-то другого?

– Нет. Иначе она не была бы Ширли. Как вы думаете, она все еще его любит?

- Не знаю. Она его ужасно жалеет.
- Как он это переносит?
- Никак, – резко сказала Лаура, – У него нет ни терпения, ни мужества.

Он – он просто изводит ее.

- Свинья!
- Надо его пожалеть.
- Я отчасти жалею. Но он всегда плохо с ней обращался. Вы знали об этом?

– Она никогда не говорила. Но я слышала.

– Ширли верная жена.

– Да.

После некоторого молчания Лаура сказала внезапно осевшим голосом:

– Вы правы. Я должна была предотвратить эту женитьбу. Любым путем. Ширли была очень молода. У нее не было времени разобраться. Да, это я виновата.

Он хмуро сказал:

- Вы позаботитесь о ней?
- Ширли – единственная, кого я люблю.
- Она идет, – предупредил он.

Они смотрели, как Ширли идет к ним по газону.

Он сказал:

– Она ужасно похудела и побледнела. Бедная девочка, моя милая храбрая девочка...

* * *

После ленча Ширли и Ричард прогуливались бок о бок вдоль ручья.

– Генри спит. Мне можно выйти погулять.

– Он знает, что я здесь?

– Я ему не сказала.

– Тебе тяжело приходится?

– Да, пожалуй. Что ни скажи, что ни сделай... Главное, ничем не могу помочь. Это так ужасно.

– Ты не против, что я приехал?

– Нет, если это для того, чтобы проститься.

– Ладно, простимся. Ты теперь никогда не оставишь Генри?

– Да, я его никогда не оставлю.

Он остановился и взял ее за руки.

– Только одно, моя дорогая. Если я тебе понадобится – в любое время ты напиши только одно слово:

«Приходи». И я приду с другого конца земли.

– Милый Ричард.

– А теперь прощай, Ширли.

Он обнял ее. Ее усталое изголодавшееся тело словно ожило, затрепетало. Она принялась целовать его безудержно, отчаянно.

– Я люблю тебя, Ричард, люблю, люблю...

Наконец она прошептала:

– Прощай. Нет, не провожай меня...

Она вырвалась и побежала к дому.

Ричард Уайлдинг сквозь зубы выругался. Он проклинал Генри Глин-Эдвардса и болезнь под названием полиомиелит.

* * *

Болдок был прикован к постели. Более того, при нем были две сиделки, к которым он испытывал отвращение.

Единственным светлым пятном бывали визиты Лауры.

Дежурная сиделка тактично удалялась, и Болдок высказывал Лауре все свои чувства.

Голос его поднимался до душераздирающего фальцета.

– Проклятая хитрюга! «А как мы сегодня себя чувствуем?» Я ей сказал, что здесь только я один, если не считать ухмыляющейся косорылой обезьяны.

– Болди, это очень грубо.

– Ба! Сиделки толстокожие. Им все равно. Поднимут палец и скажут: «Ай-я-яй!» Как бы я хотел сварить эту женщину в кипящем масле!

– Не надо волноваться. Это вам вредно.

– Как там Генри? Все еще задается?

– Да. Генри – просто злой дух. Я стараюсь пожалеть его, но не получается.

– Ох уж эти женщины! Жестокосердые! Разводят сантименты над мертвой птичкой и тверже гвоздей, когда бедный парень прошел через ад.

– Это Ширли проходит через ад. А он – он просто повис на ней.

– Естественно. Зачем еще нужна жена, если на ней нельзя повиснуть в трудные времена?

– Я ужасно боюсь, что она сломается.

Болдок презрительно хрюкнул:

- Только не Ширли. Она выдержит. Она крепкий орешек.
- Она живет в жутком напряжении.
- Еще бы. Нечего было выходить за него замуж.
- Она же не знала, что его разобьет полиомиелит.
- Думаешь, ее бы это остановило? Как я слышал, романтический воздыхатель заявился сюда разыгрывать сцену любовного прощания.
- Болди, как вы все узнаете?
- Не закрываю глаз. Для чего еще сиделки, как не для того, чтобы разузнавать у них о скандалах местного масштаба.
- Это был Ричард Уайлдинг, путешественник.
- О да, во всех отношениях славный малый. Перед войной по глупости женился. На знаменитой проститутке с Пикадилли. После войны сбежал от нее. Думаю, очень страдает, что сваял такого дурака. Уж эти мне идеалисты!
- Он милый, очень милый.
- Любезничаешь с ним?
- Он тот, за кого Ширли следовало бы выйти замуж.
- О, я было подумал, что ты присмотрела его для себя.

Жаль.

- Я никогда не выйду замуж.
- Та-ра-ра-бумбия! – свирепо отозвался Болдок.

* * *

Молодой врач сказал:

- Миссис Глин-Эдвардс, вам нужно уехать. Сменить обстановку, отдохнуть – бот что вам необходимо.
- Но я не могу уехать. – Ширли была возмущена.
- Вы очень истощены и измучены. Предупреждаю вас. – Доктор Грейс заговорил настойчивее:
- Если вы не позаботитесь о себе, вы просто свалитесь.

Ширли засмеялась.

- Со мной все будет хорошо.

Врач в сомнении покачал головой.

- Мистер Глин-Эдвардс очень утомительный пациент.
- Если бы он мог хоть немного смирить себя, – сказала Ширли.
- Да, он совсем не способен терпеть.

– Вы думаете, что я не правильно себя веду? Я раздражаю его?

– Миссис Глин-Эдвардс, вы его предохранительный клапан. Вам тяжело, но вы делаете благородное дело, поверьте.

– Спасибо.

– Продолжайте давать ему снотворное. Доза большая, но ночью ему надо отдыхать, раз он так себя изводит. Только не оставляйте лекарства там, где он может до них дотянуться.

Ширли побледнела.

– Вы же не думаете...

– Нет, нет, нет, – поспешно прервал ее врач. – Он не такой человек, чтобы что-то сделать над собой. Временами он грозит, но это просто истерика. Нет, опасность в том, что спросонья человек может забыть, что уже принял дозу, и повторит. Так что будьте Осторожны.

– Конечно буду.

Она попрощалась и пошла к Генри.

Генри был сильно не в духе.

– Ну и наговорил! «Все идет удовлетворительно! Пожалуй, пациент несколько взвинчен! Не стоит об этом беспокоиться!»

– О Генри. – Ширли устало опустилась в кресло. – Не мог бы ты быть несколько добрее?

– Добрее к тебе?

– Да. Я так устала, так смертельно устала. Хоть изредка – будь добрым.

– Тебе не на что жаловаться. Не ты превратилась в кучку бесполезных костей. У тебя все хорошо.

– Значит, ты считаешь, что у меня все хорошо?

– Врач уговаривал тебя уехать?

– Он сказал, что я должна сменить обстановку и отдохнуть.

– Конечно же ты поедешь?

– Нет, я не поеду.

– Почему бы это?

– Не хочу оставлять тебя.

– Мне наплевать, уедешь ты или нет. Какой от тебя прок?

– Кажется, никакого, – тусклым голосом сказала Ширли.

Генри завертел головой.

– Где мои снотворные таблетки? Вчера ты мне их так и не дала.

– Дала.

– Не дала. Я проснулся, просил, а нянька наврала, что я их уже принимал.

– Принимал. Ты забыл.

– Ты собираешься вечером пойти в викариат?

– Нет, если ты этого не хочешь, – сказала Ширли.

– Ох, уж лучше ступай! А то все будут говорить, какой я негодяй. Я и няньке сказал, чтобы она шла.

– Я останусь.

– Незачем. Со мной будет Лаура. Вот забавно – я никогда не любил Лауру, но в ней есть что-то такое, что успокаивает, когда болен. Какая-то особая сила.

– Да, она такая. Она вселяет силу. Она лучше, чем я. По-моему, я только злю тебя.

– Иногда ты ужасно раздражаешь.

– Генри...

– Да?

– Ничего.

Перед тем как ехать в викариат, она зашла к Генри, и ей показалось, что он спит. Она наклонилась над ним. На глаза навернулись слезы. Она уже повернулась уходить, и тут он схватил ее за рукав.

– Ширли.

– Да, дорогой?

– Ширли, не надо меня ненавидеть.

– Что ты! Как бы я могла тебя ненавидеть?

Он забормотал:

– Ты такая бледная, худая... Я тебя замучил. Ничего не могу с собой поделать.. Я всегда терпеть не мог болезни и боль. На войне я думал, что пусть лучше меня убьют, я не мог понять, как другие переносят ожоги или увечья.

– Я понимаю. Я понимаю...

– Я знаю, я эгоист. Но мне станет лучше – я имею в виду рассудок, а не тело. Мы могли бы с этим ужиться, если ты потерпишь. Только не бросай меня.

– Я тебя никогда не брошу.

– Я люблю тебя, Ширли... Люблю. Всегда любил.

Кроме тебя, для меня никого не было – и не будет. Все это время ты была такой доброй, такой терпеливой. Я знаю, что сам я был сущим дьяволом. Скажи, что ты меня прощаешь.

– Мне нечего прощать. Я тебя люблю.

– Знаешь, радоваться жизни можно, даже если ты калека.

– Мы будем радоваться жизни.

– Не знаю как!

Дрожащим голосом Ширли сказала:

– Ну, во-первых, еда.

– И питье, – добавил Генри.

У него на лице возникла слабая тень прежней улыбки.

– Можно заняться высшей математикой.

– Лучше кроссвордами.

Он сказал:

– Завтра я опять буду дьяволом.

– Наверное. Теперь я не возражаю.

– Где мои таблетки?

– Сейчас дам.

Он послушно проглотил таблетки.

– Бедная старушка Мюриэл, – неожиданно сказал он.

– Почему ты о ней вдруг вспомнил?

– Вспомнил, как в первый раз привез тебя к ней. Ты была в желтом полосатом платье. Мне надо было почаще навещать Мюриэл, но она такая зануда. Ненавижу зануд.

А теперь и сам стал занудой.

– Нет.

Снизу Лаура позвала: «Ширли!»

Она поцеловала его и сбежала по лестнице, переполненная счастьем. И торжеством.

Лаура сказала ей, что няня уже пошла.

– О, я опоздала? Бегу.

На ходу она обернулась и окликнула Лауру.

– Я дала Генри снотворное.

Но Лаура уже зашла в дом и закрывала за собой дверь.

Часть третья
Ллевеллин – 1956

Глава 1

Ллевеллин Нокс распахнул ставни гостиничных окон и впустил благоуханный ночной воздух. Перед ним рассыпались мерцающие огоньки города, за ними сияли огни гавани.

Впервые за несколько недель Ллевеллин ощутил мир и покой. Здесь на острове он сможет сделать остановку, осмыслить себя и свое будущее. В общих чертах будущее было ясно, но детали не прорисовывались. Он прошел через муку, опустошенность, бессилие. Скоро, очень скоро, он сможет начать новую жизнь. Простую, нетребовательную жизнь, как у всех, – но за одним исключением: он начнет ее в сорок лет.

Он вернулся в комнату, скромно обставленную, но чистую. Умылся, распаковал невеликий багаж и вышел из спальни. Спустился на два лестничных пролета в вестибюль гостиницы. Клерк за стойкой что-то писал; он поднял на Ллевеллина глаза вежливо, но без особого интереса или любопытства и снова ушел в работу.

Ллевеллин толкнул вращающуюся дверь и вышел на улицу. Воздух был теплый и влажный, насыщенный цветочными ароматами.

Ничего общего с застойным экзотическим воздухом тропиков. Было тепло ровно настолько, чтобы снять напряжение. Подстегивающий темп цивилизации остался позади. Остров словно отодвинут в прошлый век, когда люди занимались своими делами не торопясь, обдумывали все без спешки и стрессов, не изменяя намеченной цели.

Были у них и нищета, и телесные болезни, и боль, но не было напряжения нервов, неистовой гонки, страха перед завтрашним днем, который непрерывно подстегивает людей цивилизованного мира.

Твердые лица деловых женщин, безжалостные лица матерей, гордых своими чадами, серые, измученные лица бизнесменов, занятых непрекращающейся борьбой, дабы не пойти ко дну вместе со всем, что им принадлежит, беспокойные усталые лица в толпе, где все борются за лучшую жизнь завтра или хотя бы за сохранение той, какая есть, – ничего этого не было во встречаемых им людях.

Большинство прохожих задерживали на нем взгляд, отмечали, что он иностранец, и шли дальше, занятые собственной жизнью. Шли не спеша наверное, просто вышли подышать свежим воздухом. Даже те, у кого была цель, не проявляли нетерпения: что не сделаешь сегодня – сделаешь завтра; друзья подождут чуть подольше и не рассердятся.

«Серьезные, вежливые люди, – думал Ллевеллин, – они редко улыбаются, но не потому, что им грустно, а потому, что улыбка не является для них инструментом светского общения, они улыбаются, когда им смешно».

Женщина с ребенком на руках подошла к нему и попросила милостыни, но автоматически, без эмоций. Слов он не понял, но протянутая рука и меланхолическая интонация создавали знакомый образ. Он положил ей на ладонь мелкую монету, она так же автоматически поблагодарила и ушла. Ребенок спал, прислонившись к ее плечу. Он был вполне упитанный, а ее лицо, хоть и усталое, не было ни измученным, ни истощенным. Просто такая у нее работа, такое ремесло. Она выполняла ее механически, вежливо и достаточно успешно, чтобы обеспечить себе и ребенку пропитание и кров.

Он свернул за угол и пошел по улице, спускающейся к гавани. Мимо прошли две девушки. Они разговаривали, смеялись, и, хотя не оборачивались, было видно, что они отлично понимают, что за ними шествует группа из четырех молодых людей.

Ллевеллин про себя усмехнулся. Такая, значит, манера ухаживать на этом острове. Девушки были красивы – гордые черноволосые красавицы не самой ранней юности; лет через десять или раньше они станут похожи на тех стареющих женщин, которые вперевалочку идут в гору, опираясь на руку мужа: толстые, добродушные, полные достоинства, несмотря на бесформенную фигуру.

По крутой узкой улочке Ллевеллин спустился к гавани.

Там в кафе с широкими террасами сидели люди, пили разноцветные напитки из маленьких рюмочек. Перед кафе прогуливались целые толпы. И здесь люди снова отмечали Ллевеллина как иностранца, но не проявляли повышенного интереса. Они привыкли к иностранцам. Приходили корабли, иностранцы сходили на берег, иногда на несколько часов, иногда чтобы пожить здесь, но недолго: гостиницы тут были скромные и лишенные такой роскоши, как водопровод и канализация. Глаза прохожих говорили: нам дела нет до иностранцев; они чужие и не имеют ничего общего с жизнью острова.

Незаметно для себя Ллевеллин умерил шаг. Поначалу он шагал бодрой поступью – так ходят американцы, знающие, куда направляются, и озабоченные тем, чтобы попасть туда возможно скорее.

Но здесь не было определенного места, куда ему нужно попасть. Он был просто человек, один среди таких же, как он.

С этой мыслью к нему пришла теплота, счастливое ощущение

братства, нараставшее в нем в последние месяцы.

Как описать это чувство близости, общности с ближними?

Беспричинное, бесцельное и бесконечно далекое от снисходительности благотворителя, это было осознание любви и дружбы, которая ничего не дает и не требует взамен, не просит и не оказывает благодеяний. Это можно было бы назвать мгновением любви, охватившего тебя всепонимания, беспредельного блаженства – мигом, который по самой своей природе не может продлиться.

Как часто Ллевеллин слышал и произносил слова: «Твоя любовь и доброта к нам и ко всем людям».^[5] Человек тоже может испытать это чувство – но не может его удержать.

И вдруг он увидел, что здесь и заключается воздаяние, обещание будущего – до сих пор он этого не понимал.

Пятнадцать с лишним лет он был этого лишен – чувства братства с людьми. Он держался особняком – человек, посвятивший себя служению. Но теперь, когда со славой, с мучительной опустошенностью покончено, он снова сможет стать человеком среди людей. Он более не призван служить – только жить.

Ллевеллин свернул и присел за столик в кафе. Он выбрал столик у стены, чтобы глядеть на другие столы, на прохожих, на огни гавани и стоящие в ней корабли.

Официант принес заказ и спросил мягким, музыкальным голосом:

– Вы американец, да?

– Да, – ответил Ллевеллин. – Американец.

Улыбка осветила серьезное лицо официанта.

– У нас есть американские газеты, я вам принесу.

Ллевеллин мотнул было головой, но сдержался.

Вернулся официант и с гордостью вручил ему два цветных американских журнала.

– Спасибо.

– К вашим услугам, синьор.

Журналы были двухлетней давности, и это было приятно – подчеркивало удаленность острова от течения жизни. Здесь, по крайней мере, он останется неузнанным.

Глаза его закрылись, он припомнил события последних месяцев.

«Это вы? Неужели? Я так и думала...»

«О, скажите, вы – доктор Нокс?»

«Ведь вы Ллевеллин Нокс, правда? О, я должна сказать вам, как я была расстроена, услышав...»

«Я так и знал, что это вы! Какие у вас планы, доктор Нокс? Я слышал, вы пишете книгу? Надеюсь, вы пришлете нам послание?»

И так далее, и так далее. На корабле, в аэропорту, в дорогих отелях, в неизвестных гостиницах, в ресторанах, в поездах. Узнают, спрашивают, выражают сочувствие, расточают ласки – вот это было тяжелее всего. Женщины...

Женщины с глазами как у спаниеля. Женщины с их страстью обожания.

А еще пресса. До сих пор он остается сенсацией. (К счастью, эти ненадолго.) Грубые, отрывистые вопросы:

«Каковы ваши планы? Что вы скажете теперь, когда?.. Можно ли считать, что вы верите?.. Не могли бы вы дать нам ваше послание?»

Послания, послания, послания! Читателям журнала, стране, мужчинам, женщинам, миру...

Но это ведь не его послания. Он был лишь рупором, проводником посланий – это совсем другое, но никто не хочет вникать.

Отдых – вот что ему сейчас нужно. Отдых и время.

Время разобраться, что же он такое на самом деле и как ему быть дальше. Время... Время начать жить собственной жизнью в свои сорок лет. Он должен выяснить, что же произошло с ним за те пятнадцать лет, когда он, Ллевеллин Нокс, служил рупором для посланий.

Он пил цветной ликер из рюмки, глядя на людей, огни, гавань, и думал, что нашел подходящее место для своей цели. Ему не нужно одиночество пустытника. По натуре он не был ни отшельником, ни аскетом. В нем нет призвания к монашеству. Все, что ему нужно, – это разобраться, кто такой Ллевеллин Нокс. Как только он это поймет, он двинется дальше и начнет жизнь заново.

В сущности, все сводится к трем вопросам:

Что мне известно?

На что я надеюсь?

Что мне следует делать?

Сейчас он мог ответить только на один вопрос – на второй.

Вернулся официант и остановился возле столика.

– Хорошие журналы? – радостно спросил он.

Ллевеллин улыбнулся:

– Да.

– Правда, не очень свежие.

– Это не важно.

– Да. Что было хорошо год назад, хорошо и сейчас.

Он говорил тоном глубокого убеждения.

– Вы с корабля? С «Санта-Маргариты»? – Он мотнул головой в сторону пристани.

– Да.

– Она отплывает завтра в двенадцать, да?

– Наверное. Не знаю. Я остаюсь здесь.

– А, так вы приехали к нам? Здесь прекрасно, все так говорят. Вы пробудете до следующего корабля? Он придет в четверг.

– Может, и подольше.

– А, у вас здесь бизнес!

– Нет, у меня нет бизнеса.

– Обычно люди здесь подолгу не живут – только если у них бизнес. Они говорят, что гостиницы неважные и делать здесь нечего.

– Уверен, здесь можно делать то же самое, что и в любом другом месте.

– Для нас, кто здесь живет, – да. У нас своя жизнь, работа. А для приезжих нет. Хотя есть иностранцы, которые переехали сюда жить. Есть сэр Уайлдинг, англичанин. У него тут большое поместье, досталось от деда. Он теперь живет здесь, пишет книги. Очень знаменитый синьор, очень уважаемый.

– Вы имеете в виду сэра Ричарда Уайлдинга?

Официант кивнул.

– Да, его так зовут. Мы знаем его уже много-много лет. Во время войны он не мог приезжать, но после войны вернулся. Он еще рисует картины. Здесь много художников. В коттедже на Санта-Дольми живет француз. На другой стороне острова – англичанин с женой. Они очень бедные, а картины, которые он рисует, очень странные.

Она еще режет фигурки из камня...

Неожиданно он оборвал себя и ринулся в угол, где перевернутый стул отмечал, что стол заказан. Он снял со стола стул и поставил его, слегка отодвинув, поклонился пришедшей женщине.

Она с благодарностью улыбнулась и села.

Она не сделала заказ, но он сразу же ушел. Женщина оперлась локтями о стол и стала смотреть на гавань.

Ллевеллин наблюдал за ней со все возрастающим удивлением.

Ее плечи покрывала вышитая испанская шаль – цветы на изумрудно-зеленом фоне, как на многих женщинах из тех, что прогуливались по улице, но он был уверен, что она американка или англичанка. Белокурые волосы выделяли ее среди прочих посетителей кафе. Стол, за которым она сидела,

был наполовину скрыт свисающей массой ветвей бугенвиллей кораллового цвета. Должно быть, у любого сидящего за этим столом возникало чувство, будто смотришь на мир из пещеры, укрытой зеленью, особенно если глядеть на огни кораблей и их отражение в воде.

Девушка – ибо она была еще молода – сидела тихо, с видом кроткого ожидания. Официант принес ей бокал.

Она поблагодарила его улыбкой, обхватила бокал обеими руками и продолжала глядеть на гавань, временами прикладываясь к бокалу.

Ллевеллин обратил внимание на кольца: на одной руке – с изумрудом, на другой – с россыпью бриллиантов.

Из-под экзотической шали виднелось черное закрытое платье.

Она ни на кого не глядела, и окружающие лишь мельком глянули на нее, не проявив интереса. Было ясно, что ее здесь знают.

Ллевеллин гадал, кто она такая. У девушек ее класса сидеть одной в кафе не принято. Но она чувствовала себя свободно, будто совершала привычный ритуал. Возможно, скоро к ней кто-то присоединится.

Но время шло, а девушка оставалась за столиком одна.

Она сделала легкое движение головой, и официант принес ей еще вина.

Примерно через час Ллевеллин сделал знак официанту, что хочет рассчитаться, и собрался уходить. Проходя мимо, внимательно посмотрел на нее.

Она не замечала ни его, ни окружающих. Она уставилась на дно стакана, не меняя выражения лица. Казалось, она где-то далеко.

Ллевеллин вышел из кафе, двинулся к гостинице по узкой улочке, но вдруг почувствовал: надо вернуться, заговорить с ней, предостеречь ее. Почему ему пришло в голову слово «предостеречь»? Почему он решил, что она в опасности?

Он покачал головой. В этот миг он ничего бы не смог предпринять, но был уверен, что прав.

* * *

Две недели спустя Ллевеллин Нокс все еще был на острове. Его дни шли однообразно: он гулял, отдыхал, читал, опять гулял, спал. Вечерами после ужина он шел в гавань и сидел в одном из кафе. Чтение из распорядка дня он вскоре вычеркнул: читать стало нечего.

Он жил, предоставленный самому себе, и знал, что так и должно быть.

Но он не был одинок. Вокруг жили люди, он был одним из них, хотя ни разу с ними не заговаривал. Он не искал контактов и не избегал их – вступал в беседы с разными людьми, но все это было не более чем просто обменом любезностями с другими. Они его привечали, он их привечал, но ни один не вторгался в чужую жизнь другого.

В этих отстраненных приятельских отношениях было одно исключение. Он постоянно задумывался о той девушке, что приходила в кафе и садилась под бугенвиллеей.

Хотя он одаривал своим вниманием несколько заведений на пристани, чаще всего он заходил в то кафе, которое выбрал первым. Здесь он несколько раз видел ту англичанку. Она появлялась всегда очень поздно, садилась за один и тот же столик, и он с удивлением обнаружил, что она остается, даже когда все другие уходят. Она была загадкой для него, но, похоже, ни для кого другого.

Как-то раз он заговорил о ней с официантом:

– Синьора, которая сидит там, – она англичанка?

– Да, англичанка.

– Она живет на острове?

– Да.

– Она приходит сюда каждый вечер?

Официант важно сказал:

– Приходит, когда может.

Ответ был любопытный, и позже Ллевеллин его вспоминал.

Он не спрашивал ее имя. Если бы официант хотел, чтобы он узнал его, он бы сказал. Парень сказал бы ему:

«Синьора такая-то, живет там-то». Поскольку он этого не говорил, Ллевеллин заключил, что есть своя причина, почему иностранцу не следует знать ее имя.

Вместо этого он спросил:

– Что она пьет?

– Бренди, – коротко ответил официант и ушел.

Ллевеллин заплатил и попрощался. Он прошагал меж столиков к выходу и немного постоял на тротуаре, прежде чем влиться в толпу гуляющих.

Затем он вдруг круто развернулся и прошествовал твердой, решительной поступью, присущей его нации, к столику под бугенвиллеей.

– Вы не возражаете, – спросил он, – если я посижу и поговорю с вами минуту-другую?

Глава 2

Ее взгляд медленно переместился с огней гавани на его лицо. Какое-то время глаза оставались несфокусированными. Он почти ощущал, какое она прилагает усилие, – так далеко она была отсюда. С неожиданным приливом жалости он увидел, что она очень молода. Не только годами – ей было года двадцать три, двадцать четыре, – но и вообще какой-то незрелостью. Словно нормально развивавшийся бутон прихватило морозом, и с виду он остался таким же, как остальные – но ему уже не суждено расцвести. Он и не завянет: со временем он, не раскрывшись, опадет на землю. Он подумал, что она похожа на заблудившегося ребенка. Отметил также ее красоту. Девушка была прелестна. Любой мужчина признает ее красивой, выскажет готовность заботиться о ней, защищать ее. Как говорится, все очки в ее пользу. И вот она сидит, уставившись в непостижимую даль: где-то на недолгом, легком и явно счастливом пути она потеряла себя.

Расширенные темно-синие глаза остановились на нем.

Она неуверенно сказала: «О?..»

Он ждал.

Потом она улыбнулась:

– Садитесь, пожалуйста.

Он пододвинул стул и сел. Она спросила:

– Вы американец?

– Да.

– Вы с корабля?

Ее глаза опять устремились к гавани. У причала стоял корабль. Там всегда стоял какой-нибудь корабль.

– Я приплыл на корабле, но не на этом. Я живу здесь уже почти две недели.

– Здесь редко остаются так надолго. – Это было утверждение, не вопрос.

Ллевеллин подозвал официанта и заказал Кюрасао.

– Разрешите что-нибудь вам заказать?

– Спасибо, – сказала она. И добавила:

– Он знает.

Официант наклонил голову и ушел.

Они помолчали.

Наконец она сказала:

– Видимо, вам одиноко? Здесь мало англичан или американцев.
Он видел, что она думает, как спросить – почему он с ней заговорил.
– Нет, – сразу же сказал он. – Мне не одиноко. Я обнаружил, что рад остаться один.

– О да, это приятно, не правда ли?

Его удивило, с какой страстью она это произнесла.

– Я вас понимаю. Потому вы и приходите сюда?

Она кивнула.

– Чтобы побыть одной. А я пришел и помешал.

– Нет. Вы не в счет. Вы здесь чужой.

– Понятно.

– Я даже не знаю вашего имени.

– Хотите знать?

– Нет. Лучше не говорите. Я тоже не скажу свое.

Она с сомнением добавила:

– Но вам, наверное, уже сказали. В кафе меня все знают.

– Нет, не сказали. Я думаю, они понимают, что вам бы этого не хотелось.

– Понимают... У них у всех удивительно хорошие манеры. Не приобретенные, а от рождения. До того как я приехала сюда, ни за что бы не поверила, что естественная вежливость так замечательна – так благотворна.

Подошел официант с двумя бокалами. Ллевеллин заплатил.

Он посмотрел на стакан, который девушка обхватила обеими руками.

– Бренди?

– Да. Бренди очень помогает.

– Почувствовать себя одинокой?

– Да. Помогает – почувствовать свободу.

– А вы несвободны?

– Разве кто-нибудь свободен?

Он задумался. Она сказала эти слова без горечи, с какой их обычно произносят, – просто спросила.

– «Каждый носит свою судьбу за плечами» – так вы это чувствуете?

– Ну, не совсем. Скорее так, что твой жизненный курс вычислен, как курс корабля, и должно ему следовать, и, пока ты это делаешь, все хорошо. Но я похожа на корабль, внезапно сошедший с правильного курса. А тогда, понимаете, все пропало. Не знаешь, где ты, ты отдана на милость ветра и волн, и ты уже не свободна, что-то тебя подхватило и несет, ты в чем-то увязла... Что за чушь я несу! Все бренди виноват.

Он согласился.

– Отчасти бренди, несомненно. Так где же подхватило вас это нечто?

– О, далеко... все это далеко...

– Что же это было такое, от чего вам пришлось бежать?

– Ничего не было, абсолютно. В том-то и дело. Я ведь счастливая. У меня было все. – Она угрюмо повторила:

– Все... О, не то чтобы у меня не было огорчений, потерь, не об этом речь. Я не горюю о прошлом. Не воскрешаю его и не переживаю заново. Не хочу возвращаться и даже идти вперед. Чего я хочу – так это куда-нибудь скрыться. Вот я сижу здесь, пью бренди, но меня нет, я уношусь за пределы гавани, дальше и дальше – в какое-то нереальное место, которого и нет вовсе. Как в детстве летаешь во сне: веса нет, так легко, и тебя уносит.

Глаза опять расширились и расфокусировались. Ллевеллин сидел и смотрел.

Она как будто очнулась.

– Извините.

– Не надо возвращаться, я уйду. – Он встал. – Можно, я иногда буду приходить сюда и разговаривать с вами?

Если не хотите, скажите. Я пойму.

– Нет, я бы хотела, чтобы вы приходили. До свиданья. Я еще посижу. Понимаете, я не всегда могу улизнуть.

* * *

Еще раз они разговаривали неделю спустя.

Как только он уселся, она сказала:

– Я рада, что вы не уехали. Боялась, что уедете.

– Пока еще не уезжаю. Рано.

– Куда вы отсюда поедете?

– Не знаю.

– Вы хотите сказать, что ждете распоряжений?

– Что ж, можно и так выразиться.

Она медленно проговорила:

– В прошлый раз мы говорили обо мне. Совсем не говорили о вас. Почему вы приехали на остров? Была причина?

– Пожалуй, причина та же, по которой вы пьете бренди: уйти, в моем случае – от людей.

– От людей вообще или от каких-то конкретно?

– Не вообще от людей. От тех, кто меня знает или знает, кем я был.

– Что-то произошло?

– Да, кое-что произошло.

Она подалась вперед.

– Как у меня? Вы сбились с курса?

Он яростно мотнул головой.

– Нет. То, что случилось со мной, – неотъемлемая часть моей судьбы.

Оно имело значение и цель.

– Но вы же сказали про людей...

– Дело в том, что люди не понимают. Жалеют меня, хотят затащить обратно – к тому, что завершено.

Она сдвинула брови.

– Не понимаю...

– У меня была работа. – Он улыбнулся. – Я ее потерял.

– Важная работа?

– Не знаю. – Он задумался. – Пожалуй, да. Но откуда нам знать, что важно, а что нет. Надо привыкнуть не полагаться на собственные оценки. Все относительно.

– Значит, вы бросили работу?

– Нет. – На его лице снова вспыхнула улыбка. – Меня уволили.

– О! Она чуть отшатнулась. – Вы были против?

– Еще бы. Любой был бы на моем месте. Но теперь все позади.

Она нахмурилась, глядя в пустой стакан. Повернула голову, и официант заменил пустой бокал полным.

Сделав два глотка, она сказала:

– Можно вас кое о чем спросить?

– Пожалуйста.

– Как вы думаете, счастье – это очень важно?

Он подумал.

– Трудный вопрос. Боюсь, вы сочтете меня ненормальным, если я скажу: счастье жизненно важно и в то же время не имеет никакого значения.

– Не могли бы вы выразиться яснее?

– Ну, это как секс. Жизненно важная вещь и в то же время ничего не значит. Вы замужем?

Он заметил тонкое золотое кольцо на пальце.

– Я дважды выходила замуж.

– Вы любили мужа?

Он употребил единственное число, и она ответила без колебаний:

– Я любила его больше всего на свете.

– Тогда оглянитесь на вашу совместную жизнь – что прежде всего приходит вам на ум? Как вы в первый раз вместе спали или что-то другое?

Внезапно ее охватил смех – короткая Вспышка очаровательного веселья.

– Его шляпа.

– Шляпа?

– Да. В медовый месяц. Ее унесло ветром, и он купил местную – смешную соломенную шляпу, а я сказала, что она больше подходит мне. Ну я ее надела, а он надел мою – знаете, какую ерунду мы, женщины, носим на голове, и мы смотрели друг на друга и смеялись. Он сказал, что туристы всегда обмениваются шляпами, а потом сказал: «О Господи, как же я тебя люблю». Ее голос прервался. – Никогда не забуду.

– Вот видите? – сказал Ллевеллин. – Волшебный момент единения, нескончаемой нежности, но не секс. Однако если с сексом нелады, брак разрушится. В некотором роде так же важна еда – без нее нельзя жить, но, пока вы нормально питаетесь, еда почти не занимает ваши мысли. Так и счастье – оно способствует росту, оно великий учитель, но оно не является целью жизни и само по себе не удовлетворяет человека.

Он мягко спросил:

– Так вы хотите счастья?

– Не знаю. Я и так должна быть счастливой, у меня для этого есть все.

– Но вы хотите большего?

– Меньшего, – быстро отозвалась она. – Я хочу от жизни меньшего. Всего слишком много. Слишком много. – И неожиданно добавила:

– Это такое бремя.

Некоторое время они сидели молча. Наконец она сказала:

– Если хотя бы знать, чего я хочу. Знать, а не быть вечно недовольной дурой.

– Но вы же знаете: вы хотите сбежать. Почему же вы этого не делаете?

– Сбежать?

– Да. Что вас останавливает? Деньги?

– Нет, не деньги. Деньги у меня есть – не так много, но достаточно.

– Тогда что же?

– Много чего. Вам не понять. – Губы скривились в жалобной усмешке. Как у Чехова – три сестры вечно стонут: в Москву! Но они никуда не едут, хотя в любой день могут пойти на станцию и купить билет до Москвы! Как и я могу купить билет на корабль, который уплывает сегодня вечером.

– И что же вас удерживает? – он ждал.

- По-моему, вы знаете ответ, – сказала она.
- Он покачал головой.
- Нет, я не знаю ответа. Я стараюсь вам Помочь его найти.
- Возможно, я похожа на чеховских трех сестер. Возможно, я на самом деле – не хочу.
- Возможно.
- Возможно, сбежать – просто та мысль, которой я тешусь.
- Вероятно. У всех у нас есть фантазии, помогающие сносить ту жизнь, которой мы живем.
- Побег – моя фантазия?
- Я не знаю. Это вы знаете.
- Ничего я не знаю, вообще ничего. У меня были все возможности, а я поступила не правильно. Но раз уж человек поступил не правильно, ему приходится идти этим путем и дальше, так ведь?
- Я не знаю.
- Вы не могли бы перестать это повторять?
- Прошу прощения, но это правда. Вы просите меня сделать заключение по поводу чего-то такого, о чем я ничего не знаю.
- Но это же основной принцип.
- Нет такого в природе – основной принцип.
- Она широко раскрыла глаза.
- Вы хотите сказать, что не существует абсолютно правильного либо абсолютно не правильного?
- Нет, я не это имел в виду. Конечно, абсолютная истина есть, но она лежит так далеко за пределами нашего понимания, что мы имеем о ней лишь самое смутное представление.
- Но человек все-таки знает, что верно, а что – нет?
- Он просто следует общепринятым правилам повседневной жизни. Или, если пойдем дальше – своему инстинктивному ощущению. Но это нас может завести слишком далеко. Людей сжигали на кострах не садисты, а честные люди возвышенного склада ума, они верили, что это правильно. Почитайте законы Древней Греции: если человек отказывался отдать своего раба на пытку, считалось, что он противится правосудию. В Штатах какой-то честный богобоязненный священник забил до смерти своего любимого трехлетнего сына, потому что тот отказался повторять молитву.
- Какой ужас!
- Да, потому что время изменило наши представления.
- Как же тогда быть?
- Ее прелестное лицо склонилось к нему, на нем было написано

замешательство.

– Следовать своему пути, с кротостью и надеждой.

– Следовать своему пути... да, но мой путь, с ним что-то не то. Знаете, как если бы вязали свитер по выкройке и упустили петлю где-то в самом начале – и вот весь узор исказился.

– Этого не знаю, никогда не вязал.

– Почему вы не выскажете прямо свое мнение?

– Потому что тогда оно перестанет быть только моим мнением.

– Как это?

– Оно может повлиять на вас. Вы легко внушаемы.

Ее лицо опять нахмурилось.

– Да. Наверное, в этом вся беда.

Он подождал минутку, потом спросил как бы невзначай:

– Какая беда?

– Никакая. – Она смотрела на него с отчаянием. – Никакой беды. У меня есть все, чего может пожелать любая женщина.

– Опять вы обобщаете. Вы не любая женщина. Вы – это вы. У вас есть все, чего вы хотите?

– Да, да, да! Любовь, доброе отношение, деньги, роскошь, красивое окружение, общество – все. Все, что я сама бы выбрала для себя. Нет, дело во мне самой. Со мной что-то не в порядке.

Она с вызовом посмотрела на него. Как ни странно, ее утешило, когда он спокойно и твердо сказал:

– О да. С вами что-то не в порядке. Это очевидно.

* * *

Она отодвинула бокал с бренди и сказала:

– Можно я расскажу о себе?

– Если хотите.

– Может, тогда я сумею понять, когда же все пошло не так.

– Да, это помогает.

– В моей жизни все было очень мило и очень обыкновенно. Счастливое детство, милый дом. Я ходила в школу, делала все, что полагается, со мной никто никогда не обращался скверно; может, для меня было бы лучше обратное. Возможно, я была избалованным ребенком, хотя я так не считаю. После школы я шла домой, играла в теннис, танцевала, встречалась с молодыми людьми и гадала, какой работой заняться, – все

очень обыкновенно.

– Выглядит как вполне прямой путь.

– А потом я влюбилась и вышла замуж. – Ее голос слегка изменился.

– И жили счастливо...

– Нет. Я любила его, но часто бывала несчастна. Вот почему я вас спрашивала, насколько это важно – быть счастливым.

Помолчав, она продолжала:

– Трудно объяснить. Я была не слишком счастлива, но все равно все было прекрасно: я этого хотела, сама это выбрала. Я вступила в эту жизнь не с закрытыми глазами.

Конечно, я его идеализировала – как же иначе? Помню, однажды я проснулась очень рано, было часов пять. Это холодное, трезвое время, правда? И я поняла, я увидела, каким будет мое будущее, увидела, каков он эгоистичный, безжалостный, но в то же время – очаровательный, веселый и легкомысленный – и что я люблю его, как никто, и скорее согласна быть несчастной замужем за ним, чем жить в покое и довольстве без него. И я подумала, что, если мне повезет и я буду не слишком глупа, я смогу справиться. Я признала тот факт, что люблю его больше, чем он когда-либо сможет полюбить меня, и что не надо требовать от него больше того, что он может дать.

Она остановилась, потом продолжала:

– Конечно, тогда я сказала это себе не так внятно, как теперь, но это чувство у меня было. Потом я опять восхищалась им, приписывала ему благородные качества, которых у него не было. Но был момент – такой момент, когда видишь далеко вперед, и от тебя зависит, идти дальше или повернуть обратно. В то холодное раннее утро я увидела, как мне будет трудно, как страшно, я подумала, не вернуться ли – но пошла дальше.

Он мягко спросил:

– И вы жалеете?..

– Нет, нет! – неистово выкрикнула она. – Я никогда не жалела! Прекрасна была каждая минута! Об одном только я жалею – что он умер.

В глазах ее была жизнь – больше не казалось, что она витает где-то в сказочной стране. К нему через стол потянулась страстная, живая женщина.

– Он умер слишком рано, – сказала она. – Как там Макбет сказал: «Она должна бы умереть попозже...»^[6] У меня было такое чувство – он мог бы умереть попозже.

Он покачал головой.

– Так всегда кажется, когда люди умирают.

– Разве? Не знала. Он заболел. Я понимала, что он на всю жизнь

останется инвалидом. Он не мог с этим смириться, он ненавидел такую жизнь и срывал зло на всех, особенно на мне. Но он не хотел умирать. Несмотря ни на что, он не хотел умирать. Из-за этого его смерть меня особенно возмущает. У него был, можно сказать, талант жить; он радовался даже половинке жизни, одной четверти! О! – Она страстно вскинула руки. – Я ненавижу Бога за то, что он его умертвил! – Она остановилась и, в смущении посмотрела на него. Нельзя было говорить: я ненавижу Бога?

Он спокойно ответил:

– Лучше ненавидеть Бога, чем своих ближних людей.

Богу мы не причиняем боли.

– Нет. Но Он может причинить ее нам.

– Что вы, это мы сами причиняем боль друг другу – и себе.

– А Бога делаем козлом отпущения?

– Он всегда им был. Он несет наше бремя – бремя наших мятежей, нашей ненависти, да и нашей любви.

Глава 3

Ллевеллин завел привычку совершать днем долгие прогулки. Он выходил из города по дороге, которая, петляя, вела в гору, оставляя позади город и пристань, создавая ощущение нереальности среди белого дня. Был час сиесты, и веселые цветные точки не мелькали ни у кромки воды, ни на дорогах и улицах. Здесь, на вершине холма, Ллевеллин встречал только козьих пастухов да мальчишек, которые развлекались тем, что распевали песни или играли на земле в какие-то свои игры с кучками камней. Они приветливо и серьезно здоровались с Ллевеллином, не удивляясь, – они привыкли к иностранцам с их энергичной походкой, распахнутыми на груди белыми рубашками, потными лицами. Они знали, что иностранцы – это или писатели, или художники; хоть немногочисленные, они были им не в новинку. Поскольку у Ллевеллина не было ни холста, ни мольберта, ни хотя бы блокнота, ребята принимали его за писателя и вежливо здоровались.

Ллевеллин отвечал им и шагал дальше.

У него не было определенной цели. Он оглядывал окрестности, но не это было важно. Важно было то, что копилось в душе, еще неясное и непознанное, но постепенно принимающее форму и размер.

Тропа привела его в банановую рощу. Здесь, в этом зеленом пространстве, его поразила мысль о том, как мгновенно может измениться цель и направление. Он не знал, сколь далеко простирается банановая роща, не знал, когда он это выяснит. Может, тропа будет совсем короткой, а может, протянется на мили. Человек может только продолжать свой путь. В конце концов окажешься там, куда приведет тебя тропа. Все, что ему подвластно это движение, и ноги несут его по тропе, осуществляя его волю.

Он может повернуть назад либо продолжать идти вперед.

Он свободен, лишь постольку, поскольку целен и честен.

Следовать пути с надеждой...

И тут внезапно банановая роща кончилась, и он вышел на голый склон холма. Чуть ниже, рядом с петляющей тропой какой-то человек сидел и рисовал на мольберте.

Ллевеллин видел его со спины – мощные плечи под тонкой желтой рубашкой и прилично поношенную широкополую шляпу, сдвинутую на затылок.

Ллевеллин спустился по тропе вниз. Поравнявшись с художником, он

замедлил шаг и с неподдельным любопытством посмотрел на холст. Раз уж художник уселся рядом с дорожкой, значит, он не возражает, чтобы на него смотрели.

Работа была энергичной, написанной сильными яркими мазками, создающими общий эффект, без детализации – прекрасный образец мастерства, хотя и не несущий глубокого смысла.

Художник повернул к нему голову и улыбнулся.

– У меня это не призвание. Просто хобби.

Человеку было за сорок, в темных волосах уже блестела седина. Он был красив, но Ллевеллина тронула не столько его красота, сколько обаяние личности. Он излучал тепло и доброту – такого человека, раз встретив, долго не забудешь.

Художник вдохновенно произнес:

– Неизъяснимое наслаждение – смешивать на палитре яркие, сочные краски и размазывать их по холсту! Иногда знаешь, чего добиваешься, иногда нет, но удовольствие получаешь всегда. Вы художник? – Он бросил на Ллевеллина быстрый взгляд.

– Нет. Я оказался здесь случайно.

– А-а. – Его собеседник неожиданно шлепнул мазок розовой краски на то, что у него было морем. – Здорово, – сказал он. – Хорошо смотрится. Необъяснимая вещь!

Он бросил кисть на палитру, вздохнул, сдвинул ветхую шляпу еще дальше на затылок и повернулся, чтобы получше рассмотреть того, с кем разговаривает. С интересом прищурился.

– Извините, – сказал он, – вы случайно не доктор Ллевеллин Нокс?

* * *

Было мгновение ужаса, физически никак не проявившегося, и Ллевеллин бесцветно ответил:

– Это так.

Он имел возможность оценить тактичность собеседника. Тот сразу же сказал:

– Глупо с моей стороны. У вас было расстройство здоровья, не так ли? Я полагаю, вы приехали сюда подальше от людей. Что ж, вам не о чем волноваться. Американцы здесь редки, а местные жители интересуются только своими двоюродными и троюродными родственниками, рожденьями, смертями и свадьбами, а я не в счет. Я здесь просто живу.

Он бросил взгляд на Ллевеллина.

– Вас это удивляет?

– Да.

– Почему?

– Просто жить, – по-моему, для вас этого маловато!

– Вы, конечно, правы. Сначала я не собирался здесь жить. Двоюродный дед оставил мне большое поместье.

Выглядело оно неважно. Но постепенно выправилось и стало процветать. Интересно. Меня зовут Ричард Уайлдинг.

Ллевеллин знал это имя: путешественник, писатель, человек разнообразных интересов, широко образованный во многих областях археология, антропология, энтомология. О сэре Ричарде Уайлдинге говорили, что нет предмета, которого бы он не знал, хотя он не претендовал на звание профессионала. Ко всем его достоинствам можно было добавить также скромность.

– Я о вас слышал, конечно, – сказал Ллевеллин. – И имел удовольствие прочесть некоторые ваши книги. Огромное удовольствие.

– А я, доктор Нокс, был на одном из ваших собраний, а именно в Олимпии полтора года назад.

Ллевеллин удивился.

– Удивлены? – насмешливо спросил Уайлдинг.

– Честно говоря, да. Любопытно, зачем вы приходили?

– Честно говоря, чтобы посмеяться.

– Это меня не удивляет.

– К тому же не раздражает, как я вижу.

– А почему это должно меня раздражать?

– Ну, вы же человек, и вы верите в свою миссию – так я полагаю.

Ллевеллин слегка улыбнулся.

– Что ж, ваше предположение верно.

Уайлдинг некоторое время помолчал, а потом сказал с обезоруживающей искренностью:

– Знаете, это просто необыкновенно, что мы так вот встретились. После вашего собрания мне очень захотелось с вами познакомиться.

– Но ведь это было нетрудно сделать?

– В известном смысле да. Это входило в ваши обязанности! Но мне хотелось встретиться с вами совсем в другой обстановке – так чтобы вы могли послать меня к дьяволу, если бы пожелали.

Ллевеллин опять улыбнулся.

– Ну, теперь как раз такие условия. Я больше не имею никаких

обязательств.

Уайлдинг пронизательно посмотрел на него.

– Интересно, это по причине здоровья или мировоззрения?

– Я бы сказал, это вопрос предназначения.

– Гм... не слишком ясно.

Собеседник не отвечал.

Уайлдинг стал собирать рисовальные принадлежности.

– Давайте объясню, как я попал к вам в Олимпию.

Поскольку я думаю, что вы не обидитесь на правду, ведь я не хочу вас обидеть. Я очень не любил – и сейчас не люблю – все эти собрания в Олимпии. Сказать вам не могу, как я не люблю массовые религиозные действия, управляемые через громкоговоритель. Это оскорбляет все мои чувства.

Он заметил, что Ллевеллин подавил усмешку.

– Вам кажется, что это смешно и слишком по-британски?

– О, я принимаю это как возможную точку зрения.

– Итак, я пошел посмеяться, как я уже сказал. Я подозревал, что буду оскорблен в лучших чувствах.

– А потом вы благословили это событие?

Вопрос был задан скорее в шутку, чем всерьез.

– Нет. Мои главные позиции не изменились. Мне не нравится, что Бога водрузили на коммерческий пьедестал.

– Даже коммерчески мыслящие люди в коммерческий век? Разве мы все приносим Богу плоды соответственно сезону?^[7]

– Да, это так. Но меня поразило то, чего я совсем не ожидал, – ваша несомненная искренность.

Ллевеллин изумился.

– По-моему, это само собой разумеется.

– Теперь, когда я вас встретил, – да. Но ведь это могла быть и профессия, и только – уютная, хорошо оплачиваемая. У кого-то профессия политика, почему же не сделать своим ремеслом религию? У вас есть ораторские способности, безусловно есть, и вы могли бы добиться успеха, если бы сумели хорошо себя преподнести. Или если бы вас преподнесли. Я полагаю, второе?

Это был даже не вопрос. Ллевеллин серьезно согласился:

– Да, меня вывели на широкую дорогу.

– Денег не жалели?

– Не жалели.

– Это, знаете ли, меня интригует. После того как я видел вас и слышал.

Как вы могли с этим примириться?

Он перекинул ремень складного мольберта через плечо.

– Не зайдете ли как-нибудь ко мне на ужин? Мне будет очень интересно с вами поговорить. Мой дом вон там.

Белая вилла с зелеными ставнями. Но если не хотите, так и скажите, не ищите причин для отказа.

Ллевеллин подумал и ответил:

– Я охотно зайду к вам.

– Отлично. Сегодня?

– Спасибо.

– В девять. Не передумайте!

И он зашагал вниз. Ллевеллин некоторое время смотрел ему вслед, потом продолжил свою прогулку.

* * *

– Так вам на виллу синьора сэра Уайлдинга?

Возница двухместной коляски-развалюхи проявил живой интерес. Его ветхий экипаж был весело расписан цветочками, а на шее лошади висели синие бусы. И лошадь, и коляска, и кучер были жизнерадостны и приветливы.

– Синьор сэр Уайлдинг очень симпатичный. Он здесь не чужой. Он один из нас. Дон Эстебаль, которому принадлежала вилла, был очень старый. Давал себя обманывать, целыми днями читал книги, и ему все время приходили новые книги. На вилле есть комнаты, уставленные книгами до потолка. Когда он умер, мы все думали – может, виллу продадут? Но приехал сэр Уайлдинг. Он бывал здесь мальчиком часто, потому что сестра дона Эстебаля была замужем за англичанином, и ее дети и дети ее детей всегда приезжали сюда на каникулы. Но после смерти дона Эстебаля имение перешло к сэру Уайлдингу, он переехал сюда жить, стал приводить все в порядок, потратил кучу денег. А потом началась война, и он уехал на много лет, но он говорил, что если его не убьют, то он вернется сюда – так и вышло. Два года назад приехал с новой женой и стал здесь жить.

– Так он женился дважды?

– Да. – Возница заговорщически понизил голос. – Его первая жена была плохая женщина. Красивая, да, но все время обманывала его с другими мужчинами – даже здесь на острове. Ему не следовало на ней

жениться. Но во всем, что касается женщин, он неумный человек – слишком верит им.

И добавил, как бы извиняясь:

– Мужчина должен понимать, кому доверять, а сэр Уайлдинг не понимает. Ничего не знает о женщинах. Думаю, так и не узнает.

Глава 4

Хозяин виллы принимал Ллевеллина в низкой, узкой комнате, до потолка набитой книгами. Окна были открыты настежь, и откуда-то снизу доносилось нежное рокотание моря. Их бокалы стояли на столике возле окна.

Уайлдинг с радостью приветствовал его и извинился за отсутствие жены.

– Она мучается мигренями. Я надеялся, что здешняя мирная и тихая жизнь приведет к улучшению, но что-то не заметно. И врачи, кажется, не знают причины.

Ллевеллин выразил вежливое сочувствие.

– Она перенесла много горя, – сказал Уайлдинг. – Больше, чем может вынести девушка, а она была очень молода – да и сейчас тоже.

Видя выражение его лица, Ллевеллин мягко сказал:

– Вы ее очень любите.

Уайлдинг вздохнул.

– Слишком люблю – для моего счастья.

– А для ее?

– Никакая на свете любовь не возместит страданий, доставшихся на ее долю.

Он говорил горячо. Между ними уже установилась странная близость – в сущности, с первого момента знакомства. Несмотря на то, что у них не было ничего общего: национальность, воспитание, образ жизни, вера – все было различно, – они приняли друг друга без обычной сдержанности и соблюдения условностей. Как будто вдвоем выжили на необитаемом острове, а потом были долго разлучены. Они разговаривали легко и искренне, с детской простотой.

Потом пошли за стол. Ужин был превосходный, отлично сервированный, хотя непритязательный. От вина Ллевеллин отказался.

– Может, виски?

– Нет, спасибо, просто воду.

– У вас, простите, это принцип?

– Нет. Образ жизни, которому я больше не обязан следовать. Сейчас нет причин, по которым я не должен пить вино, просто я его не пью.

Поскольку гость произнес слово «сейчас» с ударением, Уайлдинг вскинул на него глаза. Заинтригованный, он открыл было рот, чтобы

спросить, но сдержал себя и заговорил о посторонних вещах. Он был хорошим рассказчиком, с широким кругом тем. Он не только много путешествовал, бывал в разных частях земного шара, но имел дар все, что видел и испытал, живо представить слушателю.

Если вы хотели побывать в пустыне Гоби, или в Феззани, или в Самарканде, – поговорив с Ричардом Уайлдингом, вы как бы уже побывали там.

Его речь не была похожа на лекцию, он говорил естественно и непринужденно.

Ллевеллин получал удовольствие от беседы с ним, его все больше интересовал Уайлдинг сам по себе. Его магнетическое обаяние было несомненным, хотя и неосознанными, Уайлдинг не старался излучать обаяние, это получалось само собой. Он был человек больших способностей, проникательный, образованный, без надменности, он живо интересовался людьми и идеями, как раньше интересовался новыми местами. Если он и избрал себе область особого интереса... это был его секрет, он ничему не отдавал предпочтения и потому всегда оставался человечным, теплым, доступным.

Однако у Ллевеллина не было ответа на простейший, прямо-таки детский вопрос: «Почему мне так нравится этот человек?»

Дело было не в талантах, а в самом Уайлдинге.

Ллевеллину вдруг показалось, что он нашел разгадку.

Потому что этот человек, несмотря на все свои таланты, снова и снова совершает ошибки и, будучи по натуре человеком добрым и мягким, постоянно натывается на неприятности, принимая не правильные решения.

У него не было ясной, холодной и логичной оценки людей и событий; вместо этого была горячая вера в людей, а это губительно, потому что основана на доброте, а не на фактах. Да, этот человек вечно ошибается, но он чудесный человек. Ллевеллин подумал: вот кого я ни за что на свете не хотел бы обидеть.

Они опять развалились в креслах в библиотеке. Горел камин – скорее для видимости. Рокотало море, доносился запах ночных цветов.

Уайлдинг откровенно сообщил:

– Я всегда интересовался людьми. Чем они живут. Это звучит хладнокровно и аналитично?

– Только не в ваших устах. Вы интересуетесь людьми, потому что любите их.

– Да. Если можешь чем-то помочь человеку, это следует делать. Самое достойное занятие.

– Если можешь, – повторил Ллевеллин.
Уайлдинг глянул на него недоверчиво.
– Ваш скепсис кажется очень странным.
– Это лишь признание огромных трудностей на этом пути.
– Неужели это так трудно? Человеку всегда хочется, чтобы ему помогли.

– О да, мы склонны верить, что каким-то загадочным образом другие могут добыть для нас то, чего сами мы не можем – или не хотим добыть для себя.

– Сочувствие – и вера, – серьезно сказал Уайлдинг. – Верить в лучшее в человеке – значит вызвать это лучшее к жизни. Люди отзываются на веру в них. Я в этом неоднократно убеждался.

– И по-прежнему убеждены?

Уайлдинг вздрогнул, будто задела его больное место.

– Вы можете водить рукой ребенка по листу бумаги, но, когда вы отпустите руку, ребенку все равно придется учиться писать самому. Ваши усилия могут только задержать развитие.

– Вы пытаетесь разрушить мою веру в человека?

Ллевеллин с улыбкой ответил:

– Я прошу вас иметь жалость к человеческой натуре.

– Побуждать людей проявлять лучшие...

– Значит заставлять их жить по очень высоким стандартам, стараться жить сообразно вашим ожиданиям, значит быть в постоянном напряжении. А излишнее напряжение приводит к коллапсу'.

– Так что же, рассчитывать на худшее в людях? – язвительно спросил Уайлдинг.

– Приходится признать такую возможность.

– И это говорит служитель религии!

Ллевеллин улыбнулся.

– Христос сказал Петру, что тот предаст его трижды, прежде чем прокричит петух. Он знал слабость Петра лучше, чем знал это сам Петр, но любил его от этого не меньше.

– Нет, – с силой возразил Уайлдинг. – Не могу с вами согласиться. В моем первом браке, – он запнулся, но продолжал, – моя жена – она была прекрасная женщина. Она попала в неудачные обстоятельства; все, что ей было нужно, – это любовь, доверие, вера. Если бы не война... Что ж, это одна из маленьких трагедий войны. Меня не было, она была одна, попала под дурное влияние.

Он помолчал и отрывисто добавил:

– Я ее не виню. Я допускаю: она жертва обстоятельств.

Но в то время я был сражен. Я думал, что никогда не оправлюсь. Но время лечит...

Он сделал жест.

– Не знаю, зачем я вам рассказываю историю своей жизни. Лучше послушаю вашу. Вы для меня нечто абсолютно новое. Хочу знать все ваши «как» и «почему». На том собрании вы произвели на меня сильное впечатление.

Не потому, что вы повелевали аудиторией – это и Гитлер умел. Ллойд Джордж умел. Политики, религиозные лидеры, актеры – все могут это в большей или меньшей степени. Это дар. Нет, меня интересовал не производимый вами эффект, а вы сами. Почему это дело казалось вам стоящим?

Ллевеллин медленно покачал головой.

– Вы спрашиваете то, чего я сам не знаю.

– Конечно, тут сильная религиозная убежденность. – Уайлдинг говорил с некоторым смущением, и это позабавило Ллевеллина.

– Вы хотели сказать – вера в Бога? Так проще. Но это не ответ на ваш вопрос. Молиться Богу можно, опустившись на колени, в тихой комнате. Зачем публичная трибуна?

Уайлдинг нерешительно сказал:

– Видимо, вам казалось, что таким путем вы принесете больше добра, убедите большее число людей.

Ллевеллин в задумчивости смотрел на него.

– Из того, как вы это говорите, я заключаю, что вы неверующий?

– Не знаю, просто не знаю. В некотором роде верю.

Хочу верить... Я безусловно верю в положительные качества людей: доброту, помощь падшим, честность, способность прощать.

Ллевеллин помолчал.

– Добродетельная Жизнь. Добродетельный Человек.

Да, это легче, чем прийти к признанию Бога. Признать Бога – это трудно и страшно. Но еще страшнее выдержать признание Богом тебя.

– Страшнее?

Ллевеллин неожиданно улыбнулся.

– Это напугало Иова.^[8] Он, бедняга, понятия не имел, что его ждет. В мире закона и порядка, поощрений и наказаний, распределяемых Всевышним в зависимости от заслуг, он был выделен. (Почему? Этого мы не знаем.

Было ли ему нечто дано авансом? Некая врожденная сила

восприятия?) Во всяком случае, другие продолжали получать поощрения и наказания, а Иов вступил в то, что казалось ему новым измерением. После достопохвальной жизни его не вознаградили стадами овец и верблюдов – наоборот, ему пришлось претерпеть неопишуемые страдания, потерять веру и увидеть, как от него отвернулись друзья. Он должен был выдержать ураган. И вот, избранный для страданий, он смог услышать глас Божий. Ради чего все это? Ради того, чтобы он признал, что Бог есть. «Будь спокоен и знай, что я Бог». Ужасающее переживание. Этот человек достиг высшего пика. Но продолжаться долго это не могло. Конечно, трудно было об этом рассказывать, потому что нет нужных слов и невозможно духовное событие выразить в земных понятиях. И тот, кто дописал Книгу Иова до конца, так и не сумел понять, про что она; но он сочинил счастливый и высоконравственный конец, согласно обычаю того времени, и это было очень разумно с его стороны.

Ллевеллин помолчал.

– Так что, когда вы говорите, что я избрал трибуну, потому что мог сделать больше добра и обратить большее число людей, вы страшно далеки от правды. Обращение людей не измеряется количественно, а «делать добро» выражение, не имеющее смысла. Что значит делать добро? Сжигать людей на кострах, дабы спасти их души? Возможно. Сжигать ведьм живьем как олицетворение зла? Для этого еще больше оснований. Поднимать уровень жизни обездоленных? Сейчас мы считаем, что важно это. Бороться против жестокости и несправедливости?

– С этим-то вы согласны?

– Я веду к тому, что ее это – проблемы человеческого поведения. Что хорошо? Что плохо? Что правильно? Мы люди, и мы должны иметь ответы на эти вопросы ради лучшей жизни в этом мире. Но все это не имеет ни малейшего отношения к духовному опыту.

– А-а, начинаю понимать, – сказал Уайлдинг. – По-моему, вы сами обрели некий духовный опыт. Что это было? Как? Вы еще с детства знали?..

Он не закончил фразу. Медленно сказал:

– Или вы понятия не имели?

– Я понятия не имел, – сказал Ллевеллин.

Глава 5

Понятия не имел... Вопрос Уайлдинга увел Ллевеллина в далекое прошлое.

Вот он еще ребенок...

Особый аромат чистого горного воздуха щекочет ноздри.

Холодная зима, жаркое засушливое лето. Маленькая, тесно сплоченная коммуна. Отец – шотландец, худой, суровый, почти угрюмый человек. Богобоязненный, честный и умный, несмотря на простоту жизни и призвания, он был справедлив и непреклонен, и несмотря на глубину чувств, никогда их не проявлял. Мать его была из Уэльса, черноволосая, с таким певучим голосом, что в ее устах любая речь звучала музыкой... Иногда вечерами она читала валлийские^[9] стихи, которые написал ее отец к конкурсу бардов.^[10] Дети не очень понимали язык, содержание оставалось туманным, но музыка стиха волновала Ллевеллина, будила смутные мечты. Мать обладала интуитивным знанием – не разумным, как у отца, а природной, врожденной мудростью.

Она обводила глазами своих детей, задерживала взгляд на Ллевеллине, первенце, и в них он видел и похвалу, и сомнение, и что-то похожее на страх.

Мальчика тревожил ее взгляд. Он спрашивал: «Что такое, мама? Я что-то не так сделал?» На что она с доброй улыбкой отвечала:

– Ничего, детка. Ты у меня хороший сын.

А Ангус Нокс резко оборачивался и смотрел сначала на жену, потом на сына.

Это было счастливое детство, нормальная мальчишеская жизнь – не роскошная, даже скорее спартанская: строгие родители, дисциплина, много домашней работы, ответственность за четверых младших детей, участие в жизни общины. Благочестивая, но ограниченная жизнь. И он ее принимал.

Но он хотел учиться, и отец поддержал его. Отец имел чисто шотландское почтение к образованию и хотел, чтобы его старший сын стал большим, чем простой землепашец.

– Ллевеллин, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе, но многого не смогу. Тебе придется рассчитывать в основном на себя.

Так он и поступил. Он закончил колледж – на каникулах подрабатывал официантом в отеле, по вечерам мыл посуду.

Он обсуждал с отцом свое будущее. Учитель или врач?

Определенного призвания у него не было. Обе профессии были ему близки. Наконец он остановился на медицине.

Неужели за все эти годы он не получал намека на посвящение, на особую миссию? Он пытался вспомнить.

Что-то было... да, оглядываясь назад с сегодняшних позиций, он понимал, что это было – нечто в то время непонятное. Похожее на страх – за обычным фасадом повседневной жизни таился непонятный страх. Особенно он ощущал его, когда оставался один, и поэтому он с готовностью включился в жизнь коммуны.

Примерно в это время он стал замечать Кэрол.

Он знал Кэрол всю жизнь. Она была на два года младше его, неуклюжая ласковая девочка, со скобкой на зубах и стеснительными манерами. Их родители дружили, и Кэрол проводила много времени в доме Ноксов.

В последний год обучения Ллевеллин приехал домой и увидел Кэрол другими глазами. Исчезли скобка и неуклюжесть, она стала хорошенькой кокетливой девушкой, которой все парни стремились назначить свидание.

До сих пор в жизни Ллевеллина не было девушек. Он упорно трудился и был эмоционально неразвит. Но тут в нем пробудилось мужское начало. Он стал заботиться о своем внешнем виде. Тратил свои скудные деньги на галстуки, покупал Кэрол коробки конфет. Мать улыбалась и вздыхала, видя, что сын вступил в пору зрелости. Пришло время, когда его заберет другая женщина. О женитьбе думать пока рано, но, когда придет время, Кэрол будет удачным выбором. Хорошо сложенная, воспитанная девица, с мягким характером, здоровая – лучше, чем неведомые городские девушки. «Все же она недостаточно хороша для моего сына», – подумала мать и тут же улыбнулась, решив, что так говорят все матери с незапамятных времен. Она нерешительно заговорила об этом с Ангусом.

– Рано еще, – сказал Ангус, – Парню еще надо пробиться. Но могло быть и хуже. Она девка неплохая, хотя пожалуй, не семи пядей во лбу Кэрол была нарасхват. Она ходила на свидания, но ясно давала понять, что на первом месте у нее Ллевеллин. Иногда она серьезно заговаривала с ним о будущем. Ей не нравилось, хоть она этого не показывала, какая-то неопределенность его намерений и отсутствие у него честолюбивых стремлений.

– Но у тебя будут более определенные планы, когда ты получишь диплом?

– О! Работу я получу, возможностей масса.

– Но ты в чем-нибудь будешь специализироваться?

– Так делают те, у кого есть к чему-то явная склонность. У меня нет.

– Ллевеллин Нокс, но ты же хочешь чего-то достичь?

– Достичь чего? – Он ее поддразнивал.

– Ну... чего-нибудь.

– Смотри, Кэрол, это жизнь. От сих до сих. – Он начертил на песке линию. – Рождение, раннее детство, школа, карьера, женитьба, дети, дом, упорная работа, отставка, старость, смерть. От одной метки к другой.

– Я не об этом, и ты это прекрасно знаешь. Я о том, чтобы ты сделал себе имя, добился успеха, поднялся наверх, чтобы все тобой гордились.

– Ну, не знаю, какое это имеет значение, – равнодушно сказал он.

– Я говорю, имеет значение!

– По-моему, важно то, как ты идешь по жизни, а не куда придешь.

– Никогда не слышала подобной ерунды. Ты что, не хочешь добиться успеха?

– Не знаю. Наверное, не хочу.

Неожиданно Кэрол как будто отдалась от него, он был один, совсем один, и его охватил страх. Он задрожал. «Не я... кто-нибудь другой». Он чуть не произнес это вслух.

– Ллевеллин! – Голос Кэрол пробился к нему издалека. – Что с тобой? У тебя такой странный вид!

Он вернулся, он снова был с Кэрол, и она смотрела на него удивленно, со страхом. Его охватил прилив нежности – она его спасла, вытащила из нахлынувшего одиночества. Он взял ее за руку.

– Какая ты милая. – Он привлек ее к себе и застенчиво поцеловал. Ее губы ему отвечали.

Он подумал: «Вот сейчас можно сказать... что я люблю ее, что, когда получу диплом, мы можем обручиться. Попрошу ее подождать. В Кэрол мое спасение».

Но слова остались невысказанными. Он почти физически ощутил, как некая рука сдавливает его грудь, отталкивает, запрещает. Реальность ощущения встревожила Ллевеллина. Он встал.

– Кэрол, настанет день, и я тебе скажу...

Она подняла на него глаза и, довольная, рассмеялась.

Она не торопила его. Лучше пусть все остается как есть. Ей очень нравится ее нынешняя счастливая жизнь, невинный девический триумф и множество поклонников. Будет время, и они с Ллевеллином поженятся. За его поцелуем она чувствовала страсть – она была в нем уверена.

Что же до того, что у него нет честолюбивых стремлений, – это не беда. Женщины этой страны уверены в своей власти над мужчинами.

Женщины планируют и побуждают мужчин к активности – женщины и дети, их главное оружие. Они с Ллевеллином захотят обеспечить детям все лучшее – это и будет для него стимулом.

А Ллевеллин шел домой в глубоком замешательстве.

Какое странное чувство он испытал! Напичканный лекциями по психологии, он стал опасливо анализировать себя.

Соппротивление сексу? Откуда оно? За ужином он глядел на мать и гадал может, у него эдипов комплекс?^[11]

Тем не менее перед отъездом в колледж он обратился к ней за поддержкой. Он отрывисто спросил:

– Тебе нравится Кэрол?

Вот оно, с болью подумала мать, но ответила сразу же:

– Она милая девушка; Нам с отцом она очень нравится.

– Я хотел ей сказать... на днях...

– Что ты ее любишь?

– Да. Я хотел попросить ее, чтобы она меня ждала.

– Нет нужды говорить это, если она любит тебя, детка.

– Но я не смог сказать, не нашел слов.

Она улыбнулась.

– Пусть тебя это не беспокоит. В таких случаях у мужчин всегда язык отнимается. Твой отец сидел и тарачился на меня день за днем с таким выражением, будто ненавидел меня, и все, что мог выговорить, это «Как дела?» и «Хороший денек».

Ллевеллин хмуро сказал:

– Было не совсем так. Будто какая-то рука оттолкнула меня. Будто мне это запрещено.

Она все поняла. Она медленно проговорила:

– Может быть, она не та, что тебе нужна. О... – Она проигнорировала его возражение. – Трудно решить, когда ты молод и кровь играет. Но у тебя внутри есть что-то такое – может быть, истинная твоя сущность, – которая знает, чего тебе не следует делать, и оберегает тебя от тебя самого.

– Что-то внутри...

Он смотрел на нее с отчаянием.

– Я ничего не знаю о самом себе.

* * *

Он вернулся в колледж. Дни его были заполнены работой или

общением с друзьями, и страхи отошли. Он снова стал уверен в себе. Он прочел глубокомысленные труды о проявлениях юношеской сексуальности и успешно объяснил себе все про себя.

Колледж он закончил с отличием, и это тоже утверждало его в собственных глазах. И вернулся домой, уверенный в будущем. Он предложит Кэрол выйти за него замуж, обсудит с ней открывающиеся перед ним возможности. Он чувствовал невероятное облегчение оттого, что жизнь расстилается перед ним в ясной последовательности. Интересная работа, которую он сможет делать хорошо, и любимая девушка, с которой у него будет семья и дети.

Появившись дома, он окунулся во все местные развлечения. Они бродили в толпе, но в любой толпе он и Кэрол воспринимались как пара. Он редко бывал один, а когда ложился спать, ему снилась Кэрол. Сны были эротические, и он этому радовался. Все шло нормально, все было прекрасно, все – так, как должно быть.

Уверившись в этом, он встрепенулся, когда отец как-то спросил его:

- Что стряслось, парень?
- Стряслось? – Он уставился на отца.
- Ты сам не свой.
- Да ты что! Я себя отлично чувствую.
- Физически – возможно.

Ллевеллин посмотрел на отца. Сухопарый, отчужденный старик, с глубоко посаженными горящими глазами, медленно покачал головой.

– Временами мужчина должен побыть один.

Больше он ничего не сказал, повернулся и ушел, а Ллевеллина опять охватил необъяснимый страх. Он не хотел быть один. Он не может, не должен быть один.

Три дня спустя он подошел к отцу и сказал:

– Я поживу в горах. Один.

Ангус кивнул: «Да».

Эти горящие глаза – мистика – с пониманием смотрели на сына.

Ллевеллин подумал: «Что-то я унаследовал от него, о чем он знает, а я еще нет».

* * *

Почти три недели он провел в пустынной местности, один. С ним происходили любопытные вещи. Однако с самого начала он нашел

состояние одиночества вполне приемлемым. Даже удивился, почему он долго противился этой идее.

Во-первых, он много думал о себе, своем будущем, о Кэрол. Эти темы были увязаны между собой, но ему не понадобилось много времени, чтобы осознать, что он смотрит на свою жизнь со стороны, как наблюдатель, а не как участник. Потому что его хорошо спланированное будущее не было реальным. Оно было логичным, последовательным, но оно не существовало. Он любит Кэрол, желает ее, но он на ней не женится. У него есть другое дело, пока неведомое. После осознания этой истины наступила новая фаза – ее можно было бы описать словом «пустота», великая, гулкая пустота.

Он был ничто. В нем была пустота. Страх не было. Впустив в себя пустоту, он избавился от страха.

На этой фазе он почти ничего не ел и не пил. Временами ему казалось, что он теряет рассудок.

Перед ним, как мираж, возникали люди и сцены.

Пару раз он отчетливо видел одно лицо. Это было лицо женщины, она обернулась к нему в страшном возбуждении.

Великолепные, изящные черты, впалые виски и крылья темных волос, и глубокие, почти трагические глаза. Однажды он увидел ее на фоне пламени, другой раз сзади виднелись туманные очертания церкви. Он с удивлением увидел, что на этот раз она была еще ребенком. Он понимал, что она страдает. Он думал: «Если бы я мог ей помочь...» – при этом зная, что помощь невозможна, что сама эта мысль лжива, ошибочна.

Другим видением оказался стол в офисе – гигантский стол светлого полированного дерева, а за столом мужчина с тяжелой нижней челюстью и маленькими неподвижными голубыми глазами. Человек подался вперед, как будто собрался заговорить, подчеркивая свои слова линейкой, которой он размахивал в воздухе. Потом он увидел угол комнаты в необычном ракурсе, там было окно, а за окном сосны, покрытые снегом. Между ним и окном было круглое, розовое лицо мужчины в очках, он смотрел на него сверху вниз, но когда Ллевеллин попытался получше его разглядеть, картина растаяла.

Ллевеллин думал, что эти видения – плод его фантазии. В них не было ни смысла, ни значения – только лица и обстановка, которой он никогда не видел.

Но вскоре видения исчезли. Пустота перестала быть обширной и всепоглощающей. Она съежилась и приобрела значение и смысл. Он больше не дрейфовал по ее волнам.

Он впустил ее в себя.

Теперь он узнал нечто большее. И стал ждать.

* * *

Пыльная буря налетела внезапно – такие бури возникают в этих местах без предупреждения. Она вихрилась, свивалась в столбы красной пыли, казалась живым существом. И закончилась так же внезапно, как началась.

После нее особенно ощутимой казалась тишина. Все имущество Ллевеллина унес ветер, внизу в долине, хлопая и вертясь как сумасшедшая, носилась его палатка. Теперь у него ничего не было. Он был совершенно один в мире, ставшем вдруг покойным и новым.

Он почувствовал: то, чего он ждал, вот-вот совершится. Снова возник страх, но не прежний страх, порожденный сопротивлением неведомому. На этот раз, храня в своей душе успокоительную пустоту, он был готов принять то, что будет ему явлено. Боялся лишь потому, что теперь познал, сколь мала и незначительна его сущность.

Нелегко было объяснить Уайлдингу, что же случилось дальше.

– Видите ли, для этого нет слов. Но я отчетливо знаю, что это было. Это было признание Бога. Я бы сравнил это с тем, как слепой знал о солнце со слов зрячих, мог чувствовать его тепло руками, но однажды прозрел и увидел его.

Я всегда верил в Бога, но теперь я знал. Это было прямое личное знание, не поддающееся объяснению. Для человека – ужасающий опыт. Теперь я понимал, почему, приближаясь к человеку, Бог вынужден облечься в человеческую плоть.

Это продолжалось несколько секунд, потом я повернулся и пошел домой. Шел два-три дня, ввалился ослабевший и изможденный.

Он помолчал.

– Мать ужасно разволновалась, не могла понять, в чем дело! Отец, по моему, о чем-то догадывался – по крайней мере, понял, что я получил некий духовный опыт. Я сказал матери, что мне были видения, которые я не могу объяснить, и она сказала: «В роду твоего отца были ясновидящие. Его бабка и сестра».

– После нескольких дней отдыха и усиленной кормежки я окреп. Когда другие заговаривали о моем будущем, я помалкивал. Я знал, что все образуется само собой. Я только должен буду принять его – но, что

принять, я пока не знал.

Через неделю по соседству проходило большое молитвенное собрание. Мать хотела пойти, отец тоже шел, хотя и не слишком интересовался. Я пошел с ними.

Глядя на Уайлдинга, Ллевеллин улыбнулся.

– Вам бы это не понравилось – грубо, мелодраматично. Меня это не тронуло, я был разочарован. Люди по одному вставали и говорили о своих религиозных переживаниях. И тут я услышал приказ, явственно и безошибочно.

Я встал. Помню, ко мне обернулись лица.

Я не знал, что буду говорить. Я не думал, не рассуждал о своей вере. Слова были у меня в голове. Иногда они опережали меня, и мне приходилось говорить быстрее, чтобы не упустить их. Не могу передать, что это было. Если сказать, что пламя и мед, – вас это устроит? Пламя сжигало меня, но в нем была сладость подчинения – как мед.

Быть посланником Бога и ужасно, и сладостно.

– А потом?

Ллевеллин Нокс воздел руки.

– Опустошение, полное опустошение. Должно быть, я говорил около сорока пяти минут. Я пришел домой, сел к огню, не в силах шевельнуть рукой. Мать поняла. Она сказала: «Таким же был мой отец после конкурса бардов».

Она накормила меня горячим супом, согрела постель, положив в нее бутылки с горячей водой.

Уайлдинг пробурчал:

– Все необходимое дала вам наследственность. Мистика с шотландской стороны, поэтическая натура – из Уэльса, да и голос оттуда же. Убедительная картина творчества: страх, неуверенность, пустота, затем вдруг прилив сил, а после него слабость, опустошение.

Он помолчал, потом спросил:

– Не расскажете, что было дальше?

– Рассказать осталось немного. На следующий день я пошел к Кэрол. Я сказал ей, что не буду врачом, а стану проповедником. Сказал, что надеялся жениться на ней, но должен оставить эту надежду. Она не поняла. Она сказала: «Врач делает столько же добра, сколько священник».

Я сказал, что дело не в том. Мне приказано свыше, и я должен подчиниться. Она сказала – чепуха, что ты не можешь жениться, ты же не католический священник. А я сказал: «Все, что во мне есть, должно принадлежать Богу».

Она не понимала – да и как бы она могла понять, бедное дитя? В ее словаре и слов-то таких не было. Я пошел к матери, попросил ее быть доброй к Кэрл и умолял понять меня. Она сказала: «Я понимаю. У тебя не осталось ничего, что бы ты мог дать женщине», а потом в ней что-то сломалось, она заплакала и сказала: «Я знала, я всегда это знала, в тебе было что-то особенное, не как у других. Ах, как это тяжело для жен и матерей!»

Она сказала: «Если бы ты ушел к женщине, это был бы нормальный жизненный путь, я могла бы поддержать на руках твоих детей. Но таким путем ты уходишь навсегда».

Я уверял ее, что это не так, но мы оба знали, что, в сущности, так оно и есть. Человеческим связям... им суждено рваться.

Уайлдинг заерзал.

– Вы должны простить меня, но я не могу считать, что это жизненный путь. Любовь к человечеству, жалость к человечеству, служение человечеству...

– Я же не о жизненном пути говорю! Я говорю, что человек оказывается выделен – человек, который в чем-то превосходит собратьев, и в то же время он меньше их, и всегда об этом должно помнить: что он бесконечно меньше, чем они.

– Ну, я уже совсем перестал вас понимать.

Ллевеллин тихо проговорил скорее себе, чем собеседнику:

– Есть, конечно, опасность, – об этом забыть. Ко мне Бог был милостив, как я теперь понимаю. Я был во время спасен.

Глава 6

Последние слова слегка озадачили Уайлдинга. С оттенком смущения он сказал:

– Вы очень добры, что рассказали мне, что с вами было. Поверьте, с моей стороны это не было простым любопытством.

– Я знаю. Вы действительно интересуетесь каждым человеком.

– А вы необычный человек. Я читал в периодике сообщения о вашей карьере. Но меня интересовало не это.

Детали касаются всего лишь фактической стороны дела.

Ллевеллин кивнул. Он все еще был во власти воспоминаний. Он вспомнил тот день, как поднялся на лифте на тридцать пятый этаж. В приемной его встретила высокая элегантная блондинка, она передала его крепкому плечистому молодому человеку, и наконец он попал в святая святых – офис магната. Сверкающая поверхность обширного светлого стола, ему навстречу встает и протягивает руку мужчина – тяжелая челюсть, маленькие пронизывающие глазки – совсем как у того, привидевшегося в пустыне.

– ..рад познакомиться с вами, мистер Нокс. Как я понимаю, страна созрела для великого возвращения к Богу... вам надо помочь, подать себя как следует... был бы результат, мы не постоим за ценой... был на двух ваших собраниях... большое впечатление... они ловили каждое ваше слово... это было великолепно... великолепно!

Бог и Большой Бизнес. Совместимы ли они? Почему бы нет? Если деловая хватка – Божий дар человеку, почему бы не поставить ее на службу Богу?

Ллевеллин не колебался, потому что этот человек и комната – это было часть предначертанного ему плана, показанного в видении. Это был его путь. Была ли в том человеке искренность – простейшая искренность, которая может показаться забавной, как наивные фигуры старинной резьбы на купели? Или он просто увидел некоторую деловую перспективу? Осознал, что Бога можно использовать для получения прибыли?

Ллевеллин этого так и не узнал, но его это не волновало. Это часть предначертанного ему пути. Он проводник посланий, не больше, подчиненное лицо.

Пятнадцать лет... От небольших собраний на открытом воздухе до лекториев, больших залов, огромных стадионов.

Лица, кольшущаяся масса лиц, удаленные на расстоянии, встающие рядами. Ждущие, жаждущие...

А что он? Всегда одно и то же.

Холодность, отголоски страха, пустота, ожидание.

И вот доктор Нокс встает и... слова идут, спешат сквозь мозг, рвутся с губ. Не его слова – никогда это не были его слова. Но слава, экстаз от произнесения этих слов – это остается ему.

(Вот тут-то и таилась опасность. Странно, что он смог понять это только теперь.) И последствия: льстивость женщин, сердечность мужчин, чувство смертельной усталости, тошнота, – а тут радушие, поклонение, истерия.

И он сам, хотя и пытался сделать все, что мог, больше не посланник Божий, а несовершенное человеческое существо, гораздо меньшее, чем те, кто смотрел на него с глупым обожанием, – потому что дар покинул его. В нем не осталось ничего от человеческого достоинства. Слабое, больное создание, полное отчаяния, черного, опустошающего отчаяния.

«Бедный доктор Нокс, – говорили люди. – У него такой усталый вид. Усталый. Все более и более усталый...»

Физически он был сильным человеком, но не настолько сильным, чтобы выдержать пятнадцать лет подобной жизни. Тошнота, головокружение, сердцебиение, провалы в памяти, обмороки – все ясно: полный износ организма.

Итак, горный санаторий. Лежишь без движения, уставившись в окно, за которым темные ветви сосен разрезают полотно неба, и круглое розовое лицо склоняется над тобой, и серьезные совиные глаза за толстыми стеклами очков.

– Курс лечения будет длительным. Наберитесь терпения.

– Да, доктор.

– К счастью, у вас сильный организм, но вы беспощадно его эксплуатировали. Сердце, легкие – все органы так или иначе затронуты.

– Хотите подготовить меня к тому, что мне предстоит умереть?

Вопрос был задан с легким любопытством.

– Нет, конечно. Мы вас снова поставим на ноги. Как я уже сказал, лечение будет длительным, но вы выйдете отсюда здоровым. Только...

Доктор колебался.

– Только что?

– Вы должны понять, доктор Нокс. В будущем вам следует вести тихую, спокойную жизнь. Больше никаких публичных выступлений. Ваше сердце этого не выдержит.

Никаких трибун, никаких речей, никакого напряжения.
– Но после отдыха...
– Нет, доктор Нокс! Сколько бы вы ни отдыхали, мой приговор остается прежним.
– Понятно. – Он подумал. – Понятно. Израсходовался?
– Именно так.
– Израсходовался. Инструмент, который Бог использовал для своих целей. Хрупкий человеческий инструмент не выдержал. Изношен, отправлен в отставку, выброшен вон.
И что же теперь?
Вот в чем вопрос. Что дальше?
В конце концов, что ты такое, Ллевеллин Нокс?
Он должен это выяснить.

* * *

Голос Уайлдинга мягко вторгся в его думы.
– Имею ли я право спросить, каковы ваши планы на будущее?
– Нет у меня никаких планов.
– В самом деле? Возможно, вы надеетесь вернуться...
Ллевеллин прервал его с некоторой жесткостью в голосе:
– Назад пути нет.
– Какая-то иная форма деятельности?
– Нет. Полный разрыв. Так надо.
– Вам так сказано?
– Не в таких словах. Публичная жизнь исключается, это главное. Никаких выступлений. Значит, конец.
– Спокойное, тихое существование где-нибудь в глуши. Существование это не для вас, я понимаю. Но стать священником в какой-нибудь церкви?
– Я был вестником, сэра Ричард. Это совсем другое дело.
– Извините. Кажется, я понимаю. Вам предстоит начать совершенно новую жизнь.
– Да, частную жизнь. Как и положено человеку. Мужчине.
– Так что же вас смущает и тревожит?
– Не в том дело... Видите ли, за те недели, что я живу здесь, я ясно понял, что я избежал огромной опасности.
– Какой опасности?

– Человек не выдерживает испытания властью. Она разлагает его изнутри. Сколько еще я мог бы продержаться, пока в меня не заползла эта зараза. Я подозреваю, что она уже начала свое действие. В те моменты, когда я говорил перед огромными толпами людей, не начинал ли я думать, что это говорю я, что это я шлю им послания. Я знаю, что им следует и чего не следует делать. Я был уже не проводником посланий Бога, а представителем Бога. Понимаете? Человек, вознесенный над другими людьми.

Несколько успокоившись, он добавил:

– Господь в доброте своей спас меня от этого.

– И после всего, что случилось, ваша вера не уменьшилась?

Ллевеллин засмеялся.

– Вера? Мне это слово кажется странным. Разве мы верим в солнце, луну, стул, на котором сидим, землю, по которой ходим? Если есть знание, зачем еще вера? И выбросьте из головы мысль, что я пережил какую-то трагедию. Нет. Я шел заданным мне курсом – и сейчас иду.

Правильно было то, что я приехал сюда, на остров; правильно будет, что я уеду, когда придет время.

– Вы хотите сказать, что получите... как вы это называете – приказ?

– О нет, не столь определенно. Но понемногу определится дальнейший курс, и он будет не только желательный, но и неизбежный. Тогда я начну действовать. Мне все будет ясно – куда я должен ехать и что делать.

– Так просто?

– Да. Попробую это объяснить. Это вопрос гармонии. Неверный курс – я имею в виду не зло, а ошибку – его сразу чувствуешь, как будто споткнулся во время танца или взял фальшивую ноту. – Поддавшись воспоминанию, он сказал:

– Будь я женщиной, я бы сказал: как будто упустил петлю при вязании.

– Кстати о женщинах. Вы, видимо, вернетесь домой?

Отыщете свою раннюю любовь?

– Сентиментальный конец? Вряд ли. К тому же Кэрол давным-давно замужем, у нее трое детей и преуспевающий муж. Наши с Кэрол отношения никогда не были чем-то серьезным, просто гулял парень с девушкой, вот и все. – И в вашей жизни другой женщины не было за все эти годы?

– Слава Богу, нет. Если бы я встретил ее...

Он не закончил, оставив Уайлдинга в легком недоумении. Тот не мог знать, какая картина встала перед мысленным взором Ллевеллина: крылья темных волос, изящные височки, трагические глаза.

Ллевеллин знал, что настанет день и он встретит ее.

Она так же реальна, как тот стол в офисе и окно санатория. Она существует. Если бы он встретил ее во время своего проповеднического служения, ему пришлось бы от нее отказаться. Тогда бы от него этого потребовали. Смог ли бы он это выполнить? Он не был уверен. Его темная леди не Кэрол, не легкое весеннее увлечение юноши. Но теперь от него не требовали жертвы. Теперь он свободен.

И когда они встретятся... Он не сомневался, что встретятся. Когда, где, при каких обстоятельствах – неизвестно.

Указаниями ему служили только каменная купель в церкви да языки пламени. Однако у него было ощущение, что он подошел очень близко, что скоро это случится.

Внезапно распахнулась дверь между шкафами, и он вздрогнул. Уайлдинг обернулся и, удивленный поднялся с кресла.

– Дорогая, я не ожидал...

На ней не было ни испанской шали, ни глухого черного платья – что-то прозрачное, струящееся, лилово-розовое, она как будто принесла с собой старомодный запах лаванды. Увидав Ллевеллина, она остановилась и уставилась на него странным, ничего не выражающим взглядом.

– Дорогая, как твоя голова, лучше? Это доктор Нокс.

Знакомьтесь – моя жена.

Ллевеллин вышел вперед, пожал ее вялую руку и церемонно сказал:

– Рад познакомиться с вами, леди Уайлдинг.

В ее глазах появилась жизнь – чуть заметное облегчение. Она села в кресло, которое ей придвинул Уайлдинг, и заговорила в стремительном стаккато.

– Так вы доктор Нокс? Я про вас читала. Как странно, что вы приехали сюда, на остров. Зачем? То есть что вас заставило? Это необычно, правда, Ричард? – Она полуобернулась к нему и торопливо продолжала:

– Правда же, обычно люди тут подолгу не живут. Приплывают – и уплывают. Куда? Не знаю. Покупают фрукты, соломенные шляпы и дурацких кукол, потом возвращаются на корабль, и корабль уходит. Куда они уплыли? В Манчестер? В Ливерпуль? А может, в Чичестер, наденут там плетеную соломенную шляпу и пойдут в церковь. Смешно. Люди вообще смешные. Говорят: «Не знаю, я прихожу или ухожу?»

Моя няня так говорила. Но ведь это правда? Это жизнь.

Приходит человек или уходит? Я не знаю.

Она покачала головой и вдруг засмеялась. Ллевеллин видел, что она покачнулась, когда садилась; он подумал:

«Она вот-вот потеряет сознание. Интересно, муж знает?»

Но быстрый взгляд на Уайлдинга все ему объяснил.

Этот опытный путешественник ничего не понимал. Он наклонился к жене, и лицо его осветилось любовью и тревогой.

– Дорогая, у тебя температура. Тебе нельзя было вставать.

– Мне лучше: я наглоталась таблеток, они снимают боль, но дурманят.

Она тихонько засмеялась и откинула со лба светлые, почти белые волосы. –

Не хлопочи надо мной, Ричард. Дай лучше доктору Ноксу выпить.

– А тебе? Налить бренди? От него тебе станет лучше.

– Нет, мне лимонад.

Он подал ей стакан, и она с улыбкой поблагодарила.

– От пьянства ты не умрешь, – пошутил он.

Ее улыбка стала напряженной. Она сказала:

– Кто знает?

– Я знаю. Нокс, а вам чего? Виски? Безалкогольное?

– Бренди с содовой, если можно.

Она не сводила глаз с его стакана.

Вдруг она сказала:

– Мы могли бы уехать. Уедем, Ричард?

– С виллы? С острова?

– Ну да.

Уайлдинг налил себе виски и встал позади ее стула.

– Куда хочешь, дорогая. В любое время. Хоть сейчас.

Она вздохнула – долгий, глубокий вздох.

– Ты такой... такой добрый. Конечно, я не хочу уезжать. Да и разве ты можешь? Ты должен управлять имением. Наконец все уладилось!

– Это не имеет значения. На первом месте – ты.

– Я могла бы уехать одна. хотя бы ненадолго.

– Нет, мы поедem вместе. Я хочу, чтобы ты всегда чувствовала, что о тебе заботятся, что всегда есть кто-то рядом.

– Думаешь, мне нужен хранитель? – она неудержимо захохотала и так же внезапно умолкла, зажав рот рукой.

– Я хочу, чтобы ты чувствовала, что я всегда с тобой, – сказал Уайлдинг.

– О, я это чувствую... всегда.

– Поедем в Италию. А хочешь, в Англию. Может, ты тоскуешь по Англии?

– Нет, – сказала она. – Никуда мы не поедem. Останемся здесь. Все будет так же, куда бы мы ни уехали. Везде одно и то же.

Она с мрачным видом поглубже уселась в кресло, потом вдруг взглянула через плечо вверх на Уайлдинга, на его озадаченное, встревоженное лицо.

– Дорогой Ричард. Ты так замечательно ко мне относишься. Ты так терпелив.

Он нежно проговорил:

– Пока ты это понимаешь, для меня нет ничего важнее.

– Я знаю – о, я это знаю.

Он продолжал:

– Я надеялся, что здесь ты будешь счастлива, но теперь вижу, что тебе не удалось отвлечься.

– Здесь доктор Нокс, – напомнила она.

Она повернулась к гостю и одарила его внезапной веселой улыбкой. Он подумал: «Каким чудным созданием она могла бы быть... была».

Она продолжала:

– Что касается острова и виллы – это земной рай. Ты так однажды сказал, и так оно и есть. Земной рай.

– А-а!

– Но я не могу его принять. Доктор Нокс. – В голосе опять послышалось стаккато, – вы не считаете, что надо иметь очень сильный характер, чтобы вынести рай? Как у тех старых благословенных первых христиан, о которых поется в гимне, которые сидели рядом под деревьями с коронами на головах, – я всегда считала, что короны ужасно тяжелые, – и снимали свои золотые короны у моря. Наверное, Бог разрешал снимать короны, потому что они были очень тяжелые, их нельзя носить все время. Некоторым достается слишком много всего, правда? – Она встала и снова покачнулась. – Я, пожалуй, пойду лягу. Ты был прав, Ричард, у меня температура. Но короны ужасно тяжелые. Жизнь здесь похожа на сбывшийся сон, только я больше не хочу снов. Я должна быть в другом месте, не знаю где. Если бы...

Она рухнула, и Ллевеллин, ожидавший этого, подхватил ее и передал Уайлдингу.

– Ее лучше уложить в постель, – отчетливо произнес он.

– Да-да. А потом я вызову врача.

– Ей достаточно поспать, – сказал Ллевеллин.

Ричард Уайлдинг посмотрел на него с недоумением.

Ллевеллин сказал:

– Позвольте, я помогу.

Они вынесли девушку через ту же дверь, в которую она вошла, потом

по короткому коридору внесли в открытые двери спальни и бережно опустили ее на широкую резную кровать с дорогим парчовым пологом. Уайлдинг выглянул в коридор и позвал:

– Мария!

Ллевеллин, оглянувшись, прошел в ванную, заглянул в застекленный шкафчик и вернулся в спальню.

Уайлдинг нетерпеливо крикнул еще раз:

– Мария!

Ллевеллин двинулся к туалетному столику.

В это время вошла низенькая смуглая женщина, быстро прошла к кровати, наклонилась над потерявшей сознание девушкой и вскрикнула.

Уайлдинг отрывисто сказал:

– Посмотрите за ней. Я позвоню врачу.

– Не нужно, синьор. Я знаю, что делать. Назавтра она будет в порядке.

Уайлдинг неохотно вышел из комнаты.

Ллевеллин пошел за ним, но в дверях задержался и спросил у Марии:

– Где она это держит?

Женщина посмотрела на него и моргнула. Потом почти невольно взгляд ее переместился на стену позади него, Он оглянулся; там висела небольшая картина, пейзаж в стиле Коро.^[12] Ллевеллин снял ее с гвоздя под ней оказался старомодный стенной сейф, в котором женщины раньше хранили драгоценности, но от современных воров он защищать перестал. Ключ был в замке; Ллевеллин осторожно повернул его и заглянул внутрь. Кивнул и снова закрыл. Глаза его встретились с понимающими глазами Марии.

Он вышел из комнаты и пришел к Уайлдингу, который как раз вешал трубку.

– Врача нет, он отправился в тюрьму.

Старательно подбирая слова, Ллевеллин сказал:

– Мне кажется, Мария знает, что надо делать. Она уже не раз с этим справлялась.

– Да... Да, вы правы. Она очень предана моей жене.

– Я это заметил.

– Ее здесь все любят. Она вызывает любовь – любовь и желание защитить. Здешние люди остро чувствуют красоту, особенно когда красота страдает.

– И все-таки они на свой лад большие реалисты, чем англосаксы.

– Пожалуй.

– Они не прячутся от фактов.

– А мы?

– Очень часто. Какая прекрасная комната у вашей жены! Знаете, что меня в ней поражает? Что здесь нет запаха парфюмерии, как это водится у женщин. Только свежесть лаванды и одеколona.

Ричард Уайлдинг кивнул.

– Да, для меня запах лаванды связан с Ширли. А еще это возвращает меня во времена детства; так пахло в мамином шкафу с постельным бельем. Прекрасное белое полотно, и среди него разложены мешочки с лавандой, она шила их сама, набивала и клала в шкаф. Чистый свежий запах весны.

Он вздохнул, поднял глаза на гостя и увидел, что тот смотрит на него со странным выражением.

– Мне надо идти – сказал Ллевеллин и взял шляпу.

Глава 7

– Вы все еще ходите сюда?

Нокс задал этот вопрос после того, как отошел официант.

Леди Уайлдинг помолчала. Сегодня она не смотрела на гавань. Она смотрела в бокал, где блестела золотистая жидкость.

– Апельсиновый сок, – сказала она.

– Вижу. Жест?

– Да. Сделать жест тоже помогает.

– О, несомненно.

Она спросила:

– Вы сказали ему, что встречали меня здесь?

– Нет.

– Почему?

– Это причинило бы ему боль. Причинило бы боль вам. А кроме того, он меня не спрашивал.

– А если бы спросил, вы бы рассказали?

– Да.

– Почему?

– Потому что чем проще смотреть на вещи, тем лучше.

Она вздохнула.

– Интересно, как много вы поняли?

– Не знаю.

– Вы видите, что я не могу причинить ему боль? Вы видите, какой он хороший? Как верит в меня? Думает только обо мне?

– О да. Все вижу. Он хочет встать между вами и всеми вашими печальями, всем злом мира.

– Но это слишком.

– Да, это слишком.

– Раз во что-то угодил – и уже не можешь выбраться.

Притворяешься, день за днем притворяешься. Но потом устаешь, и хочется крикнуть: «Перестаньте меня любить, перестаньте заботиться обо мне, перестаньте тревожиться, оберегать, следить!» – Она стиснула руки. – Я хочу быть счастлива с Ричардом. Хочу! Почему же у меня не получается? Почему я изнемогаю от всего этого?

– «Напоите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви». [\[13\]](#)

- Да, именно так. Это обо мне. Это моя вина.
- Почему вы вышли за него замуж?
- О! – Глаза ее расширились. – Очень просто. Потому что влюбилась в него.
- Понятно.
- Это было какое-то ослепление. Вы же понимаете, у него обаяние, он сексуально привлекателен.
- Да, понимаю.
- Но он был и романтически привлекательным. Один старик, который знал меня всю жизнь, предупреждал: «Крути любовь с Ричардом, но не выходи за него замуж». Он оказался прав. Видите ли, я была очень несчастна, а тут появился Ричард. Сон наяву. Любовь, и Ричард, и лунный свет, и остров. Поможет и никому не причинит вреда. Но вот я получила этот сон, эту мечту но я не та, какой видела себя в мечтах. Я всего лишь та, которая намечтала это.
- Она посмотрела ему прямо в глаза.
- Смогу я стать такой, какой я видела себя в мечтах?
- Хотелось бы.
- Не сможете, если никогда такой не были в реальности.
- Я бы уехала, но куда? Прошлое ушло, в него не вернуться. Надо бы начать все сначала, но я не знаю как или где. И в любом случае я не могла бы причинить боль Ричарду. Он и так много страдал.
- Разве?
- Да, из-за той женщины, на которой был женат.
- Она была прирожденная шлюха. Красивая, веселая, но абсолютно безнравственная. Он этого не понимал.
- Он и не мог бы.
- Она его бросила, и он ужасно переживал. Он обвинял себя, считал, что обманул ее ожидания. Знаете, он ее не обвинял, он ее – жалел!
- В нем слишком много жалости.
- Разве может быть слишком много жалости?
- Да, и это мешает прямо смотреть на вещи. К тому же это оскорбляет.
- Что вы имеете в виду?
- Оскорбление, как в молитве фарисея: «Господи, благодарю Тебя, что я не такой, как этот человек». [\[14\]](#)
- А вы разве никого не жалели?
- Жалел, я же человек. Но я этого остерегаюсь.
- Но какой же в этом вред?
- Жалость может привести к действиям.

- Которые могут быть вредными?
- Результаты могут быть очень вредными.
- Для вас?
- Нет-нет, что вы. Для другого человека.
- Что же делать человеку, если ему жаль кого-то?
- Оставить все в Божьих руках.
- Это безжалостно... грубо.
- Зато не так опасно, как поддаться жалости.

Она наклонилась к нему.

- Скажите, вы меня нисколько не жалеете?
- Стараюсь не жалеть.
- Почему?
- Чтобы не возбудить в вас жалости к себе самой.
- Вы думаете, я себя жалею?
- А вы не жалеете?
- Нет, – медленно сказала она. – Нет, не жалею. У меня все запуталось,

и в этом виновата я сама.

- Обычно так и бывает, но в вашем случае это не обязательно так.

– Скажите... вот вы мудрый, вы проповедовали людям – что мне делать?

- Вы знаете.

Она посмотрела на него и вдруг засмеялась – весело и дерзко.

- Да. Я знаю. Очень хорошо знаю. Бороться.

Часть четвертая

Как это начиналось – 1956

Глава 1

Ллевеллин взглянул на дом, перед которым остановился.

Тот выглядел разбитым, как и улица, на которой стоял. В этой части Лондона царила разруха, принесенная войной. Впечатление было гнетущее. Ллевеллин приуныл.

Поручение, которое ему следовало исполнить, было не из легких. Он не уклонился, но понимал, что будет рад, когда наконец выполнит его – так хорошо, как только сможет. Он вздохнул, расправил плечи, поднялся по нескольким ступенькам и прошел сквозь вращающуюся дверь.

Внутри здания кипела деловая жизнь – но кипела четко и организованно. Из коридора доносились торопливые, но дисциплинированные шаги. Молодая женщина в темно-синей униформе остановилась возле него.

– Чем могу помочь?

– Я хочу видеть мисс Франклин.

– Извините, мисс Франклин не может сегодня никого принять. Я провожу вас в офис к секретарю.

Но он мягко настаивал:

– Это очень важно. Будьте добры, передайте ей это письмо.

Молодая женщина провела его в небольшую приемную и ушла. Через пять минут явилась подвижная приветливая толстушка.

– Я мисс Харрисон, секретарь мисс Франклин. Боюсь, вам придется подождать. Мисс Франклин занята с ребенком, который сейчас отходит от наркоза после операции.

Ллевеллин поблагодарил и стал расспрашивать. Она просияла и стала энергично рассказывать о Фонде Уорли для умственно неполноценных детей.

– Фонд старый, существует еще с восьмьсот сорокового года. Его основатель, Натаниэль Уорли, был мельник. – Так все неудачно – фонды сократились, инвестиции уменьшились... цены выросли... виновата администрация. Но с тех пор как мисс Франклин стала управляющей...

Она просветлела лицом и затараторила еще быстрее.

Мисс Франклин явно была солнцем на ее небосводе.

Мисс Франклин расчистила авгиевы конюшни, мисс Франклин реорганизовала то и это, мисс Франклин сражалась с властями и победила, и теперь, разумеется, мисс Франклин стала верховной правительницей, и

все к лучшему в этом лучшем из миров.

Ллевеллин удивлялся, почему похвалы одной женщины другой звучат всегда так жалко и грубо. Едва ли ему понравится восхваляемая мисс Франклин некая пчелиная матка: остальные женщины жужжат вокруг нее, а она растет и процветает благодаря своей власти.

Наконец его повели наверх, потом по коридору, и мисс Харрисон постучала в дверь и отступила, приглашая его войти в святая святых – личный офис мисс Франклин.

Она сидела за столом и выглядела хрупкой и страшно усталой. Она встала, пошла к нему навстречу, и он смотрел на нее в благоговейном изумлении.

Почти не дыша, он сказал:

– Это вы...

Она слегка нахмурилась, сдвинув брови, – он хорошо их знал. Это было то самое лицо – бледное, нежное, с большим печальным ртом, глубокими темными глазами, волосы разлетались от висков, как крылья. Трагическое лицо, думал он, хотя этот рот создан для того, чтобы смеяться, и нежность легко преобразует гордое строгое лицо.

Она мягко сказала:

– Доктор Ллевеллин? Зять писал мне, что вы приедете. Вы очень любезны.

– Боюсь, известие о смерти сестры было для вас шоком.

– О да. Она была так молода!

Голос дрогнул, но она держала себя в руках. Он подумал: «Дисциплинированна, сама себя дисциплинирует».

В ее одежде было что-то от монахини: на ней было черное платье с белым воротничком.

Она тихо сказала:

– Лучше бы я умерла, чем она. Но, наверное, все так говорят.

– Не всегда. Только когда очень любят или когда собственная жизнь становится непереносимой.

Раскрыв глаза, она смотрела на него. Спросила:

– Так вы в самом деле доктор Ллевеллин Нокс?

– Был. Я называю себя доктор Мюррей Ллевеллин.

Это спасает от бесконечных изъятий соблезнования.

Не приходится смущаться ни мне, ни людям.

– Я видела ваши фотографии в газетах, но я бы вас не узнала.

– Как и большинство людей. В новостях мелькают другие лица, да и я к тому же стал как-то меньше.

– Меньше?

– Не физически, конечно, а по значению.

Он переменял тему:

– Знаете, я привез некоторые личные вещи вашей сестры. Ваш зять полагает, что для вас это важно. Они у меня в гостинице. Может, поужинаете со мной? Или, если хотите, я привезу их сюда?

– Я буду рада их получить. Я хочу послушать все, что вы можете рассказать мне о Ширли. Я так давно ее не видела – три года. Я все еще не могу поверить, что она умерла.

– Я вас понимаю.

– Я хочу услышать о ней, но – не утешайте меня. Полагаю, вы верите в Бога. Ну а я нет! Извините, если вам это кажется грубым, но так вы лучше поймете, что я чувствую. Если Бог есть, то Он жесток и несправедлив!

– Потому что дал вашей сестре умереть?

– Не стоит спорить. Не говорите мне о религии, пожалуйста. Расскажите про Ширли. Я до сих пор не знаю, как произошел несчастный случай.

– Она переходила через улицу, ее сбил и переехал тяжелый грузовик. Она умерла мгновенно. Она не страдала.

– Ричард так и написал. Но я подумала – может, он Жалеет меня и старается смягчить удар. Это на него похоже.

– Да. Но я не такой. Можете считать правдой, что ваша сестра умерла сразу и не страдала.

– Как это случилось?

– Это было поздно вечером. Ваша сестра сидела в уличном кафе, обращенном к гавани. Она вышла, не глядя пошла через дорогу, а из-за угла вынырнул грузовик и сбил ее.

– Она была одна?

– Совершенно одна.

– Но где же был Ричард? Почему его не оказалось рядом? Это так странно. Я не думала, что Ричард позволит ей пойти одной в кафе на ночь глядя. Я считала, что он о ней очень заботится.

– Вы не должны его обвинять. Он ее обожал. Следил за ней сколько мог. На этот раз он не знал, что она вышла из дома.

Она смягчилась.

– Понятно. Я напрасно его осуждала. – Она стиснула руки. – Это так жестоко, так несправедливо, так бессмысленно. После всего, что Ширли перетерпела, – только три года счастья.

Он долго не отвечал, наблюдая за ней.

– Простите, вы очень любили сестру?

– Больше всего на свете.

– И все же за три года ни разу с ней не повидались.

Они приглашали вас, но вы к ним ни разу не ездили?

– Мне трудно оставить работу, найти замену себе.

– Возможно; но это можно было бы устроить. Почему вы не хотели поехать?

– Я хотела. Хотела!

– У вас были причины, чтобы не ехать?

– Я уже сказала вам: работа...

– Вы так сильно любите работу?

– Люблю? Нет. – Она удивилась. – Но это нужная работа. Эти дети относятся к категории, на которую раньше не обращали внимания. Я полагаю, что приношу пользу.

Она говорила с такой настойчивой серьезностью, что это показалось ему странным.

– Конечно, это полезное дело. Я нисколько не сомневаюсь.

– Здесь была полная разруха, я приложила много сил, чтобы поставить предприятие на ноги.

– Вы хороший руководитель, я это вижу. Вы – личность, вы умеете управлять людьми. Да, я уверен, что вы делаете нужное и полезное дело. Вас это развлекает?

– Развлекает? – Она уставилась на него.

– Это не иностранное слово. Работать может быть весело – если вы любите их.

– Кого?

– Детей.

Она медленно и печально сказала:

– Нет, я их не люблю – так, как вы говорите. Хотелось бы, но тогда...

– Тогда это будет радость, а не долг, так вы чувствуете? А вам нужен долг.

– Почему вы так считаете?

– Потому что это написано у вас на лице. Интересно, зачем это вам?

Он встал и беспокойно заходил по комнате.

– Что вы делали всю вашу жизнь? Это ужасно мешает, ужасно необычно знать вас так хорошо и не знать ничего.

Это... душераздирающее ощущение. Не знаю, как начать.

Его страдание было таким неподдельным, что она молча смотрела на него, выжидая.

– Я кажусь вам безумным. Вы не понимаете. С чего бы? Но я приехал в эту страну, чтобы увидеть вас.

– Привезти мне вещи Ширли?

Он нетерпеливо отмахнулся.

– Ну да, я думал, что это все. Выполнить то, на что у Ричарда не было сил. Но я и не догадывался, что это будете вы.

Он подался к ней всем телом через стол.

– Послушайте, Лаура, вам все равно пришлось бы узнать, так узнайте сейчас. Много лет назад, еще до того, как я приступил к своей миссии, мне были три видения.

В роду моего отца бывали и ясновидцы, видимо, это передалось и мне. Я увидел три сцены так же ясно, как теперь вижу вас. Я видел большой стол и за столом человека с тяжелой челюстью. Я видел окно с видом на заснеженные сосны и круглое розовое лицо с совиными глазами.

Со временем я встретил этих людей и участвовал в этих сценах. Человек за письменным столом оказался мультимиллионером, который финансировал мою миссионерскую поездку. Позднее я лежал в санатории и смотрел через окно на заснеженные сосны, а врач с круглым розовым лицом говорил, что моя жизнь и миссия закончена.

Третьей, кого я видел, были вы. Вы, Лаура, вы. Я узнал вас, как только увидел. Вы были моложе, чем сейчас, но с той же грустью в глазах, с таким же трагическим выражением на лице. Я не различил обстановку отчетливо, только на заднем плане неясные очертания церкви, а потом языки пламени.

– Пламя? – Она вздрогнула.

– Да. Вам пришлось пережить пожар?

– Однажды. Еще в детстве. Но церковь? Какая церковь – католическая, с Мадонной в голубом плаще?

– Ничего столь определенного не было. Ни красок, ни света. Холодно, все серое – да, и купель. Вы стояли возле купели.

Он увидел, как краски схлынули с ее лица. Она сжала виски.

– Это что-то означает для вас, Лаура? Что?

– «Ширли Маргарет Эвелин, во имя Отца и Сына и Святого Духа...» Голос ее прервался. – Крещение Ширли. Я представляла крестную мать. Я держала ее и хотела уронить на камни! Чтобы она умерла! Я хотела, чтобы она умерла. И вот... она умерла...

Она закрыла лицо руками.

– Лаура, дорогая, я понимаю – о, я понимаю. Но огонь? Он тоже что-то означает?

– Я молилась. Да, молилась. Поставила свечку за исполнение желания.

А знаете, какое у меня было желание?

Чтобы Ширли умерла. И вот...

– Стоп. Не надо повторять, Лаура. Огонь – что случилось?

– В ту же ночь я проснулась. Почувствовала дым. Дом горел. Я подумала, что это ответ на мою молитву. А потом я услышала, как плачет ребенок, и вдруг все переменялось. Единственное, чего я хотела, – это спасти ее. И я спасла. На ней не было ни единой царапины. Я положила ее на траву. И ушло все – ревность, желание быть первой, – все ушло, осталась только любовь, я ужасно любила ее. С тех пор любила всю жизнь.

– Дорогая, о, дорогая моя.

Он опять наклонился к ней через стол.

– Вы понимаете, что мой приезд...

Открылась дверь, вошла мисс Харрисон.

– Приехал специалист, мистер Брэгг. Он в палате А и спрашивает вас.

Лаура встала.

– Я сейчас приду. – Мисс Харрисон выскользнула, а Лаура торопливо сказала:

– Извините. Я должна идти.

Если вы сможете передать мне вещи Ширли...

– Я бы предпочел поужинать с вами в моем отеле. Это «Виндзор», возле станции Черинг-Кросс. Вы можете сегодня вечером?

– Боюсь, сегодня не смогу.

– Тогда завтра.

– Мне трудно выходить по вечерам...

– У вас не будет дежурства. Я справлялся.

– Но у меня другие дела... встреча...

– Нет. Вы просто боитесь.

– Ну хорошо, я боюсь.

– Меня?

– Да, полагаю, вас.

– Почему? Думаете, что я сумасшедший?

– Нет. Вы не сумасшедший.

– Но вы все-таки боитесь. Почему?

– Я хочу, чтобы меня оставили в покое. Я не хочу нарушать... свой образ жизни. О, я сама не знаю, что говорю. И мне нужно идти.

– Но вы поужинаете со мной? Когда? Завтра? Послезавтра? До этого я не уеду из Лондона.

– Тогда сегодня.

– И покончим с этим? – Он засмеялся, и она, неожиданно для себя

засмеялась вместе с ним. Потом она посерьезнела и пошла к двери. Ллевеллин отступил, пропуская ее, открыл перед ней дверь.

– Отель «Виндзор», восемь часов. Я буду ждать.

Глава 2

Лаура сидела перед зеркалом в своей маленькой квартирке. Она изучала свое отражение, и странная улыбка играла у нее на губах. В правой руке у нее была губная помада; она посмотрела, что написано на золоченом патрончике. «Роковое яблоко».

Она еще раз подивилась импульсу, подтолкнувшему ее зайти в роскошный отдел парфюмерии в магазине, мимо которого она проходила каждый день.

Продавщица представила ей на выбор помаду, она продемонстрировала ее на тыльной стороне своей изящной руки с длинными пальцами и ярко-красными ногтями.

Пятна розового цвета, сиреневого, алые, каштановые, цикламен, иногда их было трудно даже отличить друг от друга, если бы не названия фантастические названия.

«Розовая молния», «Старый ром», «Туманный коралл», «Спокойный розовый», «Роковое яблоко».

Лауру привлекло название, а не цвет.

Роковое яблоко... Оно несло с собой напоминание о Еве,^[15] искушении, женственности.

Сидя перед зеркалом, она стала осторожно красить губы.

Болди! Она вспомнила Болди, как он выдергивал вьюнок и читал ей лекцию. Что он говорил? «Покажи, что ты женщина, разверни знамена, иди за своим мужчиной...»

Что-то в этом роде. Не это ли она сейчас делает?

И она подумала: «Да, именно это. Только сегодня, единственный раз в жизни, я хочу быть женщиной, хочу, как другие, нарядиться, накраситься, чтобы привлечь мужчину. Никогда раньше не хотела. Считала, что я не такая. Но я такая. Только этого не знала».

Этот разговор с Болди так сильно врезался ей в память, что, казалось, старик стоит теперь рядом, одобрительно кивает своей большой головой и добродушно ворчит:

«Правильно, юная Лаура. Учиться никогда не поздно».

Милый Болди...

Всегда, всю жизнь у нее был Болди, ее друг. Единственный и верный друг.

Мысли унесли ее на два года назад, к его смертному одру. За ней

послали, но когда она приехала, врач сказал, что он уже почти без сознания и вряд ли узнает ее.

Она села рядом с ним, обеими руками взяла его сморщенную руку и смотрела на него.

Он лежал неподвижно, иногда ворчал и пыхтел, как будто, был чем-то раздражен. С губ срывались невнятные слова.

Однажды он открыл глаза и посмотрел на нее не узнавая. Он сказал:

– Где девочка? Пошлите за ней, неужели не можете?

И не говорите глупости, Что ей вредно смотреть, как человек умирает. Это опыт... а дети воспринимают смерть легко. Лучше, чем мы.

Она сказала:

– Я здесь, Болди. Я здесь.

Но он, закрывая глаза, проворчал:

– Умираю? Нет, я не умираю. Все врачи одинаковы, хмурые черти. Я им покажу.

И он снова впал в полубессознательное состояние, и лишь случайное бормотание выдавало, где блуждают его мысли, в каких воспоминаниях.

– Дурак чертов, никакого исторического чутья... – неожиданный смешок. – Старина Кертис со своей костной мукой. Мои розы лучше, чем его.

Потом она услышала свое имя.

– Лаура – ей надо купить собаку...

Это ее удивило. Собаку? Почему собаку?

Потом он говорил, видимо, с экономкой:

– ..и выбросьте эту сладкую мерзость – ребенку хорошо, а меня тошнит смотреть на нее...

Конечно, это о том грандиозном чаепитии, которое стало событием в ее детстве. Сколько он хлопотал! Эклеры, меренги,^[16] печенье... Слезы подступили к глазам.

Вдруг он открыл глаза, он смотрел на нее, узнавал, говорил с ней. Тон его был непререкаемым:

– Не делай этого, юная Лаура. Тебе не надо было этого делать, ты знаешь. Ни к чему хорошему это не приведет.

И затем самым естественным образом повернул голову набок и умер.

Ее друг...

Ее единственный друг.

Лаура снова посмотрелась в зеркало. Она поразилась тому, что увидела. Неужели все дело – в темно-алой помаде, подчеркнувшей линию ее губ? Неужели это ее губы – полные, без малейших признаков

аскетического? И вообще, в ней не было ничего аскетического, когда она изучала себя в зеркале.

Она вслух заговорила, споря с кем-то, кто был против:

– Почему мне нельзя выглядеть красивой? Один разочек? Только на вечер? Я понимаю, что поздно, но почему бы мне не испытать это? Будет что вспомнить...

* * *

Он сразу спросил:

– Что с вами случилось?

Она придала взгляду равнодушие, и вдруг ее охватило неожиданное смущение. Но она справилась с ними и, чтобы вернуть себе присутствие духа, стала разбирать Ллевеллина по косточкам.

С виду он ей понравился. Немолод, выглядит старше своих лет – из прессы она знала о нем, – но в нем проглядывала мальчишеская застенчивость, – непонятная и странно-обаятельная. Сочетание решимости и робости, взгляд живой, исполненный надежды, словно все в мире ему ново и незнакомо.

– Ничего со мной не случилось. – Она позволила ему снять с нее пальто.

– О нет, случилось. Вы выглядите совсем не такой, как утром!

Она коротко сказала:

– Пудра и помада.

Он принял объяснение.

– Да, утром я заметил, что губы у вас бледнее, чем обычно у женщин. Вы были похожи на монахиню.

– Да... да, наверное.

– Сейчас вы выглядите чудесно, просто чудесно. Лаура, вы очаровательны. Не сердитесь, что я это говорю.

Она покачала головой.

– Я не сержусь.

«Говори это почаще! – кричал внутренний голос. – Повторяй еще и еще! Я никогда такого не слышала!»

– Мы будем ужинать здесь, в моей комнате. Я подумал, что вам это больше понравится. Но, может, я ошибся?

– Я думаю, что так будет лучше всего.

– Надеюсь, ужин будет прекрасным. Но все-таки побаиваюсь. Мне до

сих пор не приходилось задумываться о еде. Я хотел бы, чтобы вам понравилось.

Она улыбнулась, села за стол, и он позвонил официанту.

Ей казалось, что все это ей снится. Потому что перед ней сидел не тот человек, который утром приходил в Фонд.

Он стал моложе, энергичнее, увереннее в себе и ужасно старался угодить. Она вдруг подумала: «Таким он был в двадцать лет. Он многое упустил и теперь вернулся назад, чтобы найти».

Ее охватила грусть, даже отчаяние. Это не правда. Они разыгрывают представление – как это могло бы быть – юный Ллевеллин и юная Лаура. Смешно и трогательно – и вне времени – и все же непонятно – сладостно.

Они приступили к ужину. Еда была посредственная, но оба этого не замечали – оба они ощупью пробирались в Страну Нежности – и разговаривали, смеялись, не придавая значения тому, что говорят.

После того как официант принес кофе и вышел, Лаура сказала:

– Вы знаете обо мне довольно много, а я не знаю о вас ничего. Расскажите.

Он рассказал – о юности, о родителях, о своем воспитании.

– Они живы?

– Отец умер десять лет назад, мать – в прошлом году.

– Они... она очень гордилась вами?

– Мне кажется, отцу не нравилось то, какую форму приняла моя миссия. Его отталкивала экзальтация в религии, но он признавал, что другого пути у меня нет. Мать понимала лучше, она гордилась мной – моей мирской славой, как любая мать на ее месте, но она грустила.

– Грустила?

– Из-за того, что я многого лишился – простого, человеческого. И это отдалило меня от других людей – и от нее тоже.

– Понимаю.

Он продолжал рассказывать историю своей жизни – фантастическую, ни на что не похожую историю, иногда она возмущалась:

– Коммерческий подход!

– С технической стороны? О да.

Она сказала:

– Жаль, что я не очень понимаю. Хотелось бы понять.

Все это было действительно очень важно.

– Для Бога?

Она отшатнулась.

– Нет, что вы. Я имею в виду вас.

Он вздохнул.

– Очень трудно объяснить. Я уже пытался объяснить Ричарду. Вопрос о том, стоит ли это делать, никогда не стоял – я был должен.

– А если бы вас занесло в пустыню – было бы то же самое?

– Да. Но не надо меня так далеко заносить. – Он усмехнулся. – Актер не может играть в пустом зале. Писателю нужно, чтобы его читали. Художнику показывать свои картины.

– Не понимаю; вы говорите так, как будто результат вас не интересует.

– Я не могу знать, каков результат.

– Но ведь есть цифры, статистика, новообращенные – обо всем этом писалось черным по белому!

– Да, да, но это опять техника, суетные подсчеты. Я не знаю, каких результатов хотел Бог и какие получил.

Лаура, поймите простую вещь: если среди тех миллионов, что сходились меня послушать, Богу была нужна всего одна душа, и, чтобы получить ее, он избрал такое средство – этого уже достаточно.

– Из пушки по воробьям!

– По человеческим меркам это так. Но это наши трудности. Нам приходится применять человеческие мерки в суждениях о Боге – что справедливо, а что несправедливо. Мы не имеем ни малейшего представления, чего в действительности Бог хочет от человека, хотя весьма вероятно, что Бог требует, чтобы человек стал тем, чем он мог бы стать, но пока об этом не задумывался.

– А как же вы? Чего теперь Бог требует от вас?

– О, очень просто: быть обычным мужчиной. Зарабатывать на жизнь, жениться, растить детей, любить соседей.

– И вас это удовлетворит?

– Чего же мне еще хотеть? Чего может еще хотеть человек? Я, возможно, в невыгодном положении, я потерял пятнадцать лет обыкновенной жизни. В этом вы можете мне помочь, Лаура.

– Я?

– Вы же знаете, что я хотел бы жениться на вас – ведь знаете? Вы должны понимать, что я вас люблю.

Она сидела, страшно бледная, и смотрела на него.

Нереальность праздничного обеда кончилась, они стали самими собой. Вернулись туда, откуда пришли.

Она медленно проговорила:

– Это невозможно.

– Почему?

- Я не могу выйти за вас замуж.
- Я дам вам время привыкнуть к этой мысли.
- Время ничего не изменит.
- Вы думаете, что никогда не сможете меня полюбить?

Извините, Лаура, но это не правда. Я думаю, что вы уже сейчас меня немножко любите.

Чувство вспыхнуло в ней языком пламени.

- Да, я могла бы вас полюбить, я люблю вас...

Он сказал очень нежно:

- Это замечательно, Лаура... дорогая Лаура, моя Лаура.

Она выставила вперед руку, как бы удерживая его на расстоянии.

- Но я не могу выйти за вас замуж. Ни за кого не могу.

Он посмотрел на нее.

- Что у вас на уме? Что-то есть.

- Есть.

- Ради добрых дел вы дали обет безбрачия?

- Нет, нет, нет!

- Простите, я говорю как дурак. Расскажите мне, дорогая.

- Да, я должна рассказать. Я думала, что никому не скажу.

Она встала и подошла к камину. Не глядя на него, она заговорила обыденным тоном:

- Муж Ширли умер в моем доме.

- Я знаю. Она мне говорила.

- Ширли в тот вечер ушла, я осталась с Генри одна.

Он каждый вечер принимал снотворное, большую дозу.

Уходя, Ширли сказала мне, что уже дала ему таблетки, но я уже закрыла дверь. Когда я в десять часов зашла к нему спросить, не надо ли ему чего, он сказал, что сегодня не получил свою дозу снотворного. Я достала таблетки и дала ему. Вообще-то он уже их принял, вид у него был сонный, как бывает в таких случаях, но ему казалось, что он их еще не пил. Двойная доза убила его.

- И вы чувствуете себя ответственной за это?

- Я отвечаю за это.

- Формально да.

– Более чем формально. Я знала, что он уже получил свою дозу. Я слышала, как Ширли это сказала мне.

- Вы знали, что двойная доза его погубит?

- Я знала, что это может случиться.

Она через силу добавила:

– Я надеялась, что это случится.

– Понятно. – Ллевеллин не проявил никаких эмоций. – Он был безнадежен, да? Я хочу сказать, он остался бы инвалидом всю жизнь?

– Это не было убийством из милосердия, если вы это имеете в виду.

– Что было потом?

– Я полностью признала свою ответственность. Меня не судили. Встал вопрос, не могло ли это быть самоубийством – то есть не сказал ли Генри мне нарочно, что таблеток не принимал, чтобы получить двойную дозу. Таблетки всегда лежали вне пределов досягаемости, чтобы он не мог их взять в приливе отчаяния или гнева.

– Что вы сказали на это предположение?

– Я сказала, что так не считаю. Что Генри ни о чем подобном не думал. Он продолжал бы жить долгие годы, а Ширли ухаживала бы за ним, страдала от его эгоизма и дурного характера, жертвовала для него своей жизнью. Я хотела, чтобы она была счастлива, имела свою жизнь.

Незадолго до этого она познакомилась с Ричардом Уайлдингом, и они полюбили друг друга.

– Да, она мне рассказывала.

– При обычном ходе вещей она бы развелась с Генри.

Но Генри-инвалида, больного, зависящего от нее, – такого Генри она никогда бы не бросила. Даже если уже не любила. Ширли была верна, она самый преданный человек, какого я знала. Как вы не видите? Я не могла стерпеть, что вся ее жизнь будет разбита, потеряна. Мне было все равно, что станет со мной.

– Но вас оправдали.

– Да. Иногда я об этом жалею.

– Да, у вас должно возникать такое чувство. Но они ничего бы и не могли сделать. Даже если это не было ошибкой и если врач подозревал, что вы поступили так из милосердия, или даже не из милосердия, он понимал, что уголовного дела не будет, и не стал бы его поднимать.

Другое дело, если бы заподозрили Ширли.

– Вопрос даже не возникал. Горничная слышала, как Генри сказал мне, что таблеток ему не давали, и просил дать.

– Да, для вас все сошло легко – очень легко. Что вы теперь об этом думаете?

– Я хотела, чтобы Ширли была свободна...

– Оставим Ширли в покое. Речь о вас и о Генри. Что вы думаете насчет Генри? Что для него это было к лучшему?

– Нет.

– Слава Богу.
– Генри не хотел умирать. Я его убила.
– Вы сожалеете?
– Вы хотите знать, сделала ли бы я это еще раз? Да.
– Без угрызений совести?
– Угрызений... О да, это было злое дело, я знаю. С тех пор я живу с этим чувством. Я не могу забыть.

– Отсюда Фонд для неполноценных детей? Добрые дела? Суровый долг в искупление вины?

– Это все, что я могу сделать.

– Ну и как, помогло?

– Что вы имеете в виду? Это полезное дело, мы оказываем помощь..

– Я имею в виду не других, а вас. Вам это помогло?

– Не знаю...

– Вы хотели наказать себя?

– Я хотела компенсировать зло.

– Кому? Генри? Но Генри мертв. И, насколько я знаю, его меньше всего беспокоили неполноценные дети. Посмотрите правде в лицо, Лаура: вы ничего не можете возместить.

Она замерла, как будто получила удар. Затем она откинула голову, лицо опять порозовело, она посмотрела на него с вызовом, и его сердце забилося; он ею восхищался.

– Вы правы, – сказала она. – Я правда пыталась обмануть себя, но вы показали, что мне это не удастся. Я говорила, что не верю в Бога, а на самом деле я верю. Я знаю, что мой поступок – зло. В глубине души я знаю, что буду за это проклята. Но я не раскаиваюсь. Я пошла на это с открытыми глазами. Я хотела, чтобы у Ширли была возможность стать счастливой, и она была счастлива. О, я знаю, счастье длилось недолго, только три года. Но даже если у нее было всего три года счастья и она умерла молодой – дело того стоило.

Глядя на нее, Ллевеллин испытал сильнейшее искушение – никогда не рассказать ей правды. Пусть у нее останутся хотя бы иллюзии. Он любит ее, а если любит, то как он может втоптать в грязь, развенчать ее мужественный поступок? Пусть она никогда не узнает.

Он подошел к окну, раздвинул шторы и невидящими глазами посмотрел на освещенную улицу.

Когда он повернулся, голос его был тверд.

– Лаура, знаете ли вы, как умерла ваша сестра?

– Она попала под...

– Да, но как случилось, что она попала под грузовик, вы не знаете. Она была пьяна.

– Пьяна? – непонимающе повторила она, – Хотите сказать, там была вечеринка?

– Никакой вечеринки. Она украдкой ушла из дома в город. Она делала это не раз. Она сидела в кафе и пила бренди. Не часто. Обычно она напивалась дома. Пила одеколон и лавандовую воду. Пила до беспамятства. Слуги знали, Уайлдинг – нет.

– Ширли пила? Но она никогда не пила! Только не это! Почему?

– Она пила потому, что жизнь казалась ей невыносимой, и она старалась убежать от нее.

– Я вам не верю.

– Это правда. Она мне сама сказала. Когда умер Генри, она почувствовала себя так, как будто сбилась с пути.

Она была потерянным, заблудившимся ребенком.

– Но она любила Ричарда, а Ричард любил ее.

– Ричард любил ее, но разве она хоть когда-нибудь любила его? Это было короткое увлечение – и все. Потом, измученная горем, измотаная долгим уходом за калекой, она вышла за него замуж.

– И она не была счастлива? Я не могу в это поверить.

– А что вы знаете о своей сестре? Разве человек может казаться одинаковым двум различным людям? Вы всегда смотрели на Ширли как на беспомощного ребенка, которого вы спасли из огня, она казалась вам слабой, нуждающейся в постоянной защите и любви. Но я увидел ее совсем иначе, хотя я могу ошибаться, как и вы. Я увидел храбрую, отважную женщину, склонную к аванюре, способную сносить удары, способную постоять за себя, нуждающуюся в новых трудностях для проявления всей силы ее духа. Она устала, она была в напряжении, но она выиграла свою битву, она сделала доброе дело в той жизни, которую для себя избрала, – она вытаскивала Генри из отчаяния на белый свет, она праздновала победу в ту ночь, когда он умер. Она любила Генри, Генри был то, чего она желала. Жизнь ее была трудной, но полной страсти и потому стоящей.

А когда Генри умер, ее опять укутали в вату, окружили любовью, о ней тревожились, и она не могла из этого вырваться, как ни боролась. Тогда она и обнаружила, что вино помогает. А уж если женщина поддавалась пьянству, ей нелегко бросить.

– Она никогда не говорила мне, что несчастна... никогда.

– Не хотела, чтобы вы об этом знали.

– И в этом виновата я – я?

– Да, мое бедное дитя.

– Болди знал, – сказала Лаура. – Вот что он имел в виду, когда сказал: «Тебе не надо было этого делать, юная Лаура». Давным-давно он меня предупреждал: «Не вмешивайся. Откуда нам знать, что лучше для другого?» Вдруг она резко к нему повернулась. – Она... нарочно? Это самоубийство?

– Вопрос остался открытым. Возможно и такое. Она сошла с тротуара прямо под грузовик. В глубине души Уайлдинг считает так.

– Нет. Нет, нет!

– Но я так не думаю. Я лучше знаю Ширли. Она часто бывала близка к отчаянию, но она никогда бы на это не пошла. Я думаю, она была борцом, она продолжала сражаться. Но пить не бросишь по мановению руки. То и дело возникают рецидивы. Я думаю, она сошла с тротуара, будучи в прострации, она не понимала, что делает, где находится.

Лаура упала на диван.

– Что мне делать? О, что мне делать?

Ллевеллин подсел к ней и обнял за плечи.

– Выходите за меня замуж. Начнете жизнь сначала.

– Нет, нет, я никогда не смогу.

– Почему же? Вы нуждаетесь в любви.

– Как вы не понимаете – я должна заплатить за то, что сделала. Каждый должен платить.

– Как вас преследует мысль о расплате!

Лаура повторяла:

– Я должна заплатить.

– Да, в этом я с вами согласен. Но разве вы не видите, дорогое дитя...

– Он помедлил перед тем, как сказать ей последнюю горькую правду, которую ей следовало знать. – За то, что вы сделали, уже заплачено. Заплатила Ширли.

Она посмотрела на него с ужасом.

– Ширли заплатила за то, что сделала я?

Он кивнул.

– Да. Боюсь, с этим вам придется жить дальше. Ширли заплатила. Ширли умерла, и долг списан. Вы должны идти вперед, Лаура. Вы должны не забывать прошлое, а хранить его там, где ему положено быть – в памяти, но не в повседневной жизни. Вы должны принять не наказание, а счастье. Да, моя дорогая, счастье. Перестаньте только давать, научитесь брать. Бог поступает с нами странно – сейчас Он вам дает счастье и любовь, я уверен в этом.

Примите их с кротостью.

– Не могу. Не могу!

– Должны.

Он поставил ее на ноги.

– Я люблю вас, Лаура, а вы любите меня – не так сильно, как я вас, но любите.

– Да, я вас люблю.

Он поцеловал ее долгим, жадным поцелуем.

А потом она сказала с легким, неуверенным смешком:

– Вот бы Болди узнал! Он бы порадовался!

Она было пошла, но споткнулась и чуть не упала. Ллевеллин подхватил ее.

– Осторожнее, вы не ушиблись? Могли удариться головой о каминную полку, а она мраморная...

– Ерунда.

– Может, и ерунда, но вы мне слишком дороги...

Она улыбнулась. Ощутила его любовь и тревогу. Она желанна – как она мечтала об этом в детстве. Вдруг еле заметно ее плечи слегка опустились, как будто на них легла ноша – легкая, но все же ноша.

Впервые она почувствовала и познала бремя любви...

notes

Примечания

1

Первородный грех – грехопадение Адама и Евы – вкусивших, несмотря на запрет Бога, яблоко с древа добра и зла – ставшее, согласно христианскому вероучению врожденным свойством человеческой сущности.

2

Имеется в виду Вторая мировая война.

Пайтчли – охотничье общество в графстве Нортгемптоншир, занимающееся главным образом верховой охотой на лис с гончими.

Во время Второй мировой войны в Великобритании существовала талонная система снабжения предметами первой необходимости.

Псалмы, XXIII, 4.

Цитата из трагедии Вильяма Шекспира «Макбет», акт V, сц.5.

Намек на эпизод из Библии, гл. 4, ст. 3.

История Иова рассказана в Книге Иова Ветхого Завета.

9

Имеется в виду язык кельтского населения Уэльса.

Конкурс бардов (айстедвод) ежегодно проводимый в Уэльсе фестиваль валлийских певцов, музыкантов и поэтов, молодых и непрофессиональных.

Эдипов комплекс – подсознательная привязанность ребенка к родителю противоположного пола и отторжение от другого родителя. Эдип – в древнегреческой мифологии – царь Фив, которому было предсказано, что он убьет собственного отца и женится на матери, что и произошло.

Коро Камиль (1796 – 1875) – французский живописец, один из создателей реалистического пейзажа, картины которого отличались поэтичностью, светлым колоритом.

Библия, Ветхий Завет, Песнь Песней, II, 5

Имеется в виду библейская притча о фарисее и мытаре, Новый Завет, Евангелие от Луки, XVIII, 10 – 14.

Библейская аллюзия, – намек на грехопадение Адама и Евы, вкусивших, несмотря на запрет Бога, яблоко с древа познания добра и зла и изгнанных за это из Эдема (Ветхий Завет, Книга Бытия, III).

Меренги (фр.) – сухие пирожные из взбитых белков или сливок.